

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 3
Общественные науки

2013

№ 4 (121)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 3
Social and Political Sciences

2013

№ 4 (121)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ,
председатель совета
- Д. В. Бугров**, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
- М. Б. Хомяков**, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. УрО РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. СО РАН
- В. А. Виноградов**, чл.-корр. РАН
- А. В. Головин**, чл.-корр. УрО РАН
- С. В. Голынец**, акад. РАН
- К. Н. Любутин**, проф. УрФУ
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Д. Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- П. Бушкович**, проф. (США)
- М. М. Гиршман**, проф. (Украина)
- М. Гудерцо**, проф. (Италия)
- Л. Инчуань**, проф. (Тайвань)
- А. Ковач**, проф. (Румыния)
- Н. Коллман**, проф. (США)
- Дж. Майклсон**, проф. (США)
- А. Мустайоки**, проф. (Финляндия)
- Б. Ю. Норман**, проф. (Белоруссия)
- М. Перри**, проф. (Великобритания)
- Х. Рюсс**, проф. (Германия)
- Г. Саймонс**, проф. (Швеция)
- К. Хьюитт**, проф. (Великобритания)
- А. Федотов**, проф. (Болгария)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

Н. В. Суслов,

канд. филос. наук, доц.

Заместитель главного редактора
по международным связям

А. С. Меньшиков,

канд. филос. наук, доц.

Ответственный секретарь

Е. С. Ковалева

Члены редколлегии

Философия

А. Г. Кислов,

канд. филос. наук, доц.

Т. А. Круглова,

докт. филос. наук, проф.

Е. Г. Трубина,

докт. филос. наук, проф.

Д. М. Федяев (Омск),

докт. филос. наук, проф.

А. Ю. Цофнас (Одесса, Украина),

докт. филос. наук, проф.

Е. С. Черепанова,

докт. филос. наук, проф.

Социология

Е. В. Грунт,

докт. филос. наук, проф.

А. В. Меренков,

докт. филос. наук, проф.

Л. Л. Рыбцова,

докт. социол. наук, проф.

Политология

Т. Х. Керимов,

канд. полит. наук.

Н. А. Комлева,

докт. полит. наук, проф.

О. Ф. Русакова,

докт. полит. наук, проф.

Международные отношения

В. Д. Камынин,

докт. ист. наук, проф.

В. И. Михайленко,

докт. ист. наук, проф.

Психология

В. В. Макерова,

канд. филос. наук, доц.

Р. Р. Муслумов,

канд. психол. наук

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ В XX—XXI вв.

- Камынин В. Д., Костогрызов П. И.* Роль чехословацкого восстания в активизации иностранной интервенции в России весной — летом 1918 г. 6
- Лазарева Е. В.* К вопросу о роли иностранного капитала как фактора втягивания России в Первую мировую войну на стороне Антанты 14
- Валиахметова Г. Н.* Советский фактор в англо-саудовских отношениях (1939—1940) 20
- Михайленко В. И.* Фашистские планы «нового европейского порядка» 30
- Йонтер Т.* Почему Швеция не стала создавать атомное оружие? 39
- Гаврилова В. А.* Ядерный фактор в американо-индийских отношениях в период администрации Никсона ... 60
- Дронишинец Н. П.* Ракетно-ядерная программа Северной Кореи и ее влияние на общественное мнение в Азиатско-Тихоокеанском регионе 65
- Кутнаева Н. А.* Зоны, свободные от ядерного оружия, в структуре международного режима нераспространения 73
- Михайленко Е. Б.* Проблемы переоснащения тактического ядерного оружия в Европе: новый виток «холодного» противостояния? 89
- Синовец П. А.* Россия — США: проблемы и перспективы двухстороннего диалога в военно-стратегической сфере 96
- Муратшина К. Г.* Россия — Китай: о некоторых особенностях партнерства в международной сфере (1991—2011) 105

ТРЕНДЫ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

- Гуторов В. А.* СМИ как актор политического процесса: эволюция западных концептуальных подходов во второй половине XX в. (часть 2) 117
- Маноило А. В.* Революции «арабской весны» и сирийский вопрос 148

ОНТОЛОГИЯ

- Керимов Т. Х.* Время и сознание времени: границы феноменологического анализа 158

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

- Кемеров В. Е.* Социальный хронотоп и трансформации современного общественнознания 172
- Меренков А. В., Антонова Н. Л., Дорожнинская Е. С.* Проблемы социальной адаптации иностранных студентов в Уральском федеральном университете 185

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

- Макерова В. В., Мочалова Т. С.* Доминирование как личностная черта у мужчин, прошедших службу в армии 193

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

- Емельянов Б. В., Ионайтис О. Б.* Противостояние: церковь против идей и сочинений Л. Н. Толстого 203

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Валиахметова Г. Н.* Парадоксы «арабской весны»: взгляд российских востоковедов 211

- АВТОРЫ НОМЕРА 217

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ В XX—XXI ВВ.

В этом разделе представлены некоторые результаты научной деятельности кафедры теории и истории международных отношений нашего университета в сотрудничестве с российскими и зарубежными исследовательскими центрами. Созданная двадцать лет назад, кафедра теории и истории международных отношений продолжает традиции научной школы профессора И. Н. Чемпалова, чье 100-летие со дня рождения отмечается в 2013 г. Ее сотрудники осуществляют исследовательскую работу в областях истории международных отношений, международной безопасности, современной мировой политики и страноведения. В научно-исследовательском плане коллектив кафедры взаимодействует с Российским советом по международным делам, со Шведским агентством по радиационной безопасности, с Фондом Уго Спирито и Ренцо Де Феличе (Италия), с российскими университетами Москвы (МГИМО-университет), Новосибирска (Новосибирский государственный технический университет), Томска (Томский государственный университет), Новоуральска (Новоуральский технологический институт), с зарубежными университетами Италии (Миланский, Флорентийский, Бергамо, Витербо университеты), Испании (Университет Кордовы), Швеции (Стокгольмский университет), Кыргызстана (Международный университет Центральной Азии), Украины (Одесский национальный университет). Публикуемые статьи написаны для нашего журнала в рамках подготовки к Первым Чемпаловским чтениям.

УДК 94(470)“1918” + 94(100)“1918” + 94(470.5)“1918”

В. Д. Камынин
П. И. Костокрызов**РОЛЬ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ВОССТАНИЯ
В АКТИВИЗАЦИИ ИНОСТРАННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В РОССИИ
ВЕСНОЙ — ЛЕТОМ 1918 г.**

В статье рассматривается значение восстания Чехословацкого корпуса для интернационализации Гражданской войны в России весной — летом 1918 г. Авторами вводятся в научный оборот новые источники, которые позволяют пролить свет на роль различных держав, оказавших влияние на вовлечение военнопленных бывшей Австро-Венгерской империи в противостояние различных политических сил в России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Гражданская война в России, Чехословацкий корпус, Антанта, большевистское правительство, Уральский регион.

Поворотным событием в разворачивании гражданской войны на Восточном фронте стало выступление Чехословацкого корпуса против советской власти. В советской историографии оно даже признавалось официальным началом Гражданской войны и рассматривалось как главный фактор, обусловивший падение советской власти на территории Поволжья, Урала и Сибири летом 1918 г. Другим «общим местом» советской историографии являлось утверждение, что восстание было «спровоцировано представителями Антанты».

Классическая схема событий выглядела примерно так: планируя интервенцию против республики Советов, руководство Антанты решило использовать Чехословацкий корпус в качестве передового отряда интервенционистских сил. Окончательное решение о выступлении против советской власти было принято на совещании представителей Антанты, командования корпуса и правых эсеров 14 мая 1918 г. в Челябинске, а 25 мая начался «мятеж белочехов» [4, 176; 13, 180–182]. Непредвзятое изучение всего комплекса источников, ставших доступными в постсоветское время, позволило современным исследователям существенно скорректировать эту картину.

Не отрицая наличия у Антанты планов интервенции с участием Чехословацкого корпуса, необходимо все же отметить, что они не носили столь определенного характера, чтобы можно было бы говорить о выступлении корпуса как о вопросе решенном и тем более о «сигнале» к этому выступлению, данному на совещании 14 мая. Неизвестно, обсуждался ли вообще вопрос участия чехословацких легионеров в действиях против большевиков на этом совещании, достоверных данных об этом нет¹. Но из дипломатической переписки видно, что еще 16 мая английское Министерство иностранных дел рассматривало интервенцию как событие гипотетическое, которое могло и не произой-

¹ Ф. Д. Волков относит это совещание к 23 мая [2, 104]. В таком случае его решения уже никак не могли повлиять на ход событий: провокационная телеграмма Аралова, после которой чехословакам не оставалось ничего другого, кроме как защищаться с оружием в руках, была дана в тот же день.

ти, а 18 мая посол Франции Нуланс сообщал французскому представителю при Чехословацком корпусе (который был де-юре частью французской армии) майору А. Гинэ, что решение об интервенции принято, но начало ее назначено на конец июня [14, 88; 15, 61]. Кроме того, союзники в этот период пытались добиться разрешения советского правительства на интервенцию, так как направлена она должна была быть против немцев, а не против большевиков [2, 107]. Таким образом, восстание Чехословацкого корпуса, начавшееся 25 мая 1918 г., не было прямым следствием неких решений Антанты, доведенных до сведения чешских командиров 14 мая в Челябинске.

Главный вывод, который делают современные исследователи вопроса, заключается в том, что к «антисоветскому мятежу» чехословаков подталкивали не только антантовские представители и внутренние враги большевизма, но и само советское руководство. В самом деле, действия высокопоставленных большевиков по отношению к Чехословацкому корпусу выглядят как провокация.

В феврале выведенные с фронта части корпуса начали движение в направлении на Владивосток — с согласия советского правительства. 26 марта Совнарком устами И. В. Сталина внезапно потребовал полного разоружения чехословацких эшелонов, на что филиал Национального совета (орган, руководивший чехословаками в России), разумеется, не согласился. На следующий день было достигнуто компромиссное соглашение: каждому эшелону для самозащиты оставлялось 168 винтовок и пулемет. Но в тот же день Л. Д. Троцкий вновь приказывает местным властям полностью разоружить легионеров (этот приказ он повторяет по крайней мере еще один раз — 24 апреля), 9 апреля аналогичное указание дает Сталин, а 31 марта нарком иностранных дел Г. В. Чичерин по требованию германского посла графа Мирбаха рассылает телеграммы с приказом вообще остановить продвижение чехословацких эшелонов [15, 57–59; 26, 90–91]. Но на местах просто не было достаточных сил, чтобы противостоять пусть и вооруженным лишь частично, но вполне боеспособным регулярным войскам, и движение частей корпуса на восток продолжается, при этом, разумеется, учащаются конфликты с представителями советской власти, растет недоверие между ними и чехословаками.

Чем же объясняется столь странное поведение большевистского руководства? С одной стороны, конечно, давлением Германии, не желавшей появления у Антанты на Западном фронте дополнительных сил, однако германский фактор не объясняет явно просматривающееся в этих действиях подталкивание чехословаков к конфронтации. Напрашивается вывод, что большевики стремились использовать легионеров как своеобразный «детонатор» гражданской войны, который должен был «взорвать» общество, побудить всех врагов большевизма выступить открыто и тем самым дать большевикам повод нанести им ответный удар, который сокрушит их навсегда. Сама мысль о намеренном провоцировании гражданской войны правящей партией в собственной стране может показаться парадоксальной. Но в свете того, что говорилось выше о планах большевиков по строительству совершенно нового типа общества, для чего были необходимы радикальный разрыв со всей предшествующей исторической традицией и разрушение сложившейся общественной структуры,

она становится вполне понятной. Именно гражданская война является идеальным «инструментом» для «сноса» структур «старого мира» и одновременно подавления сопротивления всех его защитников. Конечно, она, как и любая война вообще, несет возможность поражения, но в чем большевиков никогда нельзя было упрекнуть, так это в неготовности идти на риск.

Итак, большевики, на наш взгляд, вполне сознательно толкали чехословаков на вооруженный конфликт, в эскалации которого советское руководство было заинтересовано не меньше, если не больше, чем страны Антанты.

Первый значительный инцидент произошел 14 мая на вокзале Челябинска. Металлическим предметом, брошенным из проезжавшего мимо поезда с бывшими военнопленными-венграми, был тяжело ранен чешский солдат. Его товарищи остановили поезд и убили виновника. Большевистская следственная комиссия, осуществлявшая дознание, арестовала 10 чехословацких солдат, направленная в Совет чехословацким командованием делегация (12 человек) была также арестована. В ответ 17 мая чехословацкие части вошли в город, разоружили красногвардейцев и захватили городской арсенал (2800 винтовок и артиллерийскую батарею). Совет посчитал за лучшее освободить арестованных [3, 70, 71; 19, 9–23].

Большевистское руководство воспользовалось этим инцидентом как удобным поводом для дальнейшего обострения ситуации. 21 мая оно арестовало представителей Чехословацкого национального совета в Москве П. Максудова и Б. Чермака. Первый из них был практически единственным в Национальном совете противником участия чехословацких легионеров в интервенции, так что его арест усилил позиции сторонников «жесткой линии» по отношению к большевикам. Арестантов заставили послать чехословацким эшелонам приказ сдать все оружие местным советским властям [14, 89]. Разумеется, эффект этого решения был обратным.

23 мая заведующий оперативным отделом Народного комиссариата по военным делам Аралов телеграфировал в Пензу: «...Предлагаю немедленно принять срочные меры к задержке, разоружению и расформированию всех эшелонов и частей чехословацкого корпуса как остатка старой регулярной армии. Из личного состава корпуса формируйте красноармейские и рабочие артели» [Там же, 90]. Таким образом, легионеров планировалось не только разоружить, но и оставить на неопределенное время в России, да еще использовать в качестве «интернационалистов» в Красной армии или перевести вновь на положение военнопленных, в то время как их враги — немцы и венгры — на всех парах мчались домой, на Запад! Естественно, и этот приказ, невыполнимый для тех, кому он предназначался, стал еще одним провоцирующим фактором для чехов. Впрочем, возможно, для этого он и издавался.

Утром 25 мая произошло первое серьезное боестолкновение чехословацких войск с Красной армией: группа Р. Гайды атаковала Мариинск, но после непродолжительного боя было заключено перемирие. Но вечером того же дня Л. Д. Троцкий уже разослал свой печально знаменитый приказ № 377, по которому чехословаки объявлялись мятежниками, а все Советы от Пензы до Омска обязывались немедленно их разоружать. Каждый чехословак, который

мог быть обнаружен вооруженным на железной дороге, должен был быть расстрелян на месте. Эшелоны, в которых оказывался хотя бы один вооруженный, подлежали расформированию, а личный состав — интернированию в лагерь для военнопленных [14, 91; 26, 92].

С этого момента большевики и чехословаки оказались в состоянии войны, и обратного пути уже не было. Но цель этой войны для легионеров была весьма ограниченной: речь шла не о свержении советской власти, а лишь об обеспечении транспортировки подразделений Корпуса во Владивосток и далее на Западный фронт. Это подтверждается тем, что и после 25 мая чехословаки продолжали двигаться по-прежнему в восточном направлении, только теперь им приходилось пробиваться с боями, попутно ликвидируя советскую власть. Группа Чечека, заняв Пензу, без боя оставила ее и двинулась на Сызрань. Так же действовала группа Гайды в Иркутске. А самая многочисленная группа Дитерихса оставалась во Владивостоке, ожидая подхода остальных частей и не предпринимая никаких действий [14, 92–95].

Но очень скоро ситуация изменилась: к чехословацким войскам стали присоединяться русские повстанцы, которые видели в них сильных союзников в борьбе с большевизмом. Восстание Чехословацкого корпуса стало, таким образом, катализатором антибольшевистского движения на Востоке России, а сам корпус — центром (или скорее осью — в силу своего географического расположения) притяжения для всех участвующих в нем сил. Легионеры неожиданно для себя оказались вовлечены в русскую гражданскую войну, и неумолимая логика событий кардинально изменила их планы: вместо ускорения продвижения на Восток им пришлось задержаться в России и повернуть в противоположную сторону.

Во многих городах Сибири, Урала и Поволжья существовали подпольные антибольшевистские организации, которые помогали чехословакам в свержении советской власти. Они становились центрами формирования новых органов власти на освобожденных от большевиков территориях (Комитеты народной власти и т. д.) и начинали создавать вооруженные силы для продолжения борьбы. Сначала эти отряды имели вспомогательный характер при Чехословацком корпусе, но очень скоро на их основе образовались самостоятельные антибольшевистские армии. 10 июня в Омске после соединения челябинской и сибирской групп чехословаков состоялось совещание чешского командования с представителями вновь созданного Временного сибирского правительства. На совещании было принято решение о совместной борьбе с советскими войсками [12, 74–75], и после этого направление движения Чехословацкого корпуса изменилось с восточного на западное.

Объясняя успехи «белочешских» войск, советские историки склонны были преувеличивать их количество: назывались цифры в 45, 50 и даже 60 тыс. человек [5, 657; 6, 179; 10, 91]. Наиболее обоснованной представляется точка зрения Г. Д. Симонова, который определяет численность корпуса на момент восстания в 31 тыс. человек [27], причем группа генерала Дитерихса численностью в 13,5 тыс. штыков, сосредоточенная во Владивостоке, активного участия в боевых действиях против красных на начальном этапе не принимала.

В период развертывания интенсивных боевых действий чехословаки воспринимали войну с большевиками как продолжение Первой мировой, такой же была официальная позиция покровительствовавшей им Антанты [33, 151–167]. Большевики, в свою очередь, стремились показать себя защитниками страны от иностранного вторжения.

Обе стороны в своих политических заявлениях подчеркивали «интервенционистскую» природу противника: белые говорили о «немецко-большевистских» войсках (и для этого были основания: в Красной армии сражалось большое количество немцев и венгров — бывших военнопленных [11, 32], а с началом чехословацкого восстания большевики активизировали набор военнопленных в армию — от имени «ЦИК Коммунистической Партии иностранных Рабочих и крестьян Урала» выпустили воззвание к военнопленным, призывающее «с оружием в руках выступить против одураченных наемников реакции» [25, 143]), а красные — о «белочехах», лишь «через запятую» упоминая, как нечто незначительное, прочих «белогвардейцев».

Между тем уже к середине июня 1918 г. численность белогвардейских вооруженных формирований Урала и Сибири, объединенных в Сибирскую армию, была значительно больше численности действовавших вместе с ними чехословацких частей. Лишь в Поволжье чехословацкие войска в ходе всей кампании 1918 г. численно преобладали над Народной армией Комуча [27].

В ночь на 27 мая чехословаки заняли Челябинск, разоружив местный гарнизон. В городе был образован Комитет народной власти, куда вошли три казака, по одному представителю чехословаков, эсеров и меньшевиков, и восстановлена городская дума (с эсеро-меньшевистским большинством) [24, 1–2].

Профсоюз железнодорожников, как и в дни октябрьского переворота, попытался выступить посредником между большевиками и чехословаками. Железнодорожники, с одной стороны, задерживали поезда с войсками, двигавшимися на подавление восстания, а с другой — намеревались объявить забастовку на Челябинском узле, уже занятом чехословаками [23, 47; 24, 1–2]. Однако ни советская власть, ни повстанцы не готовы были идти на уступки и вести переговоры. Маховик гражданской войны раскручивался все сильнее, и попытки остановить его обеими сторонами воспринимались как саботаж. Под угрозой репрессий профсоюзные деятели вынуждены были оставить свои намерения.

Местное население, «почти целиком и полностью настроенное против большевиков» [29, 97], отнеслось к восставшим легионерам в основном «весьма сочувственно, даже восторженно» [28, 73]. Уральцы активно содействовали продвижению чехословацких войск, включаясь в борьбу с большевиками на территориях, которые те еще контролировали. Если не хватало сил поднять восстание, совершали диверсии на железных дорогах [18] и т. д. Так, южно-уральские железнодорожники устроили крушение около станции Баритная эшелону отряда красноармейцев, отступавшего от Златоуста. Затем отряд отошел на Кусинский завод, но и там столкнулся с «антисоветским настроением населения» [31, 104]. 1 июня на заводе началось восстание.

Усилилось сопротивление мобилизации в Красную армию. Например, в Сатке смогли «мобилизовать» лишь трех человек [8]. Если же и удавалось

набрать более-менее значительный контингент, это иногда приводило к результату, противоположному ожидаемому. Насильно мобилизованные жители села Покровского раскрыли фронт и помогли белым без боя взять Режевской завод (за это красные, по словам «Известий Екатеринбургской церкви», «подвергли обстрелу из двух броневигов село Покровское, сожгли около ста домов, учиняя над жителями, подобно турецким башибузукам, страшные зверства, разграбили и полуразрушили величественный Покровский храм» [9, 349]).

Важным центром Южного Урала был Троицк, взятие которого привело бы к соединению сил оренбургских казаков и восставших чехословацких легионеров и образованию единого фронта против красных. 13 июня Челябинская группа чехов полковника Войцеховского предприняла первую попытку взять город, но потерпела неудачу [20, 87]. 18 июня в результате совместного наступления чехословацкого батальона и отдельного артиллерийского взвода Оренбургского казачьего войска под командованием подъяесаула Печенкина красные были выбиты из Троицка [6, 20–21]. Как и во многих других населенных пунктах, местные жители оказывали поддержку наступающим белым частям: мемуары красноармейцев свидетельствуют, что когда они покидали город, в них из окон бросали бомбы [22, 71]. Чехов и казаков встречали как освободителей, представитель местных профсоюзов произнес приветственную речь [Там же, 33].

От Троицка части Войцеховского повернули к Златоусту. Первая схватка за этот город произошла еще 27 мая, когда местные власти, получившие известие о взятии Челябинска чехословаками, попытались разоружить чешский эшелон под командованием капитана Гордлички, в котором было около 800 легионеров. Чехи оказали сопротивление, завязался бой, в результате которого красные вытеснили чехословаков из города [21, 60 об.].

Лишь через месяц белые с помощью восставших крестьян Златоустовского уезда и жителей города заняли Златоуст. Был образован Комитет по восстановлению земского аппарата, в который вошли уездный агроном В. П. Селезнев (председатель), член городской управы Н. Т. Корнев и 9 крестьян из разных частей уезда, «оказавшихся к тому времени в городе» [8]. Комитет призвал земских служащих, уволенных или ушедших в отставку при большевиках, вернуться на свои должности. Вскоре в Златоуст вернулся председатель уездной земской управы Прокофьев, и комитет сдал все дела ему. Для координации действий военных и гражданских властей был создан Временный организационный комитет, в который, кроме членов земской управы, вошли представители профсоюзов, чехословацких и русских войск. Восстановление нормальной работы городского и земского самоуправления заняло более месяца: еще в августе в некоторых волостях продолжались пере выборы земств, многие гласные которых «лишились доверия населения благодаря их уклону в сторону советской власти» [10].

Пока чехи Войцеховского наступали на запад, в направлении Златоуста, пополнившийся в Троицке казачий отряд атамана Б. В. Анненкова (входил в состав Сибирской армии) повел наступление на Верхнеуральск — центр

второго округа Оренбургского казачьего войска. Одновременно к Верхнеуральску двигались три казачьих полка, сформированных в станицах Кундравинской, сбросившей советскую власть вскоре после восстания чехословацкого корпуса, и Уйской, освобожденной кундравинцами через несколько дней. Постепенно к восстанию присоединилось 11 станиц [17, 36]. Созданный восставшими станичниками орган власти — Военная комиссия под председательством бывшего члена Государственной думы П. П. Вопилова — призвал «под национальные знамена почти все способное носить оружие казачье население окрестных станиц» [7, 11–12].

Красные войска Ивана Каширина, засевшие в Верхнеуральске, отчаянно сопротивлялись. Каждый поселок на пути к Верхнеуральску казакам приходилось брать с боем, некоторые из них по два раза переходили из рук в руки, так же произошло и в Верхнеуральске: заняв город в первый раз, казаки не смогли его удержать, и только 3 июля каширинцы были выбиты из него окончательно [1, 80–82; 7, 15–22]. В тот же день казаки-повстанцы 1-го округа освободили Оренбург.

30 июня чехословаки и белые взяли Шадринск, 5 июля — Ашу и Сим, 6-го — Миньяр, 8-го — Юрюзань и Усть-Катав, затем Катав-Ивановск [8; 18; 31, 118]. Следующей целью стал Екатеринбург, в направлении которого были сосредоточены основные военные усилия белых на Урале [18].

С 14 июля большевики стали готовиться к тому, чтобы оставить Екатеринбург. Одновременно активизировалось антисоветское подполье, приступившее к формированию отрядов из офицеров и молодежи [16, 13–27]. Первыми ночью с 24 на 25 июля в город вошли оренбургские казаки, сражавшиеся в составе Сибирской армии [18; 31, 119]. Им активно помогали местные белоповстанцы во главе с подпоручиком В. М. Зотовым и штабс-капитаном А. А. Буровым, которые брали под охрану покинутые красными районы, арестовывали не успевших бежать большевиков и препровождали их в тюрьму, откуда выпустили пленных чехословаков и арестованных «контрреволюционеров» [16, 22–24]. «Местной буржуазией и интеллигенцией было устроено шествие с иконами, с пением “Боже, царя храни”... Интеллигентная молодежь, гимназисты и т. п. вооружались, кто чем мог» [30, 9].

Взятием Екатеринбурга и образованием здесь 1 августа 1918 г. Временного областного правительства Урала заканчивается активная фаза участия Чехословацкого корпуса в Гражданской войне в России. Чехословаки выполнили свою задачу: помогли интервентам и белым свергнуть большевистскую власть в Поволжье, на Урале, в Западной Сибири. Вскоре их место займут регулярные белые войска, хорошо вооруженные Антантой и насыщенные иностранными советниками. Чехословацкий корпус начнет свой исход из России, который закончится во Владивостоке только в сентябре 1920 г.

1. Акулинин И. Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. Шанхай, 1937.

2. Волков Ф. Д. Новые документы об использовании пленных чехословаков для интервенции против Советской России // Вопр. истории. 1971. № 2.
3. Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Париж, 1937. Кн. 7.
4. Гражданская война в СССР. М., 1980. Т. 1.
5. Гражданская война и военная интервенция в СССР : энцикл. М., 1987.
6. Журнал военных действий 3 Оренбургского казачьего артиллерийского дивизиона за период с 28 мая по 1 октября 1918 г. / публ. А. В. Ганина // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2002. № 11.
7. Зуев А. В. Оренбургские казаки в борьбе с большевизмом, 1918–1922 гг. : очерки. Харбин, 1937.
8. Златоустовский вестник. 1918. 10 июля.
9. Известия Екатеринбургской церкви. 1918. № 12–13.
10. История Сибири. Л., 1968. Т. 4.
11. Йожа А., Милеи Д. Венгерские интернационалисты в борьбе за победу Октября. М., 1977.
12. Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война, 1918–1921. СПб., 2002.
13. Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965.
14. Константинов С. И. Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы Гражданской войны. Екатеринбург, 1997.
15. Константинов С. И. Выступление чехословацкого корпуса: детонатор Гражданской войны или возможность ее альтернативы? (Опыт альтернативной истории) // Урал в событиях 1917–1921 гг. Актуальные проблемы изучения : материалы регион. науч. семинара, 24–25 апр. 1999 г., г. Челябинск. Челябинск, 1999.
16. Кручинин А. М. Надежды восемнадцатого года: страницы истории екатеринбургского антибольшевистского подполья 1918 г. // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2004. № 14.
17. Машин М. Д. Оренбургское и уральское казачество в годы Гражданской войны. Саратов, 1984.
18. Наш путь. 1918. 4 июля.
19. ОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 142. Л. 9–23.
20. Там же. Д. 158. Л. 87.
21. Там же. Д. 187. Л. 60 об.
22. Там же. Д. 231. Л. 33, 71.
23. Там же. Д. 279. Л. 47.
24. Там же. Д. 287. Л. 1–2.
25. Рабочий класс Урала в годы войны и революции в документах и материалах. Т. 3 : Октябрьский переворот на Урале. Свердловск, 1927.
26. Салдугеев Д. В. Чехословацкий легион в России // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. 1 : История. 2005. № 2.
27. Симонов Д. Г. Чехословацкий корпус на востоке России в 1918–1920 гг. // Сибирская заимка : интернет-журнал. 2003. № 1. URL: http://zaimka.ru/01_2003/simonov_corps/ (дата обращения: 21.08.2009).
28. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т. 1 : 1918–1922 : док. и материалы. М., 1998.
29. ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 15. Л. 97.
30. Там же. Д. 189. Л. 9.
31. Там же. Ф. 221. Оп. 2. Д. 473. Л. 104, 118.
32. Чешско-словацкий дневник. 1918. 3 июня.
33. Xydias J. L'intervention Francaise en Russie 1918–1919. Souvenirs d'un temoin. P., 1927.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА КАК ФАКТОРА ВТЯГИВАНИЯ РОССИИ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ НА СТОРОНЕ АНТАНТЫ

Статья посвящена анализу влияния европейского капитала на внешнеполитический курс России начала XX в. Выявлены основные формы, масштабы и особенности финансового и инвестиционного взаимодействия России с Европой. Показана связь между экономическими отношениями России с Францией, Англией, США и их влиянием на формирование российской военно-стратегической ориентации накануне Первой мировой войны.

Ключевые слова: иностранный капитал, Антанта, политическое взаимодействие, займы, инвестиции, историческая наука.

На рубеже XIX–XX вв. в Европе сложилась новая система международных отношений, которая характеризовалась усилением соперничества в отношениях между великими державами. Все чаще происходили локальные войны за передел сфер влияния. Россия также участвовала в этой борьбе, но, несмотря на выгодное геостратегическое положение, не обладала достаточно развитой промышленностью и финансами и несколько отставала в этой области как от союзников, так и от конкурентов. Однако, исходя из своих национальных интересов, Россия стремилась предотвратить установление военно-политической гегемонии Германии, прекратить экспансию Австро-Венгрии и Германии на Балканах и установить контроль над средиземноморскими проливами. Для решения этих задач в 1890-е гг. Россия постепенно укрепляла союз с Францией, а после раздела сфер влияния в Средней Азии (1895) начала налаживать отношения и с Англией.

Приоритетами российской внешнеполитической концепции являлись сохранение мира в Европе и обеспечение международных условий для быстрого экономического развития страны. К началу XX в. в результате развития международных финансовых связей мир довольно четко разделился на страны экспортирующие и страны импортирующие капитал. Россия входила в число последних. Для решения задач вывода российского хозяйства из кризиса 1900–1904 гг., преодоления промышленной депрессии 1905–1909 гг. и поддержания экономического подъема российское правительство осуществляло импорт капитала из европейских стран.

Главной формой ввоза капитала в Россию в начале XX в. являлись государственные займы, а основным кредитором была Франция. В трудах российских ученых присутствуют данные о размерах и условиях займов царского правительства [11]. Цифры внешнего публичного долга России к началу Первой мировой войны (в 1913 г.) в публикациях варьируются от 8 млрд руб., по данным авторов исследования предпринимательства в России [15, 100] и петербургского экономиста И. М. Бобовича [2, 114], до 12,7 млрд руб., по оцен-

кам уральского историка В. П. Мотревича [14, 246]. Несмотря на то что опубликовано значительное количество документов по данной теме и частично эти сведения введены в научный оборот, современные исследователи отмечают закрытость архивных материалов по дореволюционному российскому государственному долгу [10, 68].

По мнению многих отечественных исследователей, в начале XX в. происходила борьба «антантовского» и германского финансового капитала за участие в строительстве и последующем контроле российской железнодорожной сети [3, 83]. Вполне закономерным было начавшееся в 1908 г. резкое сокращение участия германских банков в выпуске русских железнодорожных облигаций. В канун Первой мировой войны инициатива в этом отношении перешла к французским и английским банкам [1, 9].

Воздействие внешних займов на ход социально-экономического и политического развития страны, как отмечал К. Н. Тарновский, было достаточно пагубным. Это происходило потому, что огромные суммы уходили кредиторам в качестве процентов по полученным займам, которые выплачивались за счет бюджетных поступлений. Повышение налогов вслед за заключением очередного займа за границей — установленная закономерность [18, 73]. Кроме того, необходимость выплаты высоких процентов привела к тому, что иностранные займы превратились в инструмент финансовых кругов Запада, при помощи которого из страны выкачивались созданные в ней накопления. Что касается предвоенного размещения Россией займов в «антантовских» странах, то здесь кредиторы получали возможность влиять не только на экономическую, но и на дипломатическую и военно-стратегическую сферы страны-должника.

При этом руководство страны осознавало зависимость успеха внешней политики от экономического роста. Стабилизация денежной системы и конвертируемость рубля обеспечили в начале XX в. значительный рост удельного веса иностранных вложений в российские ценные бумаги и активный ввоз в страну французского, английского и бельгийского финансового капитала.

Согласно данным современных исследователей, в 1913 г. из 19 крупных банков России 11 были основаны на иностранном капитале, на них приходилось примерно 3/4 банковских средств нашей страны, или более 3 млрд руб. [5, 221]. По мнению Н. Н. Ванага, европейские банки вместе с подчиненными им русскими банками представляли компактные национальные группы, борющиеся за преобладание в русской промышленности с другими национальными банковскими группами [3, 79]. Более того, он был убежден, что с упрочением влияния иностранного капитала на русскую банковскую систему в начале XX в. доминирующие позиции принадлежали именно «антантовскому» капиталу [Там же, 92].

Отметим, что в работах отечественных ученых показано преобладание в ввозимом в Россию судном, финансовом и инвестиционном капитале французского, английского, бельгийского и американского. Это способствовало активизации внешнеполитических контактов, формированию взаимовыгодных экономических связей и повлияло на выбор направления российской военно-стратегической ориентации в начале XX в.

По мнению ученых, в отношениях российских и французских банковских групп общность интересов в одних вопросах переплеталась с борьбой в других; имела место и взаимная корысть, которая была цементирующей основой коммерческих соглашений. Сущность взаимоотношений между русским и европейским финансовым капиталом К. Ф. Шаццелло определял именно как союз, а не как безусловное подчинение [21, 77].

В отличие от финансовой сферы во внешней торговле главным партнером России долгое время оставалась Германия, с которой в 1894 г. был заключен торговый договор. Но в начале XX в. российско-германские торгово-экономические отношения усложнились. Германия увеличила свои претензии, Россия в ответ приняла в 1903 г. антигерманский таможенный тариф. В 1904 г. торговая конвенция между двумя странами все же была подписана, но взаимные претензии не исчезли.

В период предвоенного экономического подъема 1909–1913 гг. в России широко развернулось железнодорожное строительство, проходившее при участии коммерческих банков, в том числе и иностранных. Важным источником и казенного, и гарантированного правительством частного железнодорожного строительства были иностранные займы. В это время власти активно поддерживали частные железнодорожные общества. Ввиду того что в России, в отличие от западных стран, существовал острый дефицит средств для осуществления столь масштабных работ, правительство прибегало к разнообразным мероприятиям по привлечению иностранного и отечественного капитала к инвестированию железнодорожного строительства. В частности, Русско-Азиатский банк, объединявший русский, французский и нидерландский капитал, финансировал строительство Северо-Восточно-Уральской (Тавдинской) железной дороги [11, 124]. По сведениям А. В. Дмитриева, В. П. Тимошенко и др., создание Западно-Уральской и Северо-Восточно-Уральской железной дороги субсидировалось синдикатом ведущих банков Парижа, Лиона и Петербурга, причем около 40 % акционерного капитала выделяли французские банкиры [8, 13; 19, 123]. Становление железнодорожной сети при непосредственном участии иностранного капитала имело прогрессивное значение для экономики России в целом. Благодаря появлению железнодорожной сети в России возникли не только отдельные предприятия, но и целые отрасли промышленности.

Анализируя проблемы прямых иностранных инвестиций, ученые отмечают, что масштабы сотрудничества иностранного капитала с российскими предпринимателями были неодинаковы на протяжении 1900–1913 гг. В условиях экономического кризиса 1900–1903 гг. произошел отток капитала, но в 1909–1913 гг. по абсолютным размерам западные средства перекрыли показатели начала XX в.

В работах И. М. Бобовича, А. В. Века, А. Г. Донгарова, Т. М. Тимошиной, Э. Г. Чумаченко и других российских авторов прослеживается следующая динамика западного инвестиционного участия. В начале XX в. иностранный предпринимательский капитал составлял около 900 млн руб., в 1913 г. — примерно 1,5 млрд руб. [9, 180], в 1915 г. — уже 2,2 млрд руб. [2, 115], а в 1917 г. — 2,5 млрд руб. [4, 667].

Уральские историки Е. В. Алексеева, А. Э. Бедель, Д. В. Гаврилов, А. В. Дмитриев, В. П. Мотревич, Л. В. Сапоговская, В. П. Тимошенко и другие на основании подсчета объема иностранного капитала, действовавшего в отечественной промышленности, установили, что в условиях мировой войны наблюдалась тенденция его сокращения с 29 до 19 % [8, 163]. При этом, согласно данным исследований, в 1917 г. доля зарубежных инвестиций варьировалась в пределах 16–19,5 % [14, 17, 19].

К 1917 г. в промышленность России было вложено около 2,5 млрд руб. иностранного капитала. Эти средства распределялись между крупнейшими участниками в следующем соотношении: Франция — 31 %, Англия — 24 %, Германия — 20 %, Бельгия — 13 %, США — 5% [4, 668]. Таким образом, на страны Антанты приходилось более 70 % средств.

Особую роль прямые инвестиции играли в экономике Уральского региона как одного из крупнейших промышленных центров страны. По наблюдению В. Д. Камынина, изучение истории промышленности всегда было «визитной карточкой» уральской историографии [12, 143], важной заслугой которой стал обстоятельный анализ внешнеэкономических связей края в контексте глобальной политики. В научной литературе отмечено, что проникновение британского капитала на Урал можно разделить на два этапа: первый приходился на начало XX в., второй — на годы предвоенного промышленного подъема [13, 27]. Особый интерес британского бизнеса, по мнению ученых, вызывали медное и золотоплатиновое производства. Об этом свидетельствуют и данные источников [7, л. 15]. Однако наряду с цветными металлами, хоть и в меньшей степени, британские компании занимались разработкой уральских железорудных месторождений [6, л. 3].

В настоящее время научные труды экономической проблематики изобилуют сообщениями о контроле английских финансовых групп Кыштымской, Сысертской и Таналыкской корпораций [11, 122]. Перспективность развития цветной металлургии в этих районах была обусловлена наличием уникальных месторождений меди с высоким содержанием благородных металлов. Поэтому именно там возводились мощности по их комплексной переработке. С целью укрепления своего положения группа Гувера — Уркарта сблизилась с российскими банками [8, 164; 17, 59].

Другая английская фирма, Джонсон, Маттей и К^о, скупила в 1867 г. большое количество платины, скопившейся на Петербургском монетном дворе, благодаря чему стала монополистом на мировом платиновом рынке. Она диктовала цены уральским платинодобывающим предприятиям, поскольку имела в Англии мощный аффинажный завод и заключала долгосрочные договоры на поставку уральской платины [16, 66]. Кроме того, авторами отмечаются факты участия британских специалистов в разведке полезных ископаемых, к примеру серного колчедана [8, 163], а также строительстве и реконструкции заводов [11, 128].

В 1898 г. была образована Платинопромышленная компания анонимного общества, кредитовавшаяся французскими банками для приобретения в Верхотурском уезде 150 приисков. Российское правительство предоставило этой

компания режим наибольшего благоприятствования, так как та обещала осуществлять аффинажное производство в России, но впоследствии нарушила договоренность и построила платиноочистительный завод в пригороде Парижа Сен-Дени [8, 159; 13, 20]. Л. В. Сапоговской было установлено, что под влиянием данной французской компании возникло монополистическое объединение в уральской платиновой промышленности [17, 107]. В работах этого исследователя содержатся и сведения о деятельности на Урале «Франко-бельгийской анонимной компании», которая скупала или арендовала прииски и заключала договоры на продажу платины [Там же, 86]. Кроме того, Бельгия была очень заинтересована в уральском золоте. В 1897 г. «заявило о себе “Франко-бельгийское анонимное общество золотых приисков в Кочкаре”» [8, 159]. Оно успешно работало в течение двадцати лет, не сокращая производство даже в ходе мировой войны [7, л. 15]. Кроме того, в начале XX в. действовало бельгийское «Общество Уральско-Троицких золотых промыслов». В 1908 г. было образовано в Брюсселе «Анонимное общество для аренды золотых приисков».

По данным российских исследователей, в начале XX в. банковский и акционерный капитал завладел большинством горнозаводских округов, способствуя вызреванию предпосылок к преобразованию картелей и синдикатов в монополии высшего типа [8, 165]. С точки зрения В. П. Тимошенко, новаторский эксперимент по развитию связей с мировым рынком был удачным ответом на вызов времени. И нельзя не согласиться с ученым в том, что за досоветскую индустриализацию была заплачена приемлемая цена [20, 124–125]. Историки убеждены, что иностранный капитал восполнил дефицит финансовых средств, тем самым явившись катализатором технологического прогресса и экономического подъема начала XX в. Однако значительная часть полученной прибыли вывозилась за рубеж, т. е. шла на развитие других стран.

Вполне закономерно стратегию России на мировой арене в значительной степени определяла внутренняя социально-экономическая ситуация, следовательно, для достижения внешнеполитических целей требовалось решить ряд проблем внутри страны. Ситуация в стране, сложившаяся после революции 1905–1907 гг., обусловила стремление российской дипломатии к расширению социальной опоры внешней политики страны путем привлечения для ее поддержки новых социальных слоев, и прежде всего крупной российской буржуазии, значительная часть которой имела длительные и прочные связи с западным капиталом. Вследствие этого сложились две группировки по вопросам внешнеполитической ориентации. Одна из них, объединявшая часть высшей бюрократии и крайне правых в Думе и при дворе, выступала за сближение с кайзеровской Германией, союз с которой мог помочь России нейтрализовать Англию и добиться реванша на Дальнем Востоке. Вторая стремилась к укреплению отношений с Англией и Францией. Эту линию поддерживали либеральные и умеренные силы в правительстве и парламенте.

Кроме того, Россия традиционно считала Балканы зоной своих интересов в связи с их ключевым военно-стратегическим положением, значительным православным населением и ролью проливов Босфор и Дарданеллы в российской внешней торговле: через них шло свыше 80 % экспорта российского зер-

на. В балканском регионе России противостояли Германия, укреплявшая свое влияние в Болгарии, Австро-Венгрия и Англия.

Отметим, что по мере нарастания русско-германских противоречий и как следствие антигерманских настроений в обществе поворотным моментом российской внешней политики явился союз с Англией. Вступление России в Антанту, объединявшую Англию, Францию и их союзников, превратило ее в Тройственное согласие, что делало военный конфликт с Германией и Австро-Венгрией неизбежным.

Анализируя проблему влияния иностранного капитала как фактора втягивания России в Первую мировую войну на стороне Антанты, нужно подчеркнуть, что в исторической литературе четко прослеживаются связи между внешнеполитическим курсом России и ее основными внешнеэкономическими партнерами. Размещение государственных и железнодорожных займов осуществлялось главным образом в странах, являвшихся российскими военно-стратегическими партнерами. На них же приходилось более 70 % ввозимого финансового и инвестиционного капитала. Таким образом, внешнеполитический союз России с Францией и Англией был во многом обусловлен экономическим взаимодействием на правительственном и предпринимательском уровне.

-
1. *Ананьич Б. В., Лебедев С. К.* Участие банков в выпуске облигаций российских железнодорожных обществ (1860–1914 гг.) // Монополии и экономическая политика царизма в конце XIX — начале XX в. Л., 1987.
 2. *Бобович И. М.* Экономическая история России, 1861–1914 : учеб. пособие. СПб., 1996.
 3. *Ванаг Н. Н.* Финансовый капитал в России накануне мировой войны. М., 1925.
 4. *Века А. В.* История России. М., 2003.
 5. Выбор пути. История России 1861–1938 гг. Екатеринбург, 1995.
 6. ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1039. Л. 3.
 7. Там же. Д. 1622. Л. 15.
 8. *Дмитриев А. В.* Иностраный капитал на Урале // Урал. 1993. № 4.
 9. *Донгаров А. Г.* Иностраный капитал в России и СССР. М., 1990.
 10. *Дьяконова И. А.* Довоенный публичный долг Российской империи // Финансы. 1998. № 6.
 11. *Запарий В. В.* Черная металлургия Урала XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2001.
 12. *Камышин В. Д. В. В.* Запарий — ученый-исследователь и организатор научных исследований // Урал. ист. вестн. 2013. № 1 (38).
 13. *Моисеев Г. С.* Цветная металлургия Урала (1917–1945 гг.). Екатеринбург, 2003.
 14. *Мотревич В. П.* Экономическая история России. Екатеринбург, 2004.
 15. Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX в. М., 1997.
 16. *Рукосуев Е. Ю.* Золото и платина Урала: история добычи в конце XIX — начале XX в. Екатеринбург, 2004.
 17. *Сапоговская Л. В.* Уральская горнозаводская промышленность на рубеже XIX–XX вв. Екатеринбург, 1993.
 18. *Тарновский К. Н.* Социально-экономическая история России начала XX в. М., 1990.
 19. *Тимошенко В. П., Бебель А. Э.* Опыт использования иностранных инвестиций в хозяйственном развитии страны. Екатеринбург, 1997.

20. Тимошенко В. П. Прорыв в новую эпоху? Внешнеэкономические факторы в развитии хозяйства Урала на рубеже XIX–XX вв. Екатеринбург, 2008.

21. Шаццло К. Ф. Иностраннный капитал и военно-морские программы России накануне Первой мировой войны // Ист. зап. 1963. Т. 69.

Рукопись поступила в редакцию 12 сентября 2013 г.

УДК 94(410) + 94(532) + 94(73) + 94(47 + 57) +
+ 94(5) + 327

Г. Н. Валиахметова

СОВЕТСКИЙ ФАКТОР В АНГЛО-САУДОВСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (1939–1940)

В статье рассматриваются слабо освещенные в научной литературе аспекты трансформации системы международных отношений на Ближнем Востоке в условиях Второй мировой войны. На основе анализа неопубликованных материалов из архивов британских внешнеполитических ведомств автор раскрывает роль советского фактора в англо-саудовских переговорах по проблемам региональной безопасности. Акцент на мифической «советской угрозе» арабским странам позволил Великобритании, Саудовской Аравии, а затем и США на время преодолеть атмосферу взаимного недоверия и объединить усилия в борьбе с реальной германской угрозой региону. Однако изначальная разнонаправленность интересов участников этого альянса предопределила его временный характер и заложила основу для формирования антизападных настроений в арабском мире во второй половине XX в. Статья написана в традициях уральской школы историков-международников, основанной профессором И. Н. Чемпаловым (1913–2008).

Ключевые слова: Великобритания, Саудовская Аравия, США, СССР, арабский мир, Ибн Сауд, война, дипломатия, международные отношения, внешняя политика, соперничество, конфликт интересов.

«Политика одного государства в отношении другого в лучшем случае вещь несовершенная и временная... и, как правило, основана на неосведомленности, непоследовательности и непонимании» [3, 9]. Это замечание авторитетного британского арабиста Э. Кедури с полным основанием можно отнести к истории дипломатических отношений Великобритании с Саудовской Аравией. Об этой стране на Западе было крайне мало достоверной информации, и долгое время она оставалась на периферии британской политики на Ближнем Востоке, несмотря на ее исключительное географическое положение и возросший авторитет Ибн Сауда в арабо-мусульманском мире. Хотя англо-саудовские отношения считались дружественными, на практике их отличительной чертой было взаимное непонимание и недоверие, в основе которых лежал фундаментальный конфликт интересов.

По мнению Форин Оффис, Ибн Сауд был настроен весьма дружелюбно к Великобритании, пока не ознакомился с докладом комиссии Р. Пиля, пред-

ложившей в 1937 г. первый план раздела Палестины. В идее создания трех зон — еврейской, арабской и подмандатной британской — саудовский король увидел непосредственную угрозу своей стране. Он опасался, что сионисты нацелены на создание своего независимого государства с границами, простирающимися вплоть до Медины и Персидского залива. Подозрения также вызвала британская схема передачи Трансиордании крупной суммы денег на обустройство арабской зоны в Палестине, что в перспективе позволяло перевести эти территории под контроль Аммана, усилив тем самым позиции эмира Абдаллы, давнего врага Ибн Сауда [2, 391; 8].

Вековой опыт взаимодействия с восточными странами закрепил в британской колониальной политике практику косвенного управления с использованием договоров и субсидий. Ее результатом стало то, что традиционные арабские соперники — Саудовская Аравия, Египет, Йемен, Трансиордания, Ирак, шейхства Персидского залива и протекторат Аден — к началу 1930-х гг. оказались связаны договорными обязательствами с Великобританией. Для последней была важна устойчивость ее позиций на Ближнем Востоке в целом, в связи с чем приоритет в вопросах субсидирования отдавался тем странам, в том числе неарабским, откуда могла исходить угроза британскому доминированию в регионе. Это снижало гарантированное внимание Уайтхолла к Саудовской Аравии, которая, в силу своей отдаленности и бедности, казалось, была исключена из сферы соперничества великих держав.

«Британское правительство предоставило Турции заем в 6 млн ф. ст., а нам не дает и 6 пиастров», — возмущался шейх Юсеф Ясин, политический секретарь Ибн Сауда. «Любыми путями дают Абдалле 2 млн ф. ст., а мне лишь позволяют не обанкротиться», — в сердцах заявил Ибн Сауд британскому послу в Джидде Р. Булларду по поводу схемы раздела Палестины, подчеркнув, что не получал от Англии больше 80 тыс. ф. ст. [8]. Дело было не в том, что король «позеленел от зависти», как посчитали британские дипломаты [9], хотя, следует признать, что финансовая составляющая имела значительный вес в расчетах Ибн Сауда. Очевидная поддержка эмира Трансиордании Абдаллы, давнего политического соперника дома Саудидов, свидетельствовала о том, что англичане не отказались от своей ставки на лидерство Хашимитов в арабском мире. Традиционная колониальная практика позволяла Великобритании эффективно сохранять свои интересы на Ближнем Востоке, но она вошла в противоречие с арабо-мусульманской психологией. Известная арабская поговорка гласит: «Друг моего врага — мой враг, враг моего врага — мой друг». Внушительная финансовая и военная поддержка региональных соперников Саудовской Аравии заметно контрастировала с нежеланием Лондона субсидировать дом Саудидов, что расценивалось Ибн Саудом как действия, направленные лично против него и его страны [4, 323–325].

С тех же позиций Ибн Сауд отреагировал на англо-итальянское соглашение, подписанное 16 апреля 1938 г., через 9 месяцев после опубликования доклада Пиля. В нем речь шла о сферах влияния на востоке и западе Аравийского полуострова. Ибн Сауд понимал, что Великобритания пыталась таким путем умиротворить потенциального врага и сделка двух держав свершилась

за счет аравийских территорий. Вместе с тем саудовский король ошибался, считая, что англичане совместно с итальянцами строят в Аравии военные планы в духе Первой мировой войны. Если в 1913 г. Великобритания была восходящей державой на Ближнем Востоке, то к концу 1930-х гг. уже появились признаки заката могущественной империи. Поэтому англо-итальянское соглашение 1938 г. в действительности было нацелено на снижение напряженности в отношениях между двумя державами через формулу, позволявшую обеим «сохранить лицо». Соглашаясь на принцип равенства прав и интересов с Италией в Красном море, Англия не стремилась закрепить свои позиции на Аравийской полуострове, как того опасался Ибн Сауд. Для Лондона это соглашение являлось лишь тактическим шагом в общей стратегии умиротворения Италии и обеспечения надежного заслона на пути проникновения держав «оси» на Ближний Восток, включая Саудовскую Аравию [8]. Но при любом раскладе политика уступок и умиротворения в рамках традиционных ценностей арабомусульманской цивилизации считалась проявлением слабости.

В этой связи в глазах Саудидов вполне логично возрастала привлекательность Германии как врага евреев и Великобритании, а также США как потенциального противовеса британскому влиянию в регионе. «Рассуждения о демократии и тоталитаризме, коммунизме и нацизме были чужды королю и его окружению, — отмечает авторитетный отечественный востоковед А. Васильев. — Они жили в другом измерении, руководствовались другой системой ценностей» [1, 49]. Ибн Сауда волновали вопросы сохранения независимости и финансового благополучия своего государства. Безопасность, с его точки зрения, находилась в рамках баланса великих держав на Ближнем Востоке. Осознание значимости этого фактора на фоне приближавшейся войны позволило Ибн Сауду лавировать и получать поддержку всех заинтересованных сторон, ничего не давая взамен [4, 312–313; 15, 152–159]. По тем же причинам Саудовская Аравия стала естественным выбором для тех региональных политических сил и внерегиональных держав, которые в своей борьбе с британским доминированием стремились избежать прямого столкновения с Великобританией [5, 19–20].

Активизация внешней политики Саудовской Аравии с 1937 г. — тайная поддержка восставших арабов Палестины, установление дипломатических отношений с Германией, тайные переговоры с державами «оси» о поставках оружия и льготных займах — рассматривалась Лондоном как проявление недружественной позиции Ибн Сауда. В то же время способность короля самостоятельно решать свои финансовые проблемы освобождала Лондон от необходимости обременять свой и без того ограниченный бюджет субсидированием Саудовской Аравии, которая в отношении Великобритании продолжала придерживаться дружественной риторики [10].

Примечательно, что Ибн Сауд не рассматривал в качестве противовеса британскому влиянию Советскую Россию и в Лондоне не опасались советского проникновения в Саудовскую Аравию, хотя СССР был первым государством, которое установило дипломатические отношения с Хиджазом-Недждом и было представлено в Джидде своим послом К. Хакимовым. СССР и Комин-

терн первоначально видели в Ибн Сауде лидера зарождавшегося антибританского националистического движения, но после подписания англо-саудовского договора 1928 г. эти эмоции охладели и фокус советских интересов переместился в Йемен, который демонстрировал более непримиримую антибританскую позицию. В конце 1930-х гг. совокупность причин заставила СССР пересмотреть свои интересы в арабских странах и закрыть там все свои дипломатические миссии. Но в любом случае, как считали в Форин Оффис, у СССР не было средств сотрудничать с саудовским королем, а тот, в свою очередь, не мог интересоваться атеистическим государством, которое препятствовало своим мусульманам в совершении хаджа, а также активно сближалось с Турцией, соперником Саудовской Аравии на ближневосточной арене [10].

Таким образом, в конце 1930-х гг. Саудовское королевство продолжало оставаться на периферии британской политики на Ближнем Востоке, и Ибн Сауд выстраивал курс на сближение с великими державами — соперниками Великобритании. Этот подход, основанный на взаимном недоверии, стал медленно меняться после подписания советско-германского пакта 23 августа 1939 г. и начала Второй мировой войны. Примирение Германии с коммунистическим, атеистическим советским режимом привело Ибн Сауда в замешательство. Британское правительство с учетом нового расклада сил в Европе было вынуждено поставить вопрос о позиции арабского мира в надвигающейся войне и признать, что любые публичные прогерманские заявления Ибн Сауда и тем более его благожелательный к Германии нейтралитет могут серьезно подорвать британский престиж на Ближнем Востоке. Вместе с тем в Лондоне предпочитали не поднимать вопрос о благожелательном к Великобритании нейтралитете Саудовской Аравии, опасаясь, что король назначит за это слишком высокую цену, потребовав субсидии, оружие и даже, возможно, часть территорий своих соседей [12, 13].

Поскольку условия советско-германского пакта были неизвестны, в дипломатических кругах европейских и восточных стран стали опасаться, что, возможно, Германия и СССР договорились о разделе сфер влияния в Азии. Германская дипломатия, со своей стороны, повела тонкую игру и подпитывала эти опасения, пропагандируя миф о «советской угрозе» Ближнему Востоку. На Даунинг-стрит допускали, что «в соглашении речь может идти о распространении какими-либо средствами советского и германского влияния» на Ближнем Востоке через Турцию, Иран, Ирак и Афганистан с целью получить нефть Мосула и Ирана. «Это, конечно, весьма туманно, но мы знаем, как озабочена Германия Афганистаном, Ираном и Турцией. Мы знаем об интересах Германии и России в Балтии и на Балканах, и они могут начать свои грязные дела в других регионах», — сходились во мнении британские военные и финансовые ведомства. Они предлагали правительству санкционировать дополнительные расходы на укрепление позиций стран — участниц Саадабдского пакта, которые являлись барьером на пути продвижения держав-конкурентов в арабский мир [6].

Несколько иной позиции придерживались в Министерстве иностранных дел. «Советско-германская Антанта нацелена прежде всего против Ближнего

Востока и британской сферы влияния у южных границ СССР, — признавали в Форин Оффис. — Но эффект может быть снижен, если мы покажем, что не боимся новых комбинаций и поднимем моральный дух народов Ближнего Востока. К счастью, в плане высокого морального боевого духа лидируют турки. Иранцы не отличаются крепкими нервами», но и они «не заинтересованы в доминировании СССР» в регионе. Дипломаты считали, что советская угроза являлась пока «лишь предварительным умозаключением», поэтому, прежде чем ставить вопрос о финансовой и военной помощи, необходимо детально просчитать реальные угрозы в отношении каждой ближневосточной страны [6].

В конце октября 1939 г. Министерство обороны представило на обсуждение обширный меморандум с подробным анализом политических и военно-технических возможностей советского вторжения на Ближний Восток через Иран или Турцию. Эксперты военного ведомства подтвердили точку зрения Форин Оффис о том, что СССР не будет вести наступательной войны на Ближнем Востоке, по крайней мере до тех пор, пока не выполнит свои задачи в Европе. По их мнению, Советская Россия оказывала всемерную помощь Германии с целью ослабить Европу, а затем «принести большевизм в истощенные войной европейские страны», и «если сейчас Россия ввяжется в войну на Ближнем Востоке, она не сможет выполнить свою главную задачу — на Западе». Реальная же угроза британским позициям в регионе, как указывалось в меморандуме, исходила из внутренней слабости арабских стран, таких, например, как Ирак [7].

После серии межведомственных совещаний Форин Оффис разослал британским дипмиссиям на Ближнем Востоке депешу со следующей инструкцией: «К сожалению, мы в определенной степени стеснены в своих действиях с СССР, поэтому не можем открыто опровергнуть германскую пропаганду о советской угрозе. Но мы ее опровергаем косвенными методами, устно, в конфиденциальных разговорах, где могут быть упомянуты слабые места русской военной машины. Иными словами, русской угрозы, по сути, нет». Дипломатам рекомендовалось «придерживаться этой линии в частных беседах с представителями ближневосточных стран, если это может успокоить их умы». Кроме того, следовало «избегать обсуждения таких дискуссионных и скользких вопросов», как британские интересы в арабских странах и Иране [Там же].

С началом Второй мировой войны Ибн Сауд, в противовес мнению своих советников, решил, что интересам Саудовской Аравии в большей степени будет соответствовать победа союзников. В порядке исключения король позволил Г. де Гаури, британскому политическому агенту в Кувейте, поселиться в Эр-Рияде в качестве представителя британской дипмиссии в Джидде [11]. 3 ноября 1939 г. через него Ибн Сауд письменно известил британское правительство о своем благожелательном нейтралитете: «Арабы — те, кто поддерживает Великобританию, и те, кто сторонится ее или расходится с ней во взглядах (все они имеют право на свою точку зрения, но мы можем доверять им всем), — будут разочарованы, если Великобритания проиграет войну, потому что британские интересы в целом согласуются с арабскими ввиду нашей давней дружбы... Враг Великобритании — и наш враг». Король считал, что это совпадение

интересов в первую очередь базировалось на взаимном стремлении обеих сторон не допустить втягивания арабских стран в мировую войну [8].

Подобная угроза, по мнению Ибн Сауда, исходила от СССР, который с подписанием советско-германского пакта взял курс на сближение с Германией. «Мы опасаемся, что русские могут предпринять внезапные действия, чтобы навредить Великобритании, усилить Германию, разрушить альянс союзников и ввести в замешательство британские колонии, — указывал король. — Мы также опасаемся, что Россия может предпринять действия в отношении арабов через турок или иранцев, причем как с согласия Турции и Ирана, так и без него. В любом случае это будет удар по Великобритании и ее союзникам». Вместе с тем Ибн Сауд признавал, что арабы «в данный момент не имеют сил, чтобы противостоять врагу... у нас очень мало оружия... нет авторитетного лидера, нет единства, общей программы и общей политики». Подчеркивая, что «общий голос и общая сила арабов помогут Великобритании в деле обороны и создадут дополнительную угрозу врагу», британскому правительству предлагалось приложить все усилия для объединения арабов путем создания системы оборонительных союзов под эгидой Великобритании [Там же].

Заявление саудовского короля озадачило британскую дипломатию. Буллард и де Гаури затруднялись объяснить, к чему клонил Ибн Сауд: «Может быть, он просил оружие или надеялся получить субсидии? Или он всерьез нацелился на создание арабского объединения, о котором до сих пор отзывался скептически, но которое теперь посчитал лучшим средством против русской или турецкой угрозы?» Дипломаты признавали, что с началом мировой войны Ибн Сауд впал в финансовую панику, но считали, что «с учетом нефтяных доходов, которые он стал получать с нефтяной концессии в Эль-Хасе, в скором будущем его финансовые дела пойдут на лад». Буллард и де Гаури согласились и в том, что «предложенная Ибн Саудом схема арабского объединения, которое должно создавать и субсидировать правительство Его Величества, не может быть практической политикой в военное время», особенно с учетом того, что, возможно, король готовил почву для создания собственной «оси», хотя он эмоционально это отрицал [9].

В ожидании официального ответа Уайтхолла 13 ноября 1939 г. Буллард поручил де Гаури встретиться с Ибн Саудом и попытаться прояснить ситуацию. В первую очередь необходимо было заверить короля в несостоятельности опасений по поводу советской угрозы. «Хотя мы не исключаем того, что Советская Россия может получить выгоды от заинтересованности других держав в расширении на юг, представляется невозможным, чтобы Россия сделала это, так как она не может быть уверена в дружбе Германии или Японии и поэтому должна быть крайне осторожна, чтобы не завести себе двух новых врагов на юге в лице Турции и Ирана», — указывалось в инструкциях для де Гаури. Далее был затронут щекотливый вопрос об арабском единстве. Следовало согласиться с Ибн Саудом в том, что «общность языка и религии приведет арабов к объединению» и Великобритания может оказать содействие этому процессу. Однако пока не повержена Германия и союзники ведут войну

в Европе, их приоритетной задачей на Ближнем Востоке является сохранение мира и выполнение своих обязательств в подмандатных странах [9].

К обсуждению и подготовке официального ответа Ибн Сауду были привлечены все внешнеполитические, военные и финансовые ведомства британского правительства. Вновь поставленная саудовским королем проблема арабского единства затрагивала целый ряд болезненных для Англии вопросов — отношения с Италией и Францией, приоритеты в оказании финансовой и военной помощи ближневосточным странам, пути укрепления британских оборонительных линий в регионе. Поэтому на Даунинг-стрит единодушно решили «отклонить предложения Ибн Сауда наиболее джентльменским образом». По инициативе лорда Галифакса во избежание осложнений с Францией также было решено полуофициально известить Париж о начавшемся в Джидде обмене мнениями [8].

20 января 1940 г. Стоунгуер-Бэрду, преемнику Булларда на посту главы британской дипмиссии в Джидде (в ноябре 1939 г. Р. Буллард покинул Джидду в связи с назначением на пост посла в Иране), были направлены подробные инструкции. Их содержание свидетельствует о том, что в начале Второй мировой войны Уайтхолл не хотел ограничивать свою свободу действий какими-либо обещаниями и обязательствами в отношении саудовского короля и арабского мира в целом. «Идея создания солидного блока арабских государств во главе с Великобританией не может не впечатлять, — указывалось в депеше. — Но, к сожалению, по многим причинам... нежелательно пытаться создать такой блок в настоящее время» [Там же].

Во-первых, имелись подозрения, что Ибн Сауд «в действительности нацелен на нечто большее, чем система оборонительных союзов под эгидой Великобритании, возможно, у него есть амбиции встать во главе арабского объединения». На Даунинг-стрит также затруднялись ответить на вопросы, «обеспечит ли такая система дополнительные преимущества союзникам в случае вражеской атаки» и «как может пригодиться арабское объединение в практической политике после войны».

Во-вторых, в такой оборонительный блок непременно попытались бы включиться Франция и Италия, что было неприемлемо как для англичан в связи с угрозой британскому доминированию на Ближнем Востоке после войны, так и для арабов, национально-освободительное движение которых имело не только антибританскую, но также сильную антифранцузскую и антиитальянскую окраску. Поэтому Стоунгуер-Бэрду рекомендовалось избегать разговоров о французских и итальянских интересах в арабских странах и ссылаться на мандатные обязательства Англии и Франции. По поводу англо-итальянского соглашения 1938 г. посол должен был разъяснить королю, что оно «играет огромную роль в сохранении Италией нейтралитета в этой войне».

В-третьих, британское правительство было убеждено, что «арабские страны не смогут напрямую противостоять советской агрессии, какие бы договоры ни существовали между ними. Оружие арабам нужно для собственных нужд. И никакой блок здесь не поможет». В этой связи проводилась аналогия с Афганистаном, где «три четверти века целью британской политики являлось

единство страны, но никакая отправка войск и оружия не стала гарантом» ее объединения. Более того, всегда имелась опасность, что однажды афганцы или арабы повернут британское оружие против Англии. Поэтому «если у правительства Его Величества появится возможность, несмотря на все трудности, оказать содействие формированию на Ближнем Востоке единого фронта против дальнейшего советского проникновения», таким государством будет не арабское, но Иран, «изоляция которого — весьма искушающий фактор для советского правительства с его очевидным интересом к ближневосточным делам». Но даже с Ираном на Даунинг-стрит затруднялись определить, какую именно помощь получит шах в случае советской агрессии.

Все вышеизложенное Стоунгуер-Бэрду рекомендовалось «озвучить Ибн Сауду в конфиденциальном разговоре тет-а-тет». В письменный ответ следовало включить благодарности «за высокую оценку роли Великобритании в арабском мире и понимание того, что в нынешней войне союзники защищают и интересы арабов тоже». Вместе с тем необходимо было «ясно дать понять Ибн Сауду, что возражения правительства Его Величества базируются на условиях мировой войны и в настоящее время никто не может предвидеть» дальнейших событий. «Материальные ресурсы Великобритании не безграничны, и они не могут направляться в районы, где в данный момент нет непосредственной военной угрозы, но должны быть сконцентрированы на отражении германских атак на суше, море и в воздухе, а также усилении тех стран, которые сейчас в наиболее уязвимом положении», — говорилось в инструкциях. Лондон не разделял опасений короля о том, что «Турция или Иран могут стать частью советской экспансии на юг», и считал, что «советская угроза арабским странам сегодня — это единственная угроза, причем лишь потенциальная, несмотря на советско-германское сближение».

Предложения Ибн Сауда о создании под британской эгидой арабского оборонительного союза против советской агрессии также следовало отклонить со ссылкой на внутреннюю разобщенность арабского мира: «Правительство Его Величества очень сомневается, что сейчас арабы могут объединиться даже в случае, если одно из арабских государств станет реальной жертвой агрессии». Великобритания, в свою очередь, не может сыграть роль внешнего импульса, пока не закончится мировая война. Поэтому британское правительство «весьма сожалеет о том, что не может дать более позитивный ответ на предложения Ибн Сауда, но будет всегда иметь их в виду и готово реализовать некоторые из них, если условия изменятся в более благоприятную сторону». Этот заключительный пассаж письма Стоунгуер-Бэрд должен был сопровождать устными заверениями в том, что если для Саудовской Аравии «наступит время реальной угрозы», Великобритания окажет финансовую и военную помощь в самых широких масштабах [8].

Таким образом, очевидно, что британское правительство и Ибн Сауд обсуждали ключевые проблемы англо-саудовских отношений — британские гарантии независимости Саудовской Аравии и планы Англии по поводу арабского мира в целом. Однако в атмосфере взаимного недоверия стороны могли лишь осторожно прозондировать почву путем обмена мнениями по вопросу,

который на тот момент не являлся жизненно важным для судеб Ближнего Востока. Мифическая «советская угроза» арабским странам в этом отношении представлялась наиболее удобным поводом.

Начавшаяся Вторая мировая война так же, как это случилось в 1915 г., подстегивала Великобританию к тому, чтобы четко определиться, какие политические цели она преследует в арабском мире. Решение было принято лишь осенью 1940 г., когда возникла реальная угроза захвата Ближнего Востока державами «оси». Англии вновь пришлось признать исключительную значимость поддержки арабов в борьбе против других великих держав и, несмотря на свой скептицизм, опираться на идею арабского единства. Ранее Форин Оффис рекомендовал дипломатам воздерживаться от использования терминов «арабское единство» и «арабская федерация» при составлении документов и в разговорах с представителями ближневосточных государств [8]. Примечательно, что с этого времени англичане умело использовали миф о «советской угрозе», чтобы привлечь на свою сторону правительства стран Ближнего Востока [14].

В рамках нового подхода Саудовская Аравия стала получать британскую финансовую и продовольственную помощь, общий размер которой к началу 1943 г. достиг 3 млн ф. ст. В то же время подъем арабского национализма и панарабских настроений в условиях мировой войны мог серьезно подорвать британские позиции в регионе. Поэтому в британской концепции в качестве стран-участниц арабской федерации по-прежнему предпочтение отдавалось тем государствам, которые находились под непосредственным управлением Англии либо были связаны с ней союзными договорами, а не нейтральным странам, стремившимся сохранить свою независимость, каковой являлась Саудовская Аравия. Последняя соответственно рассматривалась лишь как составная часть арабской федерации, тем более что оставалось не ясным, согласится ли Ибн Сауд войти в подобное объединение под британской эгидой [4, 338–339].

Выбор Ибн Сауда в пользу поддержки союзников базировался на сугубо прагматическом подходе. Саудовский монарх не стал более лоялен к Англии, чем до войны, он стал более осторожен и открыто поддержал союзников лишь после поражения Германии под Сталинградом и Эль-Аламейном в 1943 г. [Там же, 309–310, 340]. К этому времени Ибн Сауд, продолжая получать британские субсидии, взял курс на сближение с США. В феврале 1943 г. на Саудовскую Аравию была распространена американская помощь по ленд-лизу, размер которой в течение последующих двух лет достиг 33 млн долл., в несколько раз превысив британские вливания [1, 58].

Кардинальная трансформация ближневосточной политики США в годы Второй мировой войны (включение зоны Персидского залива в сферу своих национальных интересов и курс на смещение Великобритании с лидирующих позиций в регионе) была обусловлена не только мировым значением нефтяного потенциала Саудовской Аравии и других арабских стран, но также влиянием факторов геополитического характера — стремлением к мировой гегемонии, необходимостью предотвращения перехода региона в сферу совет-

ского влияния и создания плацдарма для угрозы СССР в преддверии холодной войны.

Геополитические, стратегические и военные императивы имели преимущественное значение в политике США на Ближнем Востоке по сравнению с политическими устремлениями арабских стран, которые воспринимались Вашингтоном не как равные партнеры, но как один из эффективных инструментов вытеснения Англии с ведущих позиций в регионе и удержания его под своим контролем. Выбор Саудовской Аравии в качестве точки опоры США на Ближнем Востоке был мотивирован не только стремлением Белого Дома оказать политическую поддержку американским компаниям, монополизировавшим нефтяную отрасль королевства, но желанием избежать открытой конфронтации с Англией, сотрудничество с которой было необходимо Вашингтону, особенно в первые послевоенные годы. Арабы, в свою очередь, использовали американскую альтернативу вместо германской в борьбе с британским доминированием. Изначальная разнонаправленность интересов США, которые, по сути, преследовали империалистические цели, и арабских стран предопределила временный характер этого антибританского альянса и заложила основу для формирования антиамериканских настроений на Ближнем Востоке во второй половине XX в.

1. *Васильев А.* Саудовская Аравия и Вторая мировая война // *Азия и Африка сегодня.* 2005. № 8.

2. *Dickson H.* Kuwait and Her Neighbors. L., 1956.

3. *Kedourie E.* England and the Middle East: The Destruction of the Ottoman Empire 1914–1921. L., 1978.

4. *Leatherdale C.* Britain and Saudi Arabia 1925–1939: Imperial Oasis. L., 1983.

5. *Mejcher H.* Die Politik und das Öl im Nahen Osten. Bd. 2. Stuttgart, 1990.

6. Public Record Office. Foreign Office Files. 371/23195, E6748/6748/65.

7. Ibid. 371/23195, E7227/6748/65.

8. Ibid. 371/23195, E7813/7697/65.

9. Ibid. 371/23195, E8023/7697/65.

10. Ibid. 371/23269, E246/246/25.

11. Ibid. 371/23269, E7409/177/25.

12. Ibid. 371/23272, E5763/735/25.

13. Ibid. 371/23272, E5931/735/25.

14. Ibid. 371/24562, E2910/2910/93.

15. *Watt D.* Personalities and Policies: Studies in the Formulation of British Foreign Policy in the Twentieth Century. L., 1965.

Рукопись поступила в редакцию 12 сентября 2013 г.

УДК 94(4)“19” + 323.1 + 329.18 + 94(430)“1929/32” + В. И. Михайленко
+ 94(450)“1929/32”

ФАШИСТСКИЕ ПЛАНЫ «НОВОГО ЕВРОПЕЙСКОГО ПОРЯДКА»

Статья посвящена исследованию происхождения и эволюции итальянской фашистской концепции нового европейского порядка. После прихода Муссолини к власти и вплоть до 1932 г. фашистская Италия дистанцировалась от либеральной Европы. Ее идеологи обосновывали уникальность «фашистской цивилизации». В последующий период итальянский фашизм стал претендовать на «универсальность фашистской цивилизации», был создан «фашистский интернационал» и предпринимались попытки обосновать «новый фашистский европейский порядок».

К л ю ч е в ы е с л о в а: европейская идея, национальная идея, фашистская цивилизация, фашистская идентичность, жизненное пространство, фашистский «европеизм», реконструкция Европы.

Мировой экономической кризис, начавшийся в 1929 г., подорвал систему версальских договоренностей, разрушил механизм согласованного управления торговлей, стабилизацией валют, репарациями и долгами, оставил Европу без внешних финансовых заимствований.

Ведущие державы мира замкнулись в собственных геополитических пространствах, огородив их высокими таможенными барьерами.

Приход Гитлера к власти с нескрываемыми им планами продвижения в том числе в направлении итальянских геополитических интересов, в Дунайскую Европу и на Балканы вызвал обеспокоенность в Риме.

Предполагая мирную или вооруженную реконструкцию Версальского мира, Муссолини предложил собственный план европейского строительства. Впервые фашистская европейская идея была выдвинута на проведенной в 1932 г. под патронажем Муссолини международной конференции «Европа в современном кризисе». Конференция состоялась в год выдвижения проекта «пакта четырех» и должна была, по замыслу Муссолини, обсудить его концепцию «нового европейского порядка», в основу которой было положено, в частности, полное отрицание «абстрактного принципа равенства между великими и малыми государственными образованиями» [5, 5].

В отечественной историографии первым исследовал фашистский вариант «европеизма» Б. Р. Лопухов. Он указал на политические спекуляции фашистов на фразеологии и эмоциональном тоне буржуазно-демократической «европеистской» концепции Дж. Мадзини [1].

Исследователь П. Нелье справедливо пишет, что «идея Европы, в сущности, представляет собой идею цивилизации, которая формируется в процессе встречи-столкновения (*incontro-scontro*), следовательно, проявляется в разнообразии, являющемся фундаментальным элементом всего комплекса идентичности, связанной с происхождением, традициями, культурой и общими устремлениями» [4, 8–9].

За два десятилетия фашистского режима европейская идея в ее фашистском варианте эволюционировала от принципов национальной исключительности до утверждения ее универсального характера. Первоначально фашистский европеизм формировался на основе «идеи Нации», доминировавшей в европейских буржуазно-демократических революциях XIX в. Не стало исключением итальянское Рисорджименто. Фашистский философ Дж. Джентиле был уверен в том, что фашизм «вернул в Италию дух Рисорджименто», поскольку намеревался осуществить интеграцию масс в структуры и жизнь государства [18, 85]. Не вдаваясь в детали, отметим одно аксиоматическое положение: итальянский фашизм осуществил «национализацию масс», т. е. интегрировал массы в государственную жизнь. Эта «национализация масс» в последующем сыграла важную роль в переходе к послевоенной демократии в стране. Именно фашисты противопоставили идеи «нации» и «национального государства» международному (в более узком смысле — европейскому) интернационализму левых социалистов в Италии и Коммунистическому интернационалу. И в этом соперничестве в Италии одержали победу.

Обладавший большим чутьем к социальной «температуре» Муссолини опубликовал 15 декабря 1917 г. статью в газете *Пополо д'Италия (Il Popolo d'Italia)*, которая называлась «Траншейная аристократия». В ней он исходил из того, что в ходе Первой мировой войны сложился новый тип отношений между нацией и народом. Траншеи выполнили роль «плавильного тигля» (*melting pot*), в которых выковывалась итальянская нация. В 1932 г. в Итальянской энциклопедии была опубликована знаменитая фраза Муссолини: «Для фашиста все в государстве и все человеческое и духовное имеет намного меньше значения за пределами государства».

Таким образом, в своей первоначальной форме фашистское государство формировалось как «сверхнациональное». Каким образом в фашистском европейском мифе сочетались два, казалось бы, несовместимых принципа — «Нация» и «Европа»?

Прежде всего, рассмотрим, что происходит на европейской арене после окончания Первой мировой войны. Потерпели окончательное поражение «старые» государства (*Ancien regime*) имперского типа. Появились десятки новых национальных государств, за которые развернулась политическая и идеологическая борьба с тем, чтобы «освоить» выборы ими определенного типа политических режимов.

Пришедший к власти в Италии в 1922 г. фашизм как идеология и как определенный тип политического режима включился в эту борьбу. Его соперниками оказались буржуазные режимы либерально-демократического типа (США, Франция, Великобритания) и большевистского типа (СССР), а с 1933 г. — национал-социалистического типа. В этом случае борьба за сферы влияния включала в себя как территориальный, экономический, так и ценностный, идеологический, политический компоненты. В 1939 г. из 28 европейских государств только 11 можно было отнести к государствам демократического типа [16, 36].

В большинстве этих стран, особенно Восточной Европы и Балкан, процесс формирования национальных государств шел с большим отставанием, и основа

идентичности новых государств формировалась с использованием религиозных, расовых, этнических и иных скрепов.

Определенную универсальную систему ценностей (коллективная судьба) выдвинула Лига Наций, однако ее трактовка дезавуировалась избирательным применением. Х. Ортега-и-Гассет писал: «Лига Наций родилась мертвой, дух, которым она вдохновлялась, был мертвым» [17, 77]. Как великий либеральный европеец, Ортега-и-Гассет провозглашал универсальные ценности «государства-нации», которые он формулировал следующим образом: «Разные государственные формы возникают из тех разных форм, в которых инициативная группа осуществляет сотрудничество с другими. Поскольку государство есть призыв к совместной деятельности, каждый, кто примыкает к общему делу, и будет действующей частицей государства. Раса, кровь, язык, географическая родина, социальный статус — все это имеет второстепенное значение. Право на политическое единство дается не прошлым — древним, традиционным, фатальным, неизменным, а будущим, то есть не тем, чем мы были вчера, но тем, чем мы будем завтра, — вот что соединяет нас в одно государство» [2, 152].

Либеральная демократическая европейская идея включает такие этико-политические ценности, как свобода, равенство, мир, право на самоопределение.

Можно вслед за Ортегой-и-Гассетом уничтожительно говорить о тоталитарных феноменах, рожденных «восстанием масс». «Оттого-то и большевизм, и фашизм, две политические “новинки”, возникшие в Европе и по соседству с ней, отчетливо представляют собой движение вспять», — утверждает Ортега-и-Гассет [Там же].

Однако нельзя не считаться с тем, что итальянский фашизм формировал собственную идентичность, в которую вошли как идеи Просвещения, прогресса, формирования «нового человека», строительства «новой цивилизации», «третьего пути», так и отрицаемые либеральными учеными идеи «второстепенные» — «расы», «крови», «языка», «географической родины» и др. Удивительным образом итальянский фашизм сочетал в себе обе тенденции — консервативную и революционную. Первая нашла воплощение в политическом режиме, вторая — в фашистском движении [7, 40, 41].

Сформированную к началу 1930-х гг. фашистскую идентичность Муссолини вынес на политическую сцену в качестве «универсальной». В немалой степени этому содействовал мировой экономический кризис, который повысил интерес к авторитарно-тоталитарным моделям политических режимов.

Идеологи фашизма вкладывали в понятие «национальное государство» иной смысл, чем либералы. Для них «нация» являлась некоей духовной субстанцией, которая обладает собственной жизнеспособностью (*vitalita'*), наполнена исторической памятью и стремлением к экспансии на основе «естественного права» государства. Для реализации своего «естественного права» государство должно быть сильным. Отсюда следовало, что сама идея фашистской экспансии вплоть до ее реализации в виде имперской экспансии является неразрывно связанной с фашистским государством [16, 90].

Для фашистов государство было высшим выражением существования человека, абсолютной формой коллективной жизни, высшей формой организации человеческой цивилизации [8, 262–270].

Фашистская цивилизация, жизнеутверждающая и жесткая, должна реализоваться в последовательной политике завоеваний. В итальянском случае для этого не было глубоких экономических причин, но преобладали «духовные» интересы, ее самоутверждение в качестве великой цивилизации, ведущей свое начало от античного Рима. Таким образом, заключает П. Нелье, «такие амбиции не были результатом только политического выбора, но составляли внутреннюю сущность фашизма». Средствами реализации этих амбиций являлись патернализм и авторитаризм как внутри страны, так и на мировом уровне [16, 90].

Преодоление национального государства, но не его отрицание, было частью фашистской идеологии. Преодоление национального государства сочеталось с темой «жизненного (или имперского) итальянского пространства» с использованием средиземноморских и романских символов. Никакого равенства между большими и малыми государствами. Устанавливается политическая иерархия, в которой Италии принадлежит господствующая роль [5, 44]. В середине 30-х гг. идеолог демократического европеизма Р. Куденхове-Калерги обратился к фашистскому руководству с предложением возглавить процесс европейского единства в борьбе против «новых варваров в лице расистского пангерманизма» [Там же]. Другими опасностями для Европы, с которыми итальянский фашизм намеревался вступить в борьбу, были большевизм и гегемония США.

В конце 1920-х гг. в фашистской Италии появляется ряд журналов, в которых резкой критике подвергается идея европейского единства. Например, В. Карделли на страницах журнала *Иль Барджелло (Il Bargello)* утверждал, что «между нами и Европой нет почти ничего общего» [19, 248]. В 1928 г. А. Гравелли основал один из наиболее известных журналов, пропагандировавших идею «европейского фашизма», под одиозным названием *Антиевропа (L'Antieuropa)*. Основной смысл развернувшейся политической дискуссии сводился к тому, чтобы доказать, что между фашистским и либеральным (преимущественно антифашистским) европейским интеллектуальным пространством нет ничего общего. Фашистские идеологи стремились полностью «зачистить идейное и культурное» пространство от либеральной ереси [Там же, 250–252].

Для обоснования фашистских претензий на «жизненное пространство» (*spazio vitale*) и «новый порядок» использовались как некоторые традиционные социальные и политические мифы, так и новые. В «доктрине фашизма» 1932 г. указывалось: «Фашистское государство — это воля силы и империи. Римская традиция является здесь идеей силы... Для фашизма тенденция к империи, т. е. к экспансии наций, есть проявление жизненности, а противоположная... является знаком упадка» [14]. Фетишизация «римской традиции» имела многофункциональную направленность в фашистской идеологии, в том числе была направлена на обоснование специфических форм организации мирового порядка. Пропагандистское обеспечение этой концепции было связано

с утверждениями о «кризисе капиталистической цивилизации». Муссолини заявил о начале перехода от одной цивилизации к другой. Вдохновителем и конструктором «новой цивилизации» была объявлена Италия.

В основе международного, как и внутреннего, порядка должен быть заложен принцип «иерархии отношений», который обеспечивает «международное единство» империи. Экономические, национальные, расовые, социальные и политические (классовые отрицались) отношения выстраивались строго по принципу иерархического подчинения. Это означало признание за итальянцами «цивилизаторской функции» в рамках империи, безусловного подчинения «низших» рас «высшей» итальянской расе. Предполагалось, что малые государства будут вовлечены в это сообщество, приняв на себя высшие универсальные ценности новой цивилизации. Эти ценности будут итальянскими, поскольку Италия имеет моральное превосходство по отношению к другим странам, в том числе к Германии [16, 99].

Тема «строительства новой Европы» была выведена на первый план в фашистской внешнеполитической пропаганде. Какой смысл вкладывался в нее фашистским руководством и какие при этом преследовались цели? Десятый номер журнала *Джераркия* (*Gerarchia*) в 1932 г. был целиком посвящен теме «Фашизм — универсальная идея». Он открывался подборкой выступлений Муссолини на эту тему. В одном из них Муссолини утверждал, что фашизм стоит на повестке дня во многих странах и можно предвидеть скорую фашизацию Европы. Представляется вполне обоснованным мнение Н. Д. Смирновой о том, что фашизм пытался выйти за пределы Италии в форме идейного экспансионизма [3, 17].

Основная цель международной конференции 1932 г., прошедшей под непосредственным патронажем Муссолини, была сформулирована следующим образом: «указать с романской мудростью новые пути для закладывания новой исторической основы Европы, для создания нового европейского порядка, который установит императив плодотворной солидарности на смену междоусобной разрушительной борьбе». Докладчики стремились доказать, что фашизм является «универсальным решением не только с целью оздоровления Европы, но и для спасения всей цивилизации». Фашистский идеолог Ф. Коппола сделал акцент на защиту «конструктивного европейского империализма, противостоящего тлетворным силам русского коммунизма, с одной стороны, и североамериканского материализма, с другой». «Или Рим, или Москва» — так звучал броский лозунг фашистов [6, 87].

Неявно конференция отразила идеологическое соперничество между итальянским фашизмом и германским национал-социализмом. В связи с этим журнал *Джераркия* (*Gerarchia*) обошел молчанием не только выступления, но даже сам факт участия в конференции нацистских деятелей А. Розенберга и Г. Геринга. Коммунистический журнал *Ло Стато Онепайо* (*Lo Stato Operaio*) рассматривал конференцию сквозь призму обсуждавшегося в это время проекта «пакта четырех». Собственно, он и обратил внимание на доклад нацистского идеолога Розенберга, который выдвинул идею установления «европейского единства» на основе разграничения сфер влияния между четырьмя ев-

ропейскими капиталистическими державами. Антисоветская направленность пакта не вызывала сомнений. «План Розенберга» предусматривал следующее разграничение сфер влияния и экспансии. В германскую сферу включались все «исконно-германские земли», а также районы России от Черного до Белого морей и Западное Средиземноморье, во французскую — Северная Африка и Западное Средиземноморье, в итальянскую — Балканы и Восточное Средиземноморье, в английскую — ее традиционные сферы влияния. В публикации в *Lo Stato Operaio (Lo Stato Operaio)* указывается на неслучайное совпадение предложений Розенберга и первоначального итальянского проекта «пакта четырех». В статье было высказано предположение о существовании определенного политического соглашения между итальянскими фашистами и германскими нацистами по международным вопросам еще до прихода Гитлера к власти.

В октябре 1932 г., выступая в Турине, Муссолини выдвинул идею «нового политического порядка» вместо «дискредитировавшей себя слишком универсальной конструкции» в лице Лиги Наций: «Но я думаю, что если бы завтра... осуществились необходимые и эффективные предпосылки для сотрудничества четырех великих западных держав, Европа была бы умиротворенной с политической точки зрения, и, возможно даже, стискивающий нас кризис подошел бы к своему концу» [15].

Глава фашистского правительства стремился возложить особую миссию на Великобританию, Францию, Германию и Италию в Европе. Он утверждал, что иерархия отношений существовала в Европе объективно и исторически [11, 34, 41].

В 1933 г. журнал *Антиевропа* разместил на своих страницах программу фашистского интернационала, в которой были изложены принципы сотрудничества между независимыми фашистскими государствами и универсальным фашизмом, отличавшимся от национал-социализма. Конкуренция между фашистским и нацистским режимами предполагала их превосходство над другими моделями «новой Европы», в частности над американской. Принцип иерархии отношений на международной арене рассматривался итало-фашистским руководством как аналогия корпоративной системы в самой Италии, т. е. он предусматривал закрепление системы политических соглашений господства узкой группы стран.

По этому поводу в 1947 г. итальянский дипломат В. Черрути писал следующее: «Вдохновитель пакта четырех [т. е. Муссолини] стремился к созданию не союза, а инструмента действий. Он хотел, чтобы все европейские проблемы решались только четырьмя договаривающимися державами. Это был лучший способ ослабить Лигу Наций, подорвать ее престиж» [4, 55]. Реализация данного проекта должна была привести к полной дестабилизации сложившейся системы международных отношений.

Захват Эфиопии и объявление Италии империей внесли изменения в концепцию «фашистского универсализма». На первый план вышла тематика имперского строительства. После осуществления захвата Эфиопии римская и имперская тема, отмечает Д. Кофранческо, начала преобладать над европейской [5, 7–8].

В плане организации итальянской экономики упор был сделан на экономическую автаркию. На Ассамблее корпораций в марте 1936 г. Муссолини выступил с обоснованием плана экономической автаркии. В основе развития экономики, подчеркивал Муссолини, лежит посылка о «неизбежности положения, при котором страна будет призвана пройти через испытания войны». «Когда именно? Как именно? Никто не сможет этого сказать, но колесо судьбы вращается быстро... В переживаемый исторический период факт войны является вместе с доктриной фашизма определяющим элементом позиции государства в отношении хозяйства страны», — заключил глава правительства [10].

Итальянский исследователь А. Мола отмечает, что, несмотря на рассуждения некоторых политиков и исследователей о том, что Италии в 1938 г. были навязаны извне расистские антисемитские законы, никто не сможет опровергнуть очевидных фактов, что итальянский фашизм проводил политику расовой дискриминации, осуществлял практику апартеида сначала в отношении народов Эфиопии, а затем народов собственной и других стран [13, 218].

За четыре года до принятия расовых законов в Италии журнал *Джераркия* (*Gerarchia*) писал, что нельзя допускать смешения рас, необходимо добиваться осуществления принципа, что только один цвет расы имеет право на господство. В целом расизм, как писал в 1938 г. Дж. Альмиранте, будущий лидер неофашистов, должен был стать цементирующим фактором империалистической политики. Отличие «имперского порядка» от «колониального», утверждали фашистские идеологи, заключалось в том, что «империя не только обеспечивает хорошее руководство подчиненными народами и занимается облагораживанием их территорий, но и создает социальные, политические и экономические организации, родственные таким же в метрополии» [6, 91].

Будучи средством обоснования борьбы итальянского империализма за передел мира, фашистская концепция «нового порядка» обладала известной эластичностью, приспосабливалась к требованиям текущего момента. В статье «Итальянские колонии в европейской системе» министр колоний А. Лессона отмечал важную роль, которую могли бы выполнить колонии в поддержании равновесия между европейскими странами. В связи с этим он прямо указывал, что Италия ставит решение колониального вопроса в качестве основного в своей внешней политике и стремится к колониальным приобретениям, которые были бы пропорциональны владениям других государств.

«Италия, — писал журнал *Джераркия* (*Gerarchia*), — является не только центром Средиземноморской Европы, но и всего средиземноморского района» [20]. Географически, исторически, политически и в военном отношении Средиземное море является жизненным пространством для Италии, подтверждал эти претензии Муссолини в речи 26 марта 1939 г. [21]. На всех этапах фашистская концепция «европейской солидарности» использовалась для обоснования экспансии итальянского империализма, его межблоковой и внутриблоковой борьбы. В ней была отражена претензия фашизма на руководство «западным миром» и спасение «западной цивилизации» от «угрозы большевизма».

В сентябре 1939 г., когда фашистская Италия объявила о своем «неучастии в войне» (*non belligeranza*), итальянские фашисты предлагали мирно догово-

риться на основе разграничения сфер влияния между Англией, Францией, Германией и Италией в широком пространстве территориальных интересов «Евроафрика». Согласно итальянскому плану за Германией признавались права на колонии, которыми она владела до 1918 г., однако указывалось, что ее основной функцией и «исторической миссией» является европейская, осуществляемая в восточном направлении. Африканский континент должен быть полностью предоставлен средиземноморским странам, в первую очередь Италии, которая осуществляла бы свою «цивилизаторскую функцию в римских традициях».

Вступление фашистской Италии в войну в июне 1940 г. и первоначальные военные успехи фашистского блока внесли существенные коррективы в итальянские планы организации «нового порядка». Итальянские фашисты исходили из принципа установления двух «жизненных пространств» в Европе, которые должны были отвечать «сущностям двух доктрин — фашистской и национал-социалистской». «Возникнет новая Европа и новый континент... географические границы будут пересмотрены... В политических и экономических границах Европа включает территории Африки, арабской и Средиземноморской Азии» [22]. В другом фашистском журнале, *Критика фашиста (Critica fascista)*, в редакционной статье говорилось: «Один полюс оси упрется в центр Европы, другой в центр Юго-Восточной Европы и вовлечет в свою орбиту средиземноморский бассейн, всю Африку, часть Азии, включая омывающие ее моря, средиземноморскую и индийскую Азию... Здесь будет развиваться империя новой цивилизации» [23].

Исследователь К. Курчио полагает, что речь шла о компромиссном варианте «строительства Европы», который отвечал бы новой политической реальности [6, 91]. Фашистский идеолог Ю. Эвола писал в 1940 г.: «...Организирующая сила подлинной цивилизации является не “латинской”, а просто “романской”, “арийско-романской”» [24].

Одним из последних мероприятий в рамках фашистского универсализма была конференция на тему «Идея Европы», организованная 23–24 ноября 1942 г. в Риме Национальным институтом фашистской культуры. Научный редактор публикации материалов конференции и автор развернутого предисловия Д. Лонго писала в 2000 г., что так и осталось неясным, имела ли какое-то влияние конференция с участием авторитетных интеллектуалов фашистской эпохи на реальную политику и отражала ли она вообще реальные внешнеполитические цели фашистского режима [9].

В любом случае конференция отразила два подхода к европейской идее. Первый подход, обоснованный директором Национального института фашистской культуры К. Пеллицци, представлял концепцию Европы как расширенного сообщества, пронизанного общими ценностями, в равной степени разделяемыми даже такими странами, как Великобритания и СССР, которые вносят собственные идеалы и опыт в европейский багаж. Советский коммунизм и британский империализм он рассматривал как «два крайних проявления внутренних моральных феноменов в европейском сознании» [12, 35].

Второй подход нашел выражение в выступлении теоретика корпоративизма философа У. Спирито. Он считал, что на текущий момент Европа уже не

находится в зоне внимания фашистской Италии. Естественным пространством, на которое обращено внимание фашистской Италии, является Средиземноморье. Фашизм поворачивается в сторону Европы только в связи со страхом быть окончательно вытесненным из нее германской экспансией. Реальными противниками Италии являются США, которые замышляют интегрировать Европу в собственные, контролируемые ими экономические механизмы, а также Великобритания, которая находится в центре сложной системы международных отношений и рассматривает Европу только как часть этой международной сети, и Советский Союз, осуществивший процесс радикального обновления [12, 35, 43, 44].

Подводя итоги, можно рассуждать о трех вариантах фашистского «европеизма»: первый был приспособлен к условиям версальской системы, второй разрабатывался в рамках итальянской концепции, а затем приспособивался к германской политике «жизненного пространства» (*lebensraum*). Даже после утраты фашистской Италией военно-политической самостоятельности итальянский вариант «европеизма» отличался от нацистского. Третий планировался в некоторых фашистских кругах в расчете на сохранение и приспособление фашистского политического режима к условиям послевоенной реконструкции Европы, осуществляемой под эгидой США и Великобритании.

-
1. *Лопухов Б. П.* Фашистский и антифашистский вариант «европеизма» // Европа и Средиземноморье. М., 1986.
 2. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // *Вопр. философии*. 1989. № 4.
 3. *Смирнова Н. Д.* Политика Италии на Балканах: Очерк дипломатической истории. М., 1969.
 4. *Cerruti V.* Collaborazione internazionale e ragioni dell'insuccesso della Societa delle Nazioni // *Rivista di Studi politici internazionali*. 1946, Gennaio-giugno.
 5. *Cofrancesco D.* Il mito europeo del fascismo // *Storia contemporanea*. 1983. № 1.
 6. *Curcio C.* Europa: storia di un'idea. Firenze, 1958. Vol. 2.
 7. *De Felice R.* Intervista sul fascismo. Roma-Bari, 1976.
 8. *Gentile E.* Il mito dello Stato nuovo. Roma-Bari, 1982.
 9. Il fascismo e l'idea d'Europa. Il Convegno dell'Istituto Nazionale di Cultura Fascista (1942) // A cura e con introduzione di Gisella Longo. Roma, 2000.
 10. *Il Messaggero*. 1936. 24 marzo.
 11. *Il Patto Mussolini*, a cura di A. Vaccari. Roma, 1933.
 12. *Longo G.* Introduzione. Il fascismo e l'idea d'Europa. Roma, 2000.
 13. *Mola A. A.* L'imperialismo italiano. Roma, 1980.
 14. *Mussolini B.* La dottrina del fascismo. Roma, 1941.
 15. *Mussolini B.* Opera omnia. Firenze, 1973. Vol. XXV.
 16. *Neglie P.* Un secolo di anti-Europa. Classe, nazione e razza: la sfida totalitaria. Rubbettino ed., 2003.
 17. *Ortega y Gasset J.* Meditazione sull'Europa. Roma, 2000.
 18. *Zaganella M.* Il fascismo e la nazionalizzazione delle masse // *Fare gli italiani. Dalla Costituzione dello Stato nazionale alla promulgazione della Costituzione repubblicana (1861–1948)* / a cura di Giuseppe Parlato e Marco Zaganella. Roma, 2011.
 19. *Turi G.* Lo Stato educatore. Politica e intellettuali nell'Italia fascista. Bari, 2002.
 20. *Gerarchia*. 1939. № 4.

21. Gerarchia. 1939. № 5.
22. Ibid. № 6.
23. Critica fascista. 1940. № 16.
24. Ibid. № 21.

Рукопись поступила в редакцию 12 сентября 2013 г.

УДК 621.039 + 327.37 + 355.019.1 + 327.2

Томас Йонтер

ПОЧЕМУ ШВЕЦИЯ НЕ СТАЛА СОЗДАВАТЬ АТОМНОЕ ОРУЖИЕ?

Почему, после долгих раздумий, в конце 1960-х гг. шведское правительство решило отказаться от своих планов разработки ядерного оружия? В данной статье приводится общий обзор истории выработки Швецией планов по созданию ядерного оружия в период с 1945 по 1968 г. К концу этого периода у Швеции существовала ядерная программа, в рамках которой можно было создать ядерное оружие в течение нескольких следующих лет. Однако по ряду причин страна отказалась от военной ядерной программы в 1968 г. и присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерного государства. Среди основных причин отказа можно выделить растущее в обществе сопротивление планам создания ядерного оружия; противоречия между целями мирной ядерной программы и необходимостью сохранить свободу действий в рамках военной программы; политику США, пытавшихся предотвратить появление у Швеции ядерного оружия, а также укрепление международных норм в области ядерного нераспространения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: шведская ядерная программа, ядерное оружие, режим ядерного нераспространения.

Почему Швеция, на протяжении долгих лет вырабатывавшая планы по созданию собственного ядерного оружия, в конце 1960-х гг. от этих планов отказалась? Ряд исторических исследований были посвящены некоторым аспектам данного вопроса, в частности, тому, как отказ от ядерной программы был связан с публичными политическими дебатами в Швеции и с формированием дальнейшей шведской оборонной стратегии [2–4, 21, 40]. Некоторые исследователи ставили перед собой задачу провести более общее исследование вопроса, почему Швеция отказалась от создания ядерного оружия, однако эти усилия, как правило, нивелируются тем, что авторы в основном полагались на вторичные источники — исследовательские работы, опубликованные на английском языке [11, 18, 19, 35], а все они не дают полной исторической картины шведских планов по созданию ядерного оружия. Главная сложность создания такой полной картины отказа Швеции от ядерной программы была связана с отсутствием архивных источников по данному периоду. Сегодня окончание холодной войны и рассекречивание большей части соответствующих документальных записей, особенно касающихся тех-

нических аспектов подготовки к производству ядерного оружия, позволили исследователям более детально проанализировать этот важный исторический вопрос [24–26].

Шведская исследовательская программа по созданию ядерного оружия была инициирована в 1945 г., сразу после проведения ядерных бомбардировок Японии. Специально созданный для этих целей Шведский национальный институт оборонных исследований (Forsvarets Forskningsanstalt — FOA) получил задание от верховного главнокомандующего страны собрать всю имеющуюся информацию об этом новом оружии массового уничтожения. Одним из заданий FOA было также рассмотреть возможности Швеции для создания собственной «атомной бомбы», так называли это оружие в те дни [26, 21]. Шведская политика неприсоединения требовала, как утверждали сторонники создания Швецией собственного ядерного оружия, наличия сильной ударной мощи, которая сможет доказать двум блокам сверхдержав способность Швеции сохранить свои позиции нейтралитета в случае войны.

В первые послевоенные годы главным приоритетом шведских политиков и исследователей было достижение самодостаточности в области ядерной энергии, поэтому Швеция сделала выбор в пользу технологий, которые позволили бы реакторам работать на естественном уране, не требовавшем предварительного обогащения. В рамках плана достижения самодостаточности в области атомной энергии для производства урана представляли интерес залежи глинистого сланца в центральной части Швеции. Запасы урана в Швеции, несмотря на их низкое качество, были, по оценкам американских и британских аналитиков, в послевоенный период одними из наиболее значительных в западном мире [37].

В течение 1950–1960-х гг. шведские планы по созданию ядерного оружия стали предметом жарких дискуссий как среди политиков, так и в обществе в целом. Начиная с 1949 и по 1968 г., когда Швеция подписала Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), FOA произвело пять значительных исследований по изучению возможностей производства ядерного оружия в Швеции. Технологии использования тяжелой воды, на развитие которых Швеция опиралась в рамках мирной атомной отрасли, вскоре были признаны устаревшими. Рост затрат, оказавшийся выше, чем предполагалось первоначально, а также риски аварийности на производстве, которые возрастали по мере реализации проекта, привели к закрытию данной программы парламентом Швеции в 1970 г. В качестве альтернативы стала применяться новая технология с использованием ректоров на легкой воде с загрузкой высокообогащенных ядерных материалов, импортируемых из США. Кроме того, в 1950-е гг. Соединенные Штаты снизили цену на обогащенный уран. В результате мер, принятых США, было решено, что реакторы, предназначенные для производства оружейного плутония, с целью снижения издержек производства будут работать на обогащенном уране из США. Вследствие этого в рамках гражданской атомной программы Швеции стала невозможной одновременная реализация проекта по созданию ядерного оружия. Причина — запрет на использование импортируемых из США материалов для применения в военных целях,

что было указано в Соглашении между Швецией и США [22]. Параллельно с возросшими трудностями в технологической сфере, связанными с производством ядерного оружия в рамках гражданской атомной программы, ширилась и внутривластная критика этой программы как среди парламентариев, так и в обществе. В конце концов планы по созданию ядерного оружия были заморожены, и в 1970 г. Швеция ратифицировала Договор о его нераспространении.

В рамках данной статьи доказывается, что отказ Швеции от создания ядерного оружия является следствием изначально принятого варианта соединения гражданского и военного ядерных проектов. То, что в начале 1950-х гг. считалось большим преимуществом, а именно стратегическое решение в соединении двух задач — производства оружейного плутония и достижения самодостаточности в области атомной энергии, — в итоге оказалось губительным для программы создания ядерного оружия в Швеции. Создание ядерного оружия при опоре исключительно на внутренний производственный цикл является технически сложным и трудоемким процессом. Этот сложный и затянувшийся процесс негативно повлиял на программу создания ядерного оружия по трем причинам. Во-первых, стала возможной мобилизация политических противников ядерной программы Швеции, общественное мнение и парламентские дебаты уводили Швецию все дальше от реализации военной ядерной программы. Сам факт, что Швеция являлась демократическим государством, способствовал появлению оппозиции, которая спровоцировала серьезные общественные дебаты, приведшие в итоге к смене политической позиции в данном вопросе. Во-вторых, переговорный процесс о разоружении между СССР и США, а также международные инициативы по предотвращению распространения ядерного оружия в середине 1950-х гг. также оказали влияние на общественное мнение в Швеции и усилили аргументы против создания здесь ядерного оружия. В-третьих, вследствие интеграции военной ядерной программы в проект мирного атомного производства Швеция, несмотря на изначально принятые планы, стала зависимой от поставок технологий и материалов из США. Эта технологическая зависимость усиливалась с каждым годом и позволила США повлиять на принятие Швецией решения в пользу отказа от производства оружейного плутония в рамках гражданской программы.

В заключительной части статьи говорится об актуальности примера Швеции в рамках современных международных усилий, направленных на то, чтобы убедить государства, стремящиеся создать собственное ядерное оружие, отказаться от этих амбиций.

Период 1945–1953 гг.

Шведский национальный институт оборонных исследований начал сотрудничество с АВ Atomenergi (АЕ), контролируемой государством компанией, которая была создана в 1947 г. и отвечала за развитие гражданской атомной программы. АЕ провела ряд технических исследований, касающихся выбора типа реакторов и необходимых условий для производства оружейного плутония по

запросу от FOA [24]. Сотрудничество между FOA и АЕ являлось ключевым элементом технической подготовки к созданию ядерного оружия в Швеции. Началось это сотрудничество в 1948 г., когда обеим структурам была поставлена общая задача по разработке технических и финансовых материалов по возможности производства ядерного оружия в Швеции. В 1949 г. было подписано соглашение, предполагавшее больше областей для сотрудничества, в котором более детально согласовывалось совместное проведение дальнейших исследований и опытно-конструкторских работ. В целом соглашение предусматривало, что FOA будет отвечать за всю исследовательскую программу в области создания ядерного оружия. Поэтому FOA было назначено ответственным за создание ядерного взрывного устройства и исследование его воздействия. В дополнение к этой работе АЕ должно было готовить и передавать основную информацию относительно возможности производства оружейного плутония, а также исследовать возможности производства или покупки тяжелой воды вне контроля третьих государств (т. е. тяжелой воды, покупка которой не требовала проверки ее использования со стороны продавца). АЕ было также поручено строительство реакторов и заводов по переработке и производству топливных элементов, которые должны были быть использованы в реакторах для производства оружейного плутония. Другими словами, гражданская атомная программа должна была быть реализована таким образом, чтобы сделать возможным создание ядерного оружия в Швеции на случай, если парламент Швеции примет такое решение [26].

Первое всестороннее исследование FOA возможности Швеции произвести ядерное оружие было закончено в 1948 г. В исследовании был сформулирован вывод о том, что предпочтительнее использовать в качестве ядерного расщепляющегося материала для взрывного устройства плутоний-235. Кроме того, в исследовании указывалось, что графит является наиболее подходящим материалом для применения его в качестве замедлителя в реакторе. Далее в исследовании делался вывод, что производство ядерного оружия займет около восьми лет, а может, и более длительный период [39].

Потребовалось еще около пяти лет для завершения следующего исследования FOA. На этот раз задание от FOA было передано Д-ру Сигварду Эклунду (Dr. Sigvard Eklund), возглавлявшему исследования в АЕ, который впоследствии стал вторым генеральным директором МАГАТЭ. Исследования 1948 г. были верны в своем предположении, что использование плутония является более предпочтительным для создания оружия, чем использование урана-235; более поздние исследования показали, что тяжелая вода лучше, чем графит, подходит для использования в качестве замедлителя в реакторе. Были проанализированы как технические возможности реактора, так и требуемые количества урана и тяжелой воды. В исследовании FOA, завершеном в 1953 г., Эклунд пришел к выводу, что тяжелая вода могла быть импортирована из Норвегии. Но не было никаких гарантий, что Норвегия удовлетворит просьбы Швеции. Поэтому Швеции необходимо было определить, будет ли оптимальным осуществление ядерной программы исключительно своими силами. Кроме того, в исследовании был сделан вывод, что стремление к полной независи-

мости в реализации ядерной программы значительно замедлило и удорожило бы ее [33].

На начальной стадии исследований по ядерной энергии шведские ученые работали вместе с британскими и французскими исследовательскими организациями. Тем не менее наиболее важным для Швеции было сотрудничество в области атомной энергетики с американскими научными организациями. Без поддержки США Швеция вряд ли смогла бы достичь какого-либо серьезного прогресса в сфере ноу-хау ядерной энергетики и производства. С другой стороны, сотрудничество с супердержавой имело и отрицательные последствия. Оказывая помощь в создании гражданской ядерной исследовательской программы, США в то же время стремились не допустить создания Швецией собственного ядерного оружия.

Политика США и Швеции в области ядерной энергии изменялась с течением времени и имела несколько этапов в своей эволюции. В период 1945–1953 гг. политика США по отношению к Швеции была примерно такой же, как и в отношении других стран Западной Европы. Главной целью ее в этот период было не допустить приобретения Швецией расщепляющихся материалов, технических знаний в этой области, а также современного оборудования, которые могли быть использованы для производства ядерного оружия. Существовала еще одна задача — убедить Швецию не начинать собственное производство урана, особенно оружейного. В Соединенных Штатах Комиссия по атомной энергии реализовывала сотрудничество со Швецией и другими государствами в соответствии с руководящими принципами США в рамках подобного сотрудничества [37]. С 1945 до лета 1948 г. США следовали жесткой линии запрета на экспорт большей части ядерных расщепляющихся материалов, оборудования и технических данных. Начиная с лета 1948 г. Комиссия по атомной энергии США убрала часть ограничений и позволила шведским исследователям получить доступ к материалам, которые ранее были засекречены. Была также разрешена продажа некоторого оборудования [17]. Несмотря на это, шведские исследователи в АЕ и ФОА понимали, что политика США в ядерной сфере носила ограничительный характер, и по этой причине Швеция развивала сотрудничество с другими западными странами. В частности, было установлено сотрудничество с Францией и Великобританией. Швеция и Норвегия подписали контракты, позволявшие Швеции получать тяжелую воду в обмен на уран [25].

В 1945–1953 гг. планы по созданию шведского ядерного оружия обсуждались в очень узком кругу политиков, военных и ученых. Ведущие представители армии Швеции, а также премьер-министр Tage Эрландер (Tage Erlander) и министр обороны Торстен Нилссон (Torsten Nilsson) в этот период выступали за создание шведского ядерного оружия. Главным аргументом в поддержку создания собственного ядерного оружия Швецией был тезис о необходимости сдерживания СССР от нападения на Швецию и поддержания политики неприсоединения [12].

Период 1954–1959 гг.

Открытое обсуждение планов по созданию шведского ядерного оружия началось примерно в середине 1950-х гг. Серьезные общественные обсуждения были спровоцированы результатами исследования, представленными шведским верховным главнокомандующим в 1954 г., которое получило название отчета «ОБ-54». В этом отчете верховный главнокомандующий выступил сторонником приобретения ядерного оружия в целях поддержания Швецией политики неприсоединения [5]. Первые парламентские дебаты по ядерному оружию были проведены в 1954 г., вскоре после первого испытания водородной бомбы США. В дебатах премьер-министр Эрландер признал, что Швеция проводила исследования того, как защитить страну от ядерного удара. Тем не менее он не признал открыто, что ФОА также проводила исследования относительно возможности производства шведского ядерного оружия. Эрландер заявил, что в свете испытаний США водородной бомбы он надеется на скорейшее заключение международного соглашения по разоружению в Организации Объединенных Наций [28].

В 1955 г. внутривнутриполитическая ситуация была следующей: Консервативная партия выступала в поддержку приобретения ядерного оружия, в то время как Либеральная партия занимала умеренно сдержанную позицию, но не брала на себя никаких обязательств; Центристская партия не имела определенной позиции. Представители социал-демократов разделились по этому вопросу, некоторые из них выступали в поддержку ядерного оружия Швеции, другие — против него. Социал-демократическая партия была включена также в крыло, выступающее за разоружение, которое было против любого расширения вооруженных сил. Это крыло включало Социал-демократическую женскую лигу, которая инициировала кампанию среди общественности против шведского ядерного оружия в этот период. В парламентских дебатах от 23 марта 1955 г. правительство, которому было необходимо принимать решение по данному вопросу, находилось под огромным давлением со стороны как сторонников, так и критиков ядерной программы. Позиция правительства заключалась в том, что оно не может взять на себя ни одно из обязательств, пока развитие гражданской атомной программы не получит действительного развития и, следовательно, пока нет технической информации, которая позволила бы принять решение. Поэтому правительство рекомендовало отложить решение данного вопроса до того момента, когда уровень знаний позволит принять обоснованное решение. С этого момента такая стратегия стала применяться для обоснования позиции правительства по ядерной программе: правительство использовало работу по гражданской программе в области ядерных исследований для того, чтобы избегать принятия конкретного решения по военной программе. Это позволило примирить сторонников и противников планов по созданию ядерного оружия внутри Социал-демократической партии. Данная стратегия удовлетворяла как правые партии, так и военных, которые выступали в поддержку продолжения исследований по созданию ядерного оружия [21, 19].

Завершение третьего этапа исследований FOA

Третье исследование FOA по возможностям производства ядерного оружия было завершено в ноябре 1955 г. Как и в случае с предыдущими исследованиями, FOA предлагали использовать плутоний, а не уран-235 во взрывных устройствах; выбор в пользу плутония был сделан по следующим соображениям. Во-первых, использование плутония позволит построить реактор, который может быть использован как для производства ядерного оружия, так и для производства мирной энергии. Такое решение считалось и финансово выгодным. Во-вторых, ограниченные кадровые ресурсы в области ядерной энергетики Швеции могли быть задействованы более эффективно. В-третьих, можно было достичь определенного прогресса в развитии гражданского атомного проекта даже в том случае, если Швеция откажется от производства ядерного оружия [42].

Исследование хорошо иллюстрирует, как быстро шло развитие науки в этот период. Шведские ученые постоянно вносили свой вклад в производство новых знаний, и на конференции в Женеве США приняли решение открыть ранее засекреченную информацию для стран, сотрудничавших с США в рамках программы «Атом во имя мира», инициированной президентом Эйзенхауэром в 1953 г. Ситуация в этой сфере стала более ясной, чем это было в 1953 г. Разрабатывались ядерные боеголовки весом около 100 кг, т. е. гораздо меньшего размера, чем предполагали исследователи FOA. Новые взрывные устройства, которые получили название тактического ядерного оружия, рассматривались как более транспортабельные и более простые для использования в ракетах и торпедах. Эти данные не были абсолютно точными и подлежали пересмотру в свете дальнейших исследований.

Исследование 1955 г. доказывало, что имелась техническая возможность производства Швецией ядерного оружия при получении доступа к плутонию [Там же]. Технически вопрос получения плутония был решен, хотя со временем ситуация изменилась. Было также очевидно для FOA, какие шаги должны были быть предприняты в процессе производства, и примерно понятно, сколько будет стоить проект с точки зрения капитала, научной и технической экспертизы. В Швеции на тот момент уже работал расположенный в центральной части Стокгольма, неподалеку от Королевского технического университета, реактор R1, введенный в эксплуатацию в 1954 г. Швеция также обладала значительным уровнем знаний, полученных в FOA и АЕ. Кроме того, в стране имелись большие запасы урановых руд, хотя и низкого качества.

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что Швеция достигла определенных потенциальных (латентных) возможностей для производства ядерного оружия примерно в 1955 г., хотя дальнейшие годы исследований приведут к последовательной корректировке планов производства данного оружия [29].

Открытым оставался вопрос о средствах доставки ядерных боеголовок. В качестве средств доставки ядерного оружия в то время рассматривались преимущественно шведские штурмовики А-32 (Lansen) и А-35 (Draken). Ядерное оружие должно было быть изготовлено в виде ракет. Самолеты данного

типа производились шведской авиастроительной компанией СААБ (SAAB), которая была важной частью шведской оборонной промышленности. В середине 1950-х гг. СААБ подготовила проект нового бомбардировщика А-36, сконструированного специально для ядерных ракет. Идея заключалась в создании соответствующего бомбового отсека в новом бомбардировщике, который мог вместить тяжелые ядерные ракеты, предназначенные для сброса на территорию СССР. Однако в 1957 г. проект был остановлен [8].

В 1956 г. шведский парламент принял решение о создании мирной атомной программы. Реакторы на тяжелой воде должны были обеспечивать весь топливный цикл для достижения независимости Швеции в отношении закупок урана, тяжелой воды и плутония. Программа предполагала строительство пяти или шести атомных станций к 1965 г. на основе автономной системы производства и обслуживания реакторов в Швеции. В рамках первого этапа программы расширения атомной отрасли, который должен был закончиться к 1970-м гг., предполагались широкомасштабные исследовательские работы и образовательные проекты с целью создания ядерной инновационной системы, способной запустить планируемую систему реакторов на тяжелой воде и использовать ее в коммерческих целях. Реакторы для производства тепловой энергии также планировалось создать в течение первого этапа. Данное производство не считалось менее сложным, чем создание реакторов для производства электроэнергии. Затем, в рамках следующего этапа, планировалось создание ядерных реакторов для производства электроэнергии повсеместно как часть социально значимого перехода от гидроэнергетики к ядерной энергетике [10].

В феврале 1956 г. руководство Социал-демократической партии инициировало обсуждение ядерных планов Швеции. Премьер-министр Эрландер подготовил предложение, которое должно было предотвратить появление непримиримых позиций, что позволило бы избежать блокирования данного обсуждения. Суть предложения заключалась в отсрочке принятия решения по данному вопросу до 1958 г. По мнению Эрландера, подобная отсрочка была необходима по двум причинам. Во-первых, не существовало никаких объективных условий решать этот вопрос сейчас, так как у правительства не было достаточной информации о технических возможностях создания ядерного оружия. Во-вторых, в это время шли международные переговоры о ядерном разоружении, и Швеции не стоило усложнять данный переговорный процесс, принимая решение о создании ядерного оружия. Подобное решение, скорее всего, привело бы к дальнейшему распространению в мире ядерного оружия. Перед заседанием Эрландер попросил министра иностранных дел Ундена (Unden), который был настроен против создания ядерного оружия, проинформировать руководство Социал-демократической партии о проходящих в ООН переговорах о разоружении. На заседаниях правительства Унден утверждал, что для Швеции было бы лучше отказаться от обладания ядерным оружием в контексте международного движения ко всеобщему разоружению. На самом деле, по мнению Ундена, наличие ядерного оружия в стране могло привести к политической дестабилизации, поскольку могло бы спровоцировать превентивный ядерный удар по Швеции со стороны Советского Союза

[21, 26–27]. В этом контексте важно отметить, что, помимо переговоров о разоружении, шли переговоры о создании наднационального контролирующего органа в рамках ООН, что в 1957 г. привело к созданию расположенного в Вене Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). Задачами МАГАТЭ стало содействие развитию мирных атомных проектов и предотвращение распространения технологий и материалов, которые могут быть использованы для военных программ [13].

Что означала эта стратегия Эрландера для будущего шведской оружейной программы? Она означала, что технический прогресс, достигнутый Швецией в данном направлении, необходимо было сопоставлять с успехами международных процессов в области ядерного разоружения. Проще говоря, если международные переговоры не увенчались бы успехом, политику отсрочки в принятии решения по ядерному оружию Швеции можно было бы больше не проводить. Наличие технических возможностей для реализации ядерной программы позволило бы начать производство данного оружия. Главным аргументом оставался тезис о том, что угроза со стороны Советского Союза является неизменной, а обладание Швецией ядерным оружием позволит ей проводить политику сдерживания. Только всеобщее разоружение — а что это конкретно означало, Эрландер не объяснял — могло заставить Швецию воздержаться от создания ядерного оружия. Действуя в подобной манере и удовлетворяя одновременно политические фракции, которые были за и против создания ядерного оружия, Эрландер, по крайней мере временно, получил определенную свободу действий в этом вопросе. Противники шведского ядерного оружия могли и дальше продолжать работу по консолидации своих сторонников, надеясь на прорыв в решении вопросов разоружения на международной арене. Сторонникам шведского ядерного оружия предоставлялась возможность продолжать техническую работу в этом направлении.

В 1957 г. FOA представила новое исследование, проведенное в два этапа, целью которого было разработать предложения по проектированию и провести оценку экономических затрат по производству ядерного оружия, что означало переход проекта в новую стадию готовности [15; 34, 91]. Производство оружейного плутония планировалось в реакторах двух станций: атомной электростанции в Агесте (Agesta Power Station) к югу от Стокгольма и станции Марвикен (Marviken), расположенной недалеко от города Норрчепинг. Атомная электростанция в Агесте была запущена в эксплуатацию в 1963 г. Реактор был прототипом объекта с тепловой мощностью 65 мегаватт (МВт), из которых 55 МВт использовались для отопления пригорода Стокгольма Фарста, а 10 МВт шли на выработку электроэнергии. Атомную электростанцию Марвикен власти планировали построить в течение 1960-х гг. [24, 40–42].

Оборонные исследования

Шведские исследования в области создания ядерного оружия к 1958 г. достигли такого технического уровня, когда встал вопрос о принятии политического решения. Это была сложная задача для Эрландера и его правительства.

Растущая критика ядерного проекта внутри Социал-демократической партии и в средствах массовой информации, параллельно с массовой кампанией против ядерного оружия, которая проводилась вновь созданной организацией АМСА (Группа действий против шведского ядерного оружия — Action Group Against Swedish Atomic Weapons), требовала от Эрландера поиска компромисса, который устроил бы как сторонников, так и противников ядерного оружия в Швеции. Два исследования были представлены Парламенту Швеции для рассмотрения. Первое, получившее название «Программа по созданию устройства», должно было начаться в том случае, если бы Швеция приняла решение в пользу создания ядерного оружия; вторая программа, «Программа защиты», была бы начата, если бы Парламент выступил против создания ядерного оружия. Последняя программа фокусировалась бы на исследованиях, связанных с развитием оборонных возможностей в случае ядерной атаки, а не на проектировании шведского ядерного устройства [14].

В целом программа по созданию устройства не сильно отличалась от тех разработок, которые были сделаны в 1957 г. Тем не менее можно выделить два принципиальных отличия. Во-первых, Соединенные Штаты и Великобритания стали публиковать данные своих экспериментов с реакторами на быстрых нейтронах, что облегчило дальнейшие разработки. Во-вторых, теперь было понятно, что плутоний может поставляться только в виде химического соединения, тогда как поставки металлического плутония были запрещены. Таким образом, программа предпослала дальнейшее исследование в области металлургии с целью получения металла из соединений плутония для последующих исследований металлического плутония. Эти разработки могли привести к отставанию от графика исследований. Также в программе по созданию устройства был сделан расчет, что 10 кг плутония можно произвести к 1965 г. при условии, что решение о продолжении программы будет принято в июле 1959 г. Это означало задержку по реализации проекта на два года. Окончательный прототип ядерного оружия Швеции должен был быть готов к 1966 г.

В «Программе защиты» было заявлено, что цель ее — удовлетворять нужды обороны страны, «предусмотренные в рамках руководящих принципов, изложенных в проекте Комитета по подготовке закона об обороне». Для того чтобы Швеция имела возможность защитить себя от врага с ядерным оружием, необходимо было проводить серьезные исследования в этой области. Главной задачей данного проекта было получение информации об оружейных ядерных системах противника, чтобы выстроить шведскую оборону в соответствии с угрозой.

Правительство поддержало позицию Комитета по подготовке закона об обороне и настаивало на том, что Швеция еще не готова принимать решение по вопросу создания ядерного оружия. Законопроект, утвержденный в июле 1958 г., предлагал ФОА выделять больше средств на проведение исследований в области обороны. Другими словами, программа защиты была одобрена, а программа по созданию устройства отклонена [9].

В ходе последующих дебатов в качестве основного аргумента отсрочки для принятия решения стали международные изменения, происходящие в сфере

ядерных вооружений. Основная идея заключалась в том, что Швеция должна была изучить ситуацию в области безопасности в ближайшие годы, а также проводить исследования в области обороны. С этой точки зрения у Швеции будет достаточно времени, чтобы среагировать, если международная ситуация станет более угрожающей, кроме того, будущий анализ в области безопасности может способствовать развитию шведского ядерного оружия [24, 42–46].

Как повлияла растущая волна оппозиции ядерному проекту Швеции на планы премьер-министра Эрландера? Существуют доказательства, что уже в 1957 г. Эрландер начал сомневаться в необходимости создания ядерного оружия в Швеции и поставил перед собой задачу достичь политического консенсуса по данному вопросу. Это было очень сложно и важно одновременно в период выборов 1958 г. Результаты выборов вынудили социал-демократов создать коалицию с Коммунистической партией, однако в Парламенте они получили ровно столько же мест, сколько и оппозиция. Такое сочетание факторов обуславливало бы дальнейшее объединение социал-демократов с центристскими и правыми партиями для решения данного вопроса [19, 192].

Начиная с января 1957 г. Швеция активно работала в Совете Безопасности ООН в комитете по разработке вопросов, связанных с ядерным разоружением. В январе 1957 г. Швеция выступила с предложением ввести мораторий на ядерные испытания. Министр иностранных дел Швеции Унден в последующие годы активно работал над продвижением идей международного разоружения, что не могло не повлиять на общественное мнение в Швеции, и на премьер-министра Эрландера в частности. На встрече с правительством в 1958 г. Эрландер выразил сомнение в выгодах обладания ядерным оружием. Он сказал, что Советский Союз вполне может расценить это как провокацию и может нанести превентивный удар по Швеции на начальной стадии ядерной войны. Поскольку ранее данный аргумент приводил министр иностранных дел Швеции Унден, можно предположить, что позиции премьер-министра Эрландера сближались с позицией Ундена в пользу отказа от оснащения Швеции ядерным оружием, поскольку это могло поставить под угрозу безопасность страны [21]. Но это не означало, что Эрландер стал призывать к отказу от создания ядерного оружия в Швеции общественность или даже сторонников по Социал-демократической партии. Эрландер сделал ставку на достижение консенсуса по вопросу ядерного оружия Швеции, что предполагало совместное принятие решение Социал-демократической партии с центристскими и правыми партиями. Такая уклончивая позиция Эрландера вызвала массовый протест против ядерной программы Швеции, а также позволила Ундену и Социал-демократической женской лиге организовать политическую кампанию против данной идеи. В то же время Эрландер пытался отложить принятие решения по данному вопросу, что позволило бы продолжить исследования. Концепция защиты исследования практически являлась прикрытием для продолжения технических работ в этой области. Существовала одна проблема: насколько ФОА могла быть свободна в своей работе по подготовке проекта? Разрешено было только проводить исследования в области обороны,

а что это означало в действительности? На протяжении следующих нескольких лет это будет серьезной проблемой для ФОА.

В декабре 1959 г. был подготовлен серьезный доклад, который обусловил дальнейшее развитие исследований в области обороны. Доклад был представлен комитетом Совета Социал-демократической партии с целью изучения проблем, связанных с ядерным оружием. Членом данного комитета был молодой многообещающий политик Улоф Пальме (Olof Palme), впоследствии, в 1969 г., сменивший Эрландера на посту премьер-министра, который, как предполагают, был автором данного доклада. Эрландер назначил представителей обеих фракций Социал-демократической партии в Комитет по ядерному оружию, возглавляемый им самим, с целью поиска общей позиции по данному вопросу. Год спустя Комитет представил доклад, который призывал не создавать ядерное оружие на тот момент, однако Комитет и не требовал изменения действующей политики в этом направлении. Принятие окончательного решения было отложено, в то время как исследования продолжались. В этом плане работа в Комитете отражала стратегию Эрландера, которая позволяла высказываться как противникам, так и сторонникам создания ядерного оружия. Можно также утверждать, что позиция Эрландера по данному вопросу менялась и была уже не в пользу создания ядерного оружия.

Движимое оппозицией ядерным планам Швеции общественное мнение страны все больше склонялось в сторону отказа от создания ядерного оружия в стране. Поддерживая общественные дебаты и кампанию против ядерного оружия, Эрландер как бы говорил сторонникам исследований в этой области, что исследование может быть продолжено, но в конечном итоге международная ситуация, складывающаяся в области ядерного нераспространения, вынудит принять решение о разработке ядерного оружия либо об отказе от него. Исследование было серьезным и предполагало различные технические возможности производства ядерного оружия. В июле 1958 г. в Парламенте Швеции комитет Совета Социал-демократической партии подтвердил, что будущая международная ситуация в сфере безопасности будет определять принятие решения о создании ядерного оружия в Швеции. Исследование предполагало, что Швеция может иметь отсрочку для решения данного вопроса до середины 1960-х гг., когда международные события позволят принять то или иное решение. В то же время исследования в области обороны должны продолжаться, чтобы впоследствии можно было принять более взвешенное решение.

Как видно из доклада Комитета Совета Социал-демократической партии, провести разграничительную линию между исследованиями в области обороны и исследованиями по созданию ядерного оружия было непросто. Тем не менее попытка провести такую черту была предпринята: не могут проводиться никакие исследования в проекте по созданию устройства, которые впоследствии могут привести к созданию ядерного оружия. Кроме того, было введено дополнительное условие в оборонной программе: оружейный плутоний не должен использоваться в будущих оборонных исследованиях [30]. Однако на практике это означало, что ФОА продолжали бы работы по созданию устройства и произвели бы расчеты по стоимости производства ядерного оружия

в последующие годы. Концепция оборонных исследований в действительности стала прикрытием для продолжения технических работ, которые позволили бы Швеции создать ядерное оружие при принятии политического решения в пользу его создания. Парламент продолжал поддерживать политику «свободы действий» в последующие годы [26, 45–53].

Какова же была реакция Соединенных Штатов на шведские планы создания ядерного оружия? Соединенные Штаты, как упоминалось выше, были против создания Швецией ядерного оружия. Американцы опасались, что если такие мирные и демократические страны, как Швеция, со стабильной политической ситуацией, создадут ядерное оружие, то угроза его дальнейшего распространения в мире существенно возрастет. С другой стороны, они понимали, что развитие гражданской ядерной энергетической программы Швеции будет зависеть от США, и это позволило Вашингтону попытаться убедить Швецию воздержаться от реализации ядерной программы. Более того, к середине 1950-х гг. сотрудничество в области обороны между США и Швецией стало более интенсивным, Швеция получила право закупать и производить робототехнические системы США по лицензии. Это обуславливало зависимость ее от США и ограничивало, в свою очередь, свободу маневра. Усиливавшееся сотрудничество в технологической сфере между двумя странами давало возможность формально и неформально оказывать давление на Швецию, показывая ей, что можно, а что нельзя делать, если Швеция заинтересована в продолжении данного сотрудничества [16, 20, 23, 31, 32].

Со временем стала ясна цена подобного сотрудничества с Соединенными Штатами, а именно сокращение независимости Швеции и ограничение возможности для нее интегрировать планы по созданию ядерного оружия в гражданскую атомную программу. Одним из условий помощи США было то, что поставляемые ядерные компоненты и материалы не могут быть использованы для производства ядерного оружия. Чем больше Швеция становилась зависимой от США в рамках сотрудничества в исследованиях в ядерной сфере, тем больше возможностей имели США для влияния на Швецию в плане отказа от ядерных планов. Одним из решающих шагов США было снижение цены на обогащенный уран в конце 1950-х гг., что позволило снизить затраты на топливо для реакторов на легкой воде. Эта мера дала возможность частным компаниям стран, имеющих планы по созданию ядерного оружия, таких как Швеция, инвестировать в технологии, работающие на легкой воде, поскольку им не нужно было больше тратиться на разработку технологий обогащения или переработку урана. Использование технологий на легкой воде стало рассматриваться на международном рынке как финансово более выгодная и более надежная технология, чем технологии на тяжелой воде. Это решение подрывало возможности для производства ядерного оружия в рамках гражданской атомной программы. Снижение цен на обогащенный уран из США позволило бы использовать его для загрузки на атомные станции в Агесте и Марвикене. Если такой сценарий стал возможным, то реакторы на данных объектах уже не могли бы использоваться для производства оружейного плутония [22].

Период 1960–1968 гг.

В течение 1961 г. шведское военное руководство разрабатывало новые планы обороны. Консенсусное решение по оснащению шведских сил обороны ядерным оружием, которое ранее казалось незыблемым, сейчас ставилось под сомнение. И тому было несколько серьезных причин. Одна из них крылась в конкуренции между различными видами вооруженных сил. Армия и военно-морской флот опасались, что могут проиграть борьбу за бюджетные ассигнования военно-воздушным силам, поскольку большая часть бюджетных средств, планируемых для ядерной программы, могли быть потрачены на авиацию. Но даже у представителей военно-воздушных сил были определенные сомнения по поводу преимуществ обладанием ядерным оружием. Военно-воздушные войска имели и другие дорогостоящие проекты, связанные с оборонной политикой, среди которых была разработка нового типа истребителей. Если бы планы по созданию ядерного оружия начали реализовываться, они могли бы повлиять на сворачивание других важных проектов. Из-за внутренних противоречий вопрос ядерного оружия не получил развития в военном обзоре ОВ-62 и был передан на рассмотрение специальному тайному совету, так называемой Группе по ядерному устройству (Nuclear Device Group), — шаг, который позволил военному командованию преодолеть разобщенность [3, 281–287].

В феврале 1962 г. Группа по ядерному устройству представила свои предложения. В опубликованном докладе отмечалось, что доктрина массированного воздействия ядерным оружием уже не действует. Администрация Кеннеди выдвинула новые предложения о значимости обычных вооружений в возможной будущей войне. Больше не считалось допустимым использование массированной атаки ядерным оружием на начальной стадии новой войны. Ядерное оружие с этой точки зрения можно было использовать в меньших масштабах после оценки ситуации. Эта новая доктрина использования ядерного оружия получила название доктрины гибкого реагирования.

Выводы доклада по сути подразумевали отказ от поддерживаемой ранее жесткой позиции, которая предполагала оснащение сил обороны Швеции ядерным оружием с целью достижения преимущества при первом ударе и в рамках доктрины сдерживания. Несмотря на очевидную смену позиции, отчет подчеркивал важность сохранения свободы действий в этом вопросе, основное внимание в нем фокусировалось на возможном производстве тактического оружия. Предложение предполагало создание к 1972 г. 100 таких тактических устройств, если только не будут предприняты шаги к ускорению программы [27].

Доклад ОВ-62 также предлагал укреплять и увеличивать обычные вооруженные силы Швеции, так как атака против Швеции, как считалось тогда, будет осуществляться обычными видами вооружений. В докладе подчеркивалось, что создание ядерного оружия Швецией остается вероятным сценарием, но в практическом плане даже военные не рассчитывали на это [2, 237]. В следующем докладе Верховного главнокомандующего в 1965 г. военные ушли еще

дальше от предыдущих планов по созданию ядерного оружия. В докладе говорилось, что создание ядерного оружия является вопросом политическим, в нем был сделан запрос на продолжение финансирования ядерных исследований [19, 199]. Почему шведские военные перестали поддерживать программу по созданию ядерного оружия? Отчасти это было связано с уменьшающейся поддержкой ее внутри страны (об этом будет сказано далее), но также и с важными изменениями в политике США в начале 1960-х гг., в том числе с решением об оказании помощи Швеции в случае советского нападения.

США занимают жесткую позицию

Другим важным фактором, который, вероятно, оказался решающим для изменения решения шведским военным командованием, стала позиция США по отношению к шведским планам по созданию ядерного оружия. В течение 1960 г. правительство США заняло однозначную позицию против любых планов приобретения ядерного оружия. Также оно признало возможность оказания помощи Швеции в случае советской агрессии — решение, которое давало гарантии безопасности для Швеции. Эти решения стали возможными благодаря инициативе президента Эйзенхауэра задействовать Совет национальной безопасности (СНБ) для пересмотра политики США в отношении различных стран и регионов мира. В апреле 1960 г. Совет национальной безопасности США принял решение относительно ядерных планов Швеции. Было заявлено, что Соединенные Штаты не должны «обеспечивать [Швецию] ядерными боеголовками, а также [должны] препятствовать созданию собственного ядерного оружия в Швеции» [41].

В документе СНБ указывалось, что для всего западного мира было бы лучше, если бы Швеция направила свои усилия на обновление и укрепление обычных вооружений, вместо того чтобы тратить ресурсы на разработку ядерного оружия. С точки зрения США Швеция рассматривалась как часть Западного блока, хотя и не входила в состав НАТО. Если бы Швеция была атакована Советским Союзом, то национальные интересы США диктовали бы необходимость помощи Швеции: «В случае агрессии со стороны Советского блока против Швеции мы должны быть готовы оказать помощь Швеции в качестве ответа НАТО или ООН на агрессию» [Там же].

В 1962 г. появился новый документ СНБ «Руководство по политике и действию — Швеция», который заменил документ СНБ 6006/1 от 1960 г. [1]. Самым значимым изменением стала новая формулировка того, что США намеревались предпринять в случае атаки Советского Союза на Швецию: «В случае агрессии со стороны Советского блока против Швеции мы должны прийти на помощь Швеции в качестве ответа НАТО или ООН на агрессию». Формулировка «должны быть готовы» была заменена на «должны прийти на помощь», что подразумевало более серьезное обязательство.

Это заявление было интерпретировано многими исследователями как расширение гарантий безопасности США и на Швецию. Если Швеция отказывается от своих планов по созданию ядерного оружия, США, в свою очередь,

обещают гарантии «ядерного зонта» для Швеции [3, 303]. Доклад Комиссии по шведской политике в области безопасности, опубликованный в 2002 г., обращается к документу 1962 г., в котором говорилось, что Швеция могла воспользоваться защитой США в случае войны и что она находилась под защитой ядерного зонта США [16, 221–223]. По мнению Агрелла, шведское военное командование, согласно стратегическим исследованиям 1960 г., рассчитывало на ядерное оружие США, которое должно было быть использовано в случае советского нападения на Швецию [3, 303].

Документов, которые могут подтвердить прямые обязательства США защитить Швецию в виде соглашения с правительством Швеции, нет. Более детальное изучение имеющихся источников не дает возможности говорить о том, что США давали правительству Швеции гарантии безопасности. Существует несколько очевидных причин для такого вывода. Во-первых, предоставление подобных гарантий означало бы вовлечение США в рискованную ситуацию. Зачем обещать правительству неприсоединившейся Швеции то, что США не смогли бы сделать в случае кризисной ситуации? Во-вторых, маловероятно, что правительство Швеции, со своей стороны, заключило бы такое соглашение с США, учитывая официальную политику неприсоединения. Для Швеции было бы опасно соглашаться на подобные меры, даже без заключения официального соглашения. С другой стороны, есть факты, указывающие на наличие соглашения между американскими военными и шведским военным командованием. Общее военное планирование и расширение военно-технического сотрудничества между США и Швецией в 1960-е гг. привели к установлению секретных и прямых линий связи между военными командными структурами обоих государств. Это может также объяснить, почему шведские военные так быстро изменили свою позицию по ядерной проблеме и решили сосредоточиться на развитии обычных вооружений Швеции. Сам факт, что в докладе ОВ-62 отдавалось предпочтение развитию обороны за счет усиления обычных вооружений в будущем, подтверждает данную гипотезу, как и тот факт, что секретная Группа по разработке ядерного устройства скептически отнеслась к предложению снабдить шведские силы обороны ядерным оружием.

Стратегические планы, представленные как в докладе ОВ-62, так и в отчете Группы по ядерному устройству, были очень похожи на заявления Совета по национальной безопасности США в 1960 г. и означали, что шведские военные были на стороне позиции, озвученной Соединенными Штатами. Вполне вероятно, что правительство Швеции вынуждено было действовать в соответствии с правилами джентльменского соглашения между военными Швеции и США. Как для Швеции, так и для США данные договоренности были выгодны. Для США не было необходимости брать на себя какие-либо формальные гарантии безопасности, которые трудно было бы выполнить в любых обстоятельствах; с другой стороны, Швеция не брала на себя обязательств, которые могли бы поставить под угрозу ее политику неприсоединения. Результатом данного соглашения стал отказ Швеции от обретения ядерного оружия.

Международные усилия в области нераспространения ядерного оружия

В 1960-е гг. Швеция активно участвовала в международной политике, направленной на ограничение распространения ядерного оружия. Участвуя в ООН, а также в рамках регионального сотрудничества, Швеция выдвинула предложение о создании зон, свободных от ядерного оружия, и предложение о ядерном разоружении. Например, в октябре 1961 г. министр иностранных дел Унден предложил создать в рамках Генеральной Ассамблеи ООН «безъядерный клуб», предложение получило название «Плана Ундена». Идея заключалась в том, чтобы государства, не обладающие ядерным оружием, взяли на себя обязательство «воздерживаться от разработки, приобретения или хранения на своей территории оружия другого государства». 4 декабря 1962 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, в основе которой лежали предложения Ундена. План Ундена нужно понимать как составную часть более амбициозной стратегии, нацеленной на достижение полного и всеобъемлющего ядерного разоружения. Идея заключалась в том, что, объединив страны без ядерного оружия в клуб, можно было бы заставить государства, обладающие ядерным оружием, начать переговоры о запрещении ядерных испытаний, что само по себе является важным шагом на пути к полному ядерному разоружению [6, 86].

Шведскую приверженность ядерному разоружению необходимо рассматривать в контексте того, что Мария Рост Рубле называет «международная социальная среда», которая стала результатом формирующегося режима ядерного нераспространения [3, 86]. Международные усилия в области ядерного разоружения в рамках ООН и международного движения за мир еще больше укрепили аргументы против создания ядерного оружия в Швеции и дали возможность Ундену и противникам создания ядерного оружия в Швеции, таким как АМСА и Социал-демократическая женская лига, занять более жесткую позицию по данному вопросу [21]. Рубле считает, что все эти инициативы и действия сделали возможным формирование норм в области нераспространения. Хотя это достаточно спорный аргумент, так как можно долго рассуждать, что это за нормы и как именно эти нормы, а не другие причины, повлияли на конкретные решения отказаться от ядерного оружия конкретных государств [38, 30–31]. В этой статье я не берусь судить, что повлияло на шведских политиков и военных — нормы или аргументы, используемые в международных переговорах и дискуссиях по запрещению ядерного оружия. Какими бы ни были причины, влияние на шведских политиков было: международные обязательства в области ядерного разоружения повлияли на дебаты внутри Швеции, даже Консервативная партия начала корректировку своей позиции по данному вопросу. В целом можно сказать, что общественное мнение толкало Швецию к отказу от ядерного оружия, как показали позиции политических партий и публичные дебаты в начале 1960-х гг. в целом.

Отказ от ядерного оружия

Конфликт между целями гражданской и военной ядерных программ Швеции постепенно перешел в плоскость экономических реалий. В результате начиная с 1965 г. гражданская атомная программа начала реализовываться без учета военной составляющей. В 1966 г. было подписано соглашение между США и Швецией, в рамках которого США гарантировали поставки обогащенного урана в Швецию до 1996 г. Было решено загружать обогащенный уран в реактор на станции в Марвикене. Это означало, что военная программа Швеции может быть реализована, если Швеция сама начнет обогащение урана в будущем. В связи с этим военное руководство понимало, что необходима поэтапная реализация программы закупок, если Швеция намеревалась иметь свободу выбора в ядерном вопросе. Однако правительство Швеции в 1966 г. отказалось продолжать данную политику, и, таким образом, планирование создания шведского ядерного оружия по сути было свернуто [24, 62–63]. В 1968 г. шведский Парламент проголосовал против создания ядерного оружия в Швеции, а в августе этого же года был подписан ДНЯО. Шведские планы по созданию ядерного оружия были окончательно похоронены. Наконец, в 1970 г. Швеция ратифицировала ДНЯО.

Насколько серьезно продвинулась FOA в своих исследованиях в области военной программы ко времени, когда планы были свернуты? В принципе, с технической точки зрения FOA имели необходимую информацию о том, как использовать местные урановые руды и какой тип реакторов необходим. Тем не менее существовали серьезные пробелы в технологической цепочке — завод по переработке урана и запасы тяжелой воды, закрытые от инспекций. Технически было возможно произвести одно взрывное устройство при том количестве оружейного урана, которое было в наличии, однако создание одного взрывного устройства не означало наличия полномасштабной военной программы. Запланированная программа предполагала создание более 100 боеголовок. Реализация такой масштабной программы последовательного производства потребовала бы несколько лет до того момента, когда появилось бы первое взрывное устройство. Еще одной проблемой была реализация программы по созданию средств доставки ядерного оружия. Несмотря на то что уже были предприняты действия по оснащению шведских авианосцев ядерным оружием, требовались новые технические усилия для комплексного решения данной проблемы.

В рамках данного анализа можно сделать вывод, что стратегия Швеции по использованию оружейного плутония в рамках гражданской атомной программы постепенно становилась практически неосуществимой. И, как следствие, проблематичной и затянутой по времени стала интеграция гражданской и военной программ; сформировались критические оценки и сопротивление военной ядерной программе в различных секторах шведского общества, особенно там, где принимались политические и технические решения. Тот факт, что Швеция — демократическое государство, позволил появиться политичес-

кому сопротивлению. Активные общественные дебаты по проблеме ядерного оружия в Швеции побудили ведущих политиков пересмотреть свои позиции и найти иное обоснование оборонной стратегии Швеции, что привело к изменению взглядов на ядерное оружие в целом. Международные усилия в области ядерного разоружения и обсуждение формирующегося режима ядерного нераспространения также оказали влияние на шведское общество и укрепили аргументы против создания ядерного оружия Швецией.

Другим аргументом в пользу выбора Швецией гражданской атомной программы было то, что, несмотря на все свои усилия, Швеция попала в зависимость от американских технологий. Эта технологическая зависимость усиливалась с течением времени и позволила Соединенным Штатам оказать влияние на отказ Швеции от производства оружейного плутония в рамках гражданской программы.

Какие выводы мы можем извлечь из исторического примера Швеции, как этот пример может повлиять на современные усилия, направленные на убеждение государств, имеющих амбиции создать ядерное оружие, отказаться от них? Один из важнейших уроков, который можно извлечь из примера Швеции, заключается в том, что производство ядерного оружия, основанное только на местной атомной инфраструктуре, представляет собой трудоемкий и технически сложный процесс. Чем более открытым и демократическим является общество, тем легче для политической оппозиции мобилизоваться и выступить против приобретения ядерного оружия. Еще один важный вывод заключается в том, что технически сложное производство ядерного оружия так или иначе заставит страну, имеющую ядерные амбиции, сотрудничать с другими странами. Такое сотрудничество приводит к зависимости от более технологически развитых стран или наднациональных организаций, которая может быть использована для оказания давления на страну с целью пересмотра ее планов в ядерной сфере. Кроме того, если эта зависимость развивается в рамках сотрудничества, основанного на нормах нераспространения, возможность переубеждения увеличивается.

Таким образом, государства с потенциальными ядерными амбициями не должны быть изолированы и оставаться вне международной системы сотрудничества, наоборот, они должны быть вовлечены в сотрудничество в ядерной сфере, которое зиждется на нормах нераспространения ядерного оружия. Конечно, можно утверждать, что изучение того, что происходило в Швеции в 1950-х и 1960-х гг., трудно применить к анализу современной ситуации, так как сегодня легче получить доступ к технологиям и научным данным в рамках глобализирующегося мира. С этой точки зрения технологическая зависимость от более развитых стран не может быть использована в качестве инструмента для сдерживания производства ядерного оружия. Например, террористическая группа, которая получила доступ к небольшим количествам оружейного ядерного материала, вероятно, может создать примитивное ядерное взрывное устройство. Однако запуск серийного производства ядерного оружия — другая история. В настоящее время крупномасштабное производство ядерного оружия остается технически сложным и трудоемким

процессом. Таким образом, исторический пример Швеции может иметь значение для политических и дипломатических усилий в настоящее время, направленных на отказ от планов реализации ядерной программы тем или иным государством.

Перевод с английского Е. Б. Михайленко, Е. В. Григорьева

1. 2 May 1962, RG 59, Records Relating to Department of State participation in the Operations Coordinating Board and the NSC, 1947–1963 // Lot File 63 D 351, Box 99, U.S. National Archives.

2. *Agrell W.* Alliansfrihet eller atombomber-Kontinuitet eller förändring i svensk försvarsdoktrin 1945–1982 // Stockholm : Liber förlag, 1985.

3. *Agrell W.* Svenska förintelsevapen: utvecklingen av kemiska och nukleära stridsmedel 1928–1970 // Lund : Historiska media, 2002.

4. *Ahlmark P.* Den svenska atomvapendebatten // Stockholm : Aldus/Bonnier 1965.

5. Alltjämt starkt försvar. ÖB-förslaget 1954 (ÖB 54). (Strong Defence Preserved. The Supreme Commander's proposal 1954 (ÖB 54)), Kontakt med krigsmakten 1954:9-10, 1954.

6. *Andersson S.* Den första grinden: svensk nedrustningspolitik 1961–1963 (Stockholm : Santérus 2004).

7. Atomenergien: Betänkande med förslag // SOU 1956:11. Stockholm, 1956.

8. *Berns L.* "A 36 – SAAB:s atombombare avslöjad" (The A36 – SAAB's nuclear bomber unveiled) // Flygrevyn no. 4, 1991.

9. Bill 1958:110; SU B 53; rskr. B 83 // Government Bill 1958:110.

10. Bränsleförsörjningen i atomäldern: Betänkande // SOU 1956:46. Stockholm, 1956.

11. *Cole P.* Atomic Bombast: Nuclear Weapons Decisionmaking in Sweden 1945–1972 // Occasional paper no. 26, Washington, D.C: Henry L- Stimson Center, 1996.

12. *Erlander T.* 1955–1960 // Stockholm : Tiden, 1976.

13. *Fischer D.* History of the International Atomic Energy Agency: The First Forty Years. IAEA // Vienna : IAEA, 1997.

14. Forskningsprogram för framtagande av underlag för konstruktion av atomladdningar (Research programme for the production of basic information for the design of atomic explosive devices) // 4 July 1958, Swedish National Defence Research Institute, H 4041-2092, the FOA archive.

15. *Forsberg O.* Svensk kärnvapenforskning 1945–1972. Stockholm, 1987.

16. Fred och säkerhet. Svensk säkerhetspolitik 1969–1989: Slutbetänkande // Del 1. SOU. 2002: 108).

17. From Gullion to Cumming // RSASSEAM, box 82, U.S. National Archives.

18. *Garris J. H.* Sweden and the Spread of Nuclear Weapons // Unpublished PhD thesis, University of California, 1972.

19. *Garris J. H.* Sweden's Debate on the Proliferation of Nuclear Weapons, Cooperation and Conflict 8 // 1973.

20. Had There Been a War... Preparations for the reception of Military Assistance 1949–1969. Report on the Commission in Neutrality. Stockholm : Fritzes 1994.

21. *Hoadley Nilsson A. G.* Atomvapnet som partiproblem. Stockholm : Almqvist & Wiksell International, 1989.

22. *Jonter T.* The United States and the Swedish Plans to Build the Bomb 1945–1968 // Unpublished manuscript presented at the Security Assurances Workshop, Cheyenne Mountain Resort, 13–14 Aug., 2009, hosted by Center for Contemporary Conflict, Naval Postgraduate School, Monterey.

23. *Jonter T.* Det amerikanska spåret. En undersökning om IB:s bildande och eventuella kopplingar till USA // SOU. 2002:95.
24. *Jonter T.* Nuclear Weapons Research in Sweden. Co-operation Between Civilian and Military Research, 1947–1972 // SKI Report 02:18, May 2002.
25. *Jonter T.* Sverige, USA och kärnenergin. Framväxten av en svensk karnamneskontroll 1945–1995 (Sweden, the United States and nuclear energy. The emergence of Swedish nuclear materials control 1945–1995) // SKI Report 99:21, May 1999.
26. *Jonter T.* Sweden and the Bomb. The Swedish Plans to Acquire Nuclear Weapons, 1945–1972 // SKI Report 01:33, September 2001.
27. Kärnladdningsgruppens betänkande (Report of the nuclear device group) // HH 006, the FOA archive.
28. *Lindström S.* Hela nationens tacksamhet: svensk forskningspolitik på atomenergiområdet 1945–1956 // Stockholm : Stockholm University, 1991.
29. *Meyer S.* The Dynamics of Nuclear Proliferation // Chicago : University of Chicago Press, 1984.
30. Neutralitet Försvar Atomvapen // Stockholm : Tiden, 1960.
31. *Nilsson M.* Tools of Hegemony: Military Technology and Swedish-American Relations 1945–1962 // Stockholm : Santérus Academic Press, 2007.
32. Om kriget kommit: förberedelser för mottagande av militärt bistånd 1949–1969 // Statens offentliga utredningar, SOU, 1994.
33. Preliminär utredning av betingelserna för framställning av atombomber i Sverige (Preliminary investigation of the conditions for the production of atomic bombs in Sweden), 1953-03-05 // H 4011-2092, the FOA archive.
34. Rapport över Etapp 2:1 av utredningsuppdrag beträffande reaktorer för produktion av vapenkvalitet, 1 July 1958. The report is still under secrecy classification. About the report in general, see Olof Forssberg study (basis), Forsvarsdepartementet (The Swedish Ministry of Defense, 1986). The Olof Forssberg study was declassified in 1995.
35. *Reiss M.* Without the Bomb: The Politics of Nuclear Nonproliferation. N. Y. : Columbia University Press, 1988.
36. *Rublee M. R.* Nonproliferation Norms: Why States Choose Nuclear Restraint // Athens : University of Georgia Press, 2009.
37. *Skogmar G.* De nya malmfälten. Det svenska uranet och inledningen till efterkrigstidens neutralitetspoliti. Göteborg : Statsvetenskapliga institutionen, 1997.
38. *Solingen E.* Nuclear Logics Contrasting Paths in East Asia and the Middle East // University Press of California : Princeton, 2007.
39. Swedish National Defence Research Institute, Outgoing documents 1948 // B IV, Volume 4, H 35:2 the FOA archive.
40. *Sydow B.* Kan vi lita på politikerna? Offentlig och intern politik i socialdemokratis ledning 1955–1960 // Stockholm : Tiden, 1978.
41. U.S. Policy Towards Scandinavia (Denmark, Norway and Sweden), April 6, 1960 // National Archives, Washington, D.C, RG 273, NSC 6006/1, box 51.
42. Utredning av betingelserna för framställning av atomvapen i Sverige (Inquiry into the conditions for the production of atomic weapons in Sweden), by Torsten Magnusson, 25 November 1955 // 87-H 163:1-21A, the FOA archive.

Рукопись поступила в редакцию 12 сентября 2013 г.

УДК 623 + 94(73):327 + 94(540):327 + 621.039

В. А. Гаврилова

ЯДЕРНЫЙ ФАКТОР В АМЕРИКАНО-ИНДИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В ПЕРИОД АДМИНИСТРАЦИИ НИКСОНА

Автором вводятся в оборот новые рассекреченные документы, которые позволяют определить влияние ядерной программы Индии, а также мирных ядерных испытаний 1974 г. на отношения США и Индии.

Ключевые слова: ядерное оружие, внешняя политика США, Индия.

Приход к власти в результате президентских выборов представителя республиканской партии Ричарда Никсона был ознаменован выстраиванием во внешней политике новых отношений как с союзниками, так и с противниками. Прежде всего это выразилось в изменении позиций в отношении КНР и СССР, а также в укреплении партнерских отношений с европейскими союзниками и Японией. Первые же годы работы новой администрации были отмечены поиском партнеров в Южной Азии, которая, по мнению государственного секретаря Роджерса, на тот момент времени воспринималась только сквозь призму интересов в регионе Ближнего Востока, Иране и Турции и потенциально в Юго-Восточной Азии [5].

Данная неопределенность во внешней политике была характерна и для предыдущих администраций. В 1962 г. без предварительных консультаций с Пакистаном США поставили военное оборудование в Индию, но в результате индо-пакистанского конфликта 1965 г. такие поставки были прекращены как в Индию, так и в Пакистан. По мнению представителей Совета по национальной безопасности США, решение о запрете поставок вооружения в эти страны впоследствии привело к тому, что и Индия, и Пакистан обратились за военной помощью к СССР [1]. Так, военная помощь Индии со стороны СССР в период с 1961 по 1970 г. достигала 700 млн долларов, Пакистану с 1968 по 1970 г. — 50 млн долларов [7]. Чтобы недопустить подобное развитие событий предполагалось пересмотреть политику США в Южной Азии.

Таким образом, республиканская администрация Никсона оказалась перед выбором — придерживаться курса администрации Джонсона в области экспорта вооружений или попытаться определиться с союзником в регионе Южной Азии, чтобы не допустить дальнейшего распространения коммунистического влияния.

На начало 1972 г. у США не было единой позиции по отношению к Индии. Согласно телеграмме посла США в Индии Китинга рассматривалось три возможных сценария. Согласно первому Индия представлялась страной с развитой демократией, доминирующей в Южной Азии, целью США в данном случае было снижение советского влияния в регионе. Второй сценарий предполагал, что Индия является неким политическим конгломератом с массивными экономическими и социальными проблемами, которые угрожают раз-

витию демократии. Третий же сценарий подразумевал, что Индия является страной со смешанными оптимистическими и пессимистическими перспективами, обладающей пороговой ядерной способностью и США стоит активизировать свои отношения с ней [11].

Государственный секретарь США Вильям Роджерс предлагал несколько вариантов, на основе которых могла выстраиваться политика США в Южной Азии и в отношении Индии в частности [5]. Согласно первому варианту следовало поддерживать Западный Пакистан, чтобы ограничить советское и индийское влияние на Южную Азию. Вторым вариантом предполагалось сфокусировать внимание не только на Западном Пакистане, но и на Бангладеш, что, по мнению Роджерса, вело к большей гибкости в отношениях со странами Южной Азии, что, в свою очередь, обеспечило бы более широкую основу для противодействия советско-индийскому влиянию, чем в первом варианте. Третий вариант — политика избирательного сотрудничества с Индией, Пакистаном и Бангладеш. И хотя подразумевалось, что именно данный сценарий может стать решающим в создании противовеса советскому и китайскому влиянию, среди недостатков его называлось то, что данный сценарий будет воспринят в Пакистане как снижение поддержки со стороны США. Четвертым сценарием предполагалась возможность признания Индии в качестве лидера в регионе Южной Азии, что также могло быть негативно воспринято в Исламабаде; более того, именно данный вариант мог привести к тому, что Пакистан обратится за поддержкой к Китаю.

Таким образом, появление данных сценариев демонстрировало желание США определиться в том, кого поддерживать в регионе Южной Азии, чтобы снизить китайское и советское влияние. Интересно, что в каждом сценарии фигурировал Пакистан, который США не хотели терять, понимая при этом необходимость постепенного сближения с Индией.

Желание новой администрации развивать отношения с Индией противоречило выстраиванию новых отношений с Китаем. Так, согласно разговору, состоявшемуся между Никсоном и Киссинджером в январе 1972 г., от политики улучшения отношений с Индией в ближайшее время следовало отказаться по причине непредсказуемости китайцев [13]. Таким образом, в январе 1972 г. попытки сближения с Индией, на которых настаивал посол США в Индии Китинг, было решено отложить на некоторое время.

Попытка США создать «реалистичные отношения» с Индией была связана и с опасениями развития в стране ядерной программы. Впервые об этом заговорили в 1964 г., когда был опубликован доклад ЦРУ, в котором подчеркивалось, что к 1970-м гг. среди стран, которые могут пойти по пути развития военной ядерной программы, могут оказаться Индия и, вероятно, Израиль и Швеция [6]. Предполагалось, что уже в 1964 г. у Индии были возможности для развития ядерной программы, включая завод по разделению плутония, и к началу 1970-х гг. страна сможет произвести несколько бомб мощностью 20 килотонн.

Решение о создании собственной ядерной программы в Индии относится к 1943 г. В августе Хоми Бхаба опубликовал письмо, в котором говорилось,

что «недостаток надлежащих условий и разумной финансовой поддержки препятствует развитию науки в Индии, в том числе и развитию фундаментальных исследований, которые зачастую не дают немедленную экономическую отдачу» [10]. Предполагалось, что ядерная энергия будет использована в качестве одного из возможных источников энергии. Результатом усилий Хоми Бхабы стало создание в 1945 г. Института фундаментальных исследований им. Тата. В 1948 г. правительство Индии принимает решение об образовании Комиссии по атомной энергии.

С момента создания ядерной программы Индии США пытались определить перспективы разработки ядерного оружия данной страной, задействовав практически все разведывательные службы — от ЦРУ, АНБ, РУМО до Государственного департамента. В 1964 г. ЦРУ предоставило доклад «Индийская ядерная программа», в котором утверждалось, что при наличии трех работающих реакторов один реактор может производить плутоний, пригодный для создания ядерного оружия [2]. Несмотря на все опасения со стороны разведывательного сообщества относительно возможности создания Индией ядерной программы, на практике администрация США пыталась выстроить отношения с Индией даже при наличии ряда противоречий. Объяснялось это в том числе и неоднозначной политикой Никсона в области нераспространения ядерного оружия. Например, согласно исследованию Брукингского института за пятилетний срок пребывания Никсона у власти было принято всего пять меморандумов по вопросам национальной безопасности, которые касались политики в области нераспространения ядерного оружия [8]. Более того, хотя США были одним из государств, подписавших Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), президент Ричард Никсон советовал не переоценивать значимость договора, а перед тем как отправить документ на ратификацию в Сенат, рекомендовал своему кабинету не давить на другие страны, в особенности на ФРГ, чтобы они ратифицировали договор [9, 138].

В 1972 г., за два года до ядерных испытаний, Управление разведки и исследований Государственного департамента США пришло к выводу, что Индия может вести подготовку к подземному испытанию и этот факт может остаться неизвестным разведке США. Приводились данные, что количество плутония, которое находится в Индии, достаточно для производства 20–30 ядерных бомб, а мирная ядерная программа Индии может стать основой для создания ядерного оружия. Среди причин создания ядерного оружия отмечалось давление на правительство Ганди со стороны националистов, которые доказывали необходимость его разработки. Более того, если бы Индия произвела ядерные испытания, они были бы заявлены как мирные. Но, как отмечалось в докладе, на практике невозможно различить мирное ядерное испытание и военное. К тому же углубляющийся кризис в индо-пакистанских отношениях мог стать весомой причиной для создания ядерного потенциала Индии.

Ядерное испытание Индии, с точки зрения экспертов Министерства обороны США, приведет не только к вовлечению Пакистана в соперничество с Индией, но и к активизации усилий Китая по сохранению твердой позиции на субконтиненте [4]. И хотя Индия подписала соглашение и с Канадой, и с США

об использовании канадского реактора в мирных целях, данное соглашение не подразумевало проведение инспекций или верификационных процедур по выявлению дальнейшего использования ею плутония. Таким образом, по оценкам США, предполагалось, что Индия в ближайшее время будет готова к проведению ядерного испытания.

Следует обратить особое внимание на тот факт, что Индия уже имела самолеты, которые могли быть адаптированы для доставки ядерного оружия, — английские самолеты «Канберра» и «Мистери 4» и советские «Су-7» и «МиГ-21», но они не обладали достаточной дальностью полета, чтобы составить стратегическую угрозу Китаю.

18 мая 1974 г. Индия на полигоне Похран произвела ядерные испытания, которые стали неожиданностью для американского разведывательного сообщества. Спустя несколько часов после данного события состоялся телефонный разговор министра иностранных дел Индии Кевала Сингха с представителем посольства США Шнайдером, в котором подчеркивался мирный характер подземных ядерных испытаний [12]. В определенной степени это была попытка убедить США в неиспользовании ядерной энергетики в военных целях, а также в очередной раз показать, что Индия не подписала ДНЯО по причине его дискриминационного характера по отношению к неядерным государствам.

Реакция в США на индийские ядерные испытания была неоднозначной. Республиканская партия в Конгрессе пыталась провести законопроект, по которому запрещалась вся иностранная помощь Индии до тех пор, пока она не подпишет ДНЯО [14]. В свою очередь, Киссинджер пытался доказать, что «публичное порицание не даст ощутимых результатов, но только приведет к американо-индийским двусторонним проблемам, а также, возможно, снизит влияние Вашингтона на будущую ядерную политику Индии» [3, 184].

Международная реакция на ядерные испытания Индии тоже была неоднозначной. Меньше чем через месяц после испытаний западные страны увеличили экономическую помощь Индии до 200 млн долларов. Но самое парадоксальное, по мнению американского исследователя Перковича, что в июне 1974 г., в рамках предварительной договоренности с Индией, США продолжили отправлять урановое топливо на индийский реактор Тарапур [Там же, 183]. С точки зрения американской администрации индийские ядерные испытания не нарушали никакого соглашения, и Вашингтон, таким образом, руководствовался соглашением в области ядерного сотрудничества от 1963 г. и контрактом от 1966 г. на поставку обогащенного урана на индийский ядерный реактор.

Ядерные испытания продемонстрировали, с одной стороны, желание Индии усилить свое влияние в регионе, с другой стороны, не потерять партнера в лице США. Впоследствии это вылилось в заявление о прекращении дальнейших ядерных испытаний и обсуждении контроля над атомной энергетикой в обмен на поставку американского обогащенного урана. Соединенные Штаты же пытались определиться с той ролью, которая отводилась Индии в американской внешней политике в регионе Южной Азии с учетом наличия у Индии ядерной программы и ее отказа подписать ДНЯО. Ядерные испытания

Индии способствовали в том числе и пересмотру национальной политики США в области нераспространения ядерного оружия. Не последнюю роль в этом сыграло американское антиядерное лобби, которое было значительно представлено среди демократических кругов.

Таким образом, приход республиканской администрации к власти ознаменовался поиском партнеров в регионе Южной Азии, что выражалось в поддержке отношений и с Индией, и Пакистаном. Тем не менее однозначного мнения среди политического истеблишмента США о необходимости укрепления отношений именно с Индией не наблюдалось. Данные разведывательного сообщества США о возможной разработке ядерного оружия Индией и ядерные испытания 1974 г. в очередной раз поставили на повестку дня вопрос о роли, которая отводилась Индии во внешней политике США.

1. Analytical summary prepared for the National Security Council Review group, Washington, Nov. 22, 1969 // US Department of State. Office of the Historian [Electronic resource]. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve07/d42> (дата обращения: 10.07.2013).

2. Indian nuclear energy program. Scientific intelligence report. November 6, 1964 // The National security archive [Electronic resource]. URL: <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB187/IN06.pdf> (дата обращения: 20.06.2013).

3. India's nuclear bomb. The impact on global proliferation, Updated edition with a new afterword. George Perkovich. 2002.

4. Memorandum from the Assistant secretary of Defense for International security affairs (Nutter) to Secretary of Defense Laird, Washington, Febr. 4, 1972 // US Department of state. Office of the Historian [Electronic resource]. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve07/d222> (дата обращения: 15.07.2013).

5. Memorandum from Secretary of State Rogers to President Nixon, Washington, January 17, 1972 // Ibid. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve07/d206> (дата обращения: 14.07.2013).

6. National Intelligence estimate, Number 4-2-64. Prospects for a nonproliferation weapons over the Next decade. 21 October 1964 // The National security archive [Electronic resource]. URL: <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB155/prolif-9.pdf> (дата обращения: 18.07.2013).

7. National intelligence estimate 31/32-70, Washington, October 20, 1970 // US Department of State. Office of the Historian [Electronic resource]. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve07/d85> (дата обращения: 01.07.2013).

8. Nixon administration. National Security decision memorandum // Brookings institute [Electronic resource]. URL: http://www.brookings.edu/~media/Projects/nsc/Nixon_NSDMs.PDF (дата обращения: 01.07.2013).

9. Nixon in the World: American foreign relations, 1969–1977. Frederic Logevall. Oxford university press, 2008.

10. Tata Institute of fundamental research. Report, 1945–1970 // Idsa's nuclear history project [Electronic resource]. URL: <http://idsa.in/npihp/documents/IDSA-TIFR-1966-67.pdf> (дата обращения: 12.07.2013).

11. Telegram 300 from the Embassy in India to the department of State, Jan. 9, 1972 // US Department of state. Office of the Historian [Electronic resource]. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve07/d201> (дата обращения: 24.06.2013).

12. Telegram 6591 from the Embassy in India to the Department of State and the Embassy in the United Kingdom, May 18, 1974 // Ibid. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve08/ch5> (дата обращения: 26.06.2013).

13. Transcript of telephone conversation between President Nixon and his Assistant for National security affairs (Kissinger), Washington, Jan. 16, 1972 // US Department of state. Office of the Historian [Electronic resource]. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve07/d204> (дата обращения: 27.06.2013).

14. S. 3627 (93rd): A bill to prohibit foreign assistance to India until India comes a signatory to the Treaty on the Nonproliferation of Nuclear weapons. June 12, 1974, Sen. Marlow Cook // Govtrack US. [Electronic resource]. URL: <http://www.govtrack.us/congress/bills/93/s3627#overview> (дата обращения: 29.06.2013).

Рукопись поступила в редакцию 12 сентября 2013 г.

УДК 621.039:94(519.3) + 327.37 + 355.019.1(5-015)

Н. П. Дронишинец

РАКЕТНО-ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА СЕВЕРНОЙ КОРЕИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Дается анализ новой политической ситуации, сложившейся в Северной Корее после смерти Ким Чен Ира, прихода к власти его сына Ким Чен Ына и ядерных испытаний 2013 г. Рассматриваются проблемы развития ракетно-ядерной программы Северной Кореи и ее влияние на безопасность стран АТР. Исследуются поворотный этап в ядерной истории Северной Кореи, изменение точки зрения ведущих политиков, общественного мнения на ядерные испытания Северной Кореи в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: ракетно-ядерная программа, Северная Корея, безопасность стран АТР, общественное мнение, ядерные испытания, нераспространение.

Создание ядерной программы КНДР можно условно разделить на два основных этапа. Первый — с середины 50-х до конца 70-х гг. XX в. На этом этапе проводились первые исследования в атомной сфере, создавалась соответствующая инфраструктура, начиналась подготовка научных и технических кадров. Второй этап — с конца 70-х гг. и по настоящее время. Данный период характеризуется развитием научно-производственной базы для создания атомно-энергетического комплекса в стране. Реализация ракетно-ядерной программы КНДР в 2006, 2009, 2012, 2013 гг. чрезвычайно обострила политическую ситуацию на Корейском полуострове. Президент РФ В. В. Путин после ядерного испытания 12 февраля 2013 г. в Северной Корее отметил, что позиция России по северокорейской ядерной проблеме хорошо известна. Мы против распространения оружия массового уничтожения. Мы за денуклеаризацию всего Корейского полуострова. Президент сказал: «Не скрою, нас эскалация на Корейском полуострове беспокоит, потому что мы соседи. Если, не дай бог, что произойдет, то Чернобыль, о котором мы все хорошо знаем, может показаться просто детской сказкой. Угроза есть такая или нет? Я считаю, что есть» [1].

Президент США Б. Обама два дня спустя после этого ядерного испытания Северной Кореей заявил премьер-министру С. Абэ в телефонном разговоре, что не будет никаких изменений вообще в стремлении Америки защищать Японию, в том числе через свой «ядерный зонтик». Комментарий Б. Обамы означает не только стремление подтвердить приверженность США японо-американскому договору безопасности, но и воспрепятствовать Японии в ее попытках стать на путь превращения страны в ядерную державу [2].

Последнее ядерное испытание и запуск ракеты Северной Кореей поставили эту проблему в странах АТР на другой уровень. В условиях, когда возможность Северной Кореи, де-факто являющейся ядерной державой, осуществить ядерный удар по территории США возрастает, японские и южно-корейские дипломаты начинают беспокоиться: будут ли США, которые подвергаются прямому воздействию со стороны КНДР, способны обеспечить «ядерным зонтиком» Японию и Южную Корею в случае ядерной атаки со стороны Северной Кореи?

Дискуссии в Южной Корее и Японии о необходимости иметь собственное ядерное оружие были под запретом, и сейчас нет очевидных официальных правительственных заявлений о создании ядерного оружия, хотя напряженные отношения в регионе усилились после ядерных испытаний КНДР в феврале 2013 г.

В марте 2013 г. южнокорейский представитель Министерства обороны Ким Мин-сик ответил на угрозу Северной Корее напасть на Южную с применением ядерного оружия следующими словами: «Если Северная Корея нападет на Южную с использованием ядерного оружия... режим Ким Чен Ына прекратит свое существование на земле» [3]. Некоторые политические комментаторы в южнокорейских СМИ призывают к созданию ядерного оружия, утверждая, что у страны есть технология и экономика, чтобы произвести его за короткий период. «Мы, корейские граждане, обманывались Северной Кореей в течение последних 20–30 лет, и теперь настало время для жителей Южной Кореи осознать действительность и сделать то, что мы должны сделать, — сказал Чанг Монг-джон, законодатель от правящей партии Сэнури и в прошлом консервативный кандидат в президенты. — Ядерное сдерживание может быть единственным ответом. У нас должны быть ядерные силы» [Там же].

Общественное мнение поддерживает такую позицию. Согласно опросу, проведенному в феврале 2013 г. Центром изучения общественного мнения при Институте политических исследований Асан в Сеуле, 66 % жителей Южной Кореи поддержали развитие программы создания ядерного оружия (в октябре 2011 г. было 62,6 %). Около половины жителей Южной Кореи в 2012 г. полагали, что США предоставят Южной Корее свой «ядерный зонтик» в случае северокорейского ядерного нападения. В 2013 г. число респондентов, считающих подобным образом, уменьшилось на 7 % по сравнению с 2011 г.

До недавнего времени Южная Корея слабо реагировала на провокации и угрозы Северной Кореи. Ее отношение к ним изменилось после нападения на южнокорейский линейный корабль в 2010 г., когда было убито более 40 южнокорейских моряков. В том же году Северная Корея обстреляла остров Енпхендо. Южная Корея ответила огнем и усилила пропагандистскую риторику.

Более того, в парламенте Южной Кореи началось открытое обсуждение вопроса об обладании ядерным оружием.

Однако не все граждане Южной Кореи разделяют точку зрения о создании собственного ядерного оружия. Если бы Южная Корея овладела ядерным оружием, то принцип нераспространения его в этом регионе скоро бы сошел на нет, отмечает Хан Янг-суп, профессор Корейского национального университета обороны. Япония и Тайвань могли бы последовать за Южной Кореей, что привело бы к цепной реакции ядерного распространения [3].

Несколько неожиданной и противоречивой для зарубежных исследователей является реакция общественного мнения Южной Кореи на очередную агрессию северного соседа. С одной стороны, большинство южнокорейцев остаются спокойными, поскольку уже неоднократно сталкивались с подобными угрозами. С другой стороны, каждая новая серьезная провокация КНДР вызывает изменение общественного мнения Южной Кореи в течение относительно короткого отрезка времени (два-три дня).

Тщательный ежедневный анализ общественного мнения ярко иллюстрирует эту противоречивую закономерность. Так, в январе 2013 г. (за месяц до ядерного испытания в Северной Корее) Центр изучения общественного мнения при Институте политических исследований Асан в Сеуле исследовал позитивное восприятие настоящего и будущего национальной безопасности среди южнокорейской общественности [4]. Около 28 % респондентов положительно оценивали текущую ситуацию в области национальной безопасности. В то же время примерно 60 % опрошенных дали положительную оценку будущего национальной безопасности. Однако сразу же после ядерного испытания Северной Кореей позитивное восприятие текущей национальной безопасности южнокорейцев упало до 18 %, что было самым низким показателем с того момента, как Асан начал проводить замеры общественного мнения по данной проблеме. Что касается позитивного восприятия будущего национальной безопасности, то оно также снизилось до 52 % и достигло самой низкой отметки с начала отслеживания Асан общественного мнения по этому вопросу. Однако это снижение было недолгим. После уменьшения до 52 % позитивное восприятие будущего национальной безопасности быстро восстановилось, достигнув 57 % уже через три дня. То же произошло и в отношении влияния на позитивное восприятие текущей национальной безопасности. Всего через два дня после того, как позитивное восприятие текущей национальной безопасности упало до самой низкой отметки с начала отслеживания, оно составило 21 % и в последующие дни продолжало расти.

Таким образом, колебание общественного мнения южнокорейцев иллюстрирует ограниченный эффект провокаций Северной Кореи в отношении своего соседа. Южнокорейская общественность, конечно, ощущает свое сложное положение, но знает, что Северная Корея не имеет значительных возможностей в проведении провокационной политики. В какой-то момент, справедливо отмечает исследователь из Центра изучения общественного мнения при Институте политических исследований Асан К. Фриедхоф, начнутся переговоры, напряженность будет снижена и межкорейские отношения снова войдут

в состоянии относительного спокойствия. Жизнь будет продолжаться, как это было всегда [4].

Японские политики и чиновники традиционно избегали любого высказывания о том, что Япония должна иметь собственное ядерное оружие. Однако испытания ядерного оружия в Северной Корее изменили состояние общественного мнения и высказывания политиков Японии. В выступлениях политических и общественных деятелей Японии прямо или косвенно стали звучать призывы к детальному рассмотрению вопроса о возможности обладания ядерным потенциалом в целях самообороны. Например, в сентябре 2006 г. бывший премьер-министр Японии Я. Накасонэ заявил о необходимости проведения дискуссии о возможности разработки Японией собственного ядерного оружия. Он мотивировал это тем, что по соседству расположены страны, им обладающие, а также теоретической вероятностью ослабления японско-американского военного союза [5].

В дополнение к политикам, которых называют ультраястребами (например, бывший губернатор Токио С. Исихара и бывший министр финансов С. Накагава, которые открыто утверждали, что Япония должна иметь ядерное оружие), в поддержку такой точки зрения высказывались также, официально и неофициально, некоторые из бывших премьер-министров, в том числе Н. Киши (премьер-министр с 1957 по 1960 г.), Х. Икэда (1960–1964), Э. Сато (1964–1972), Я. Фукуда (2007–2008) и Т. Асо (2008–2009) [2].

Сейчас уже имеет место национальная дискуссия по ядерному статусу Японии, и нельзя рассматривать эту проблему как область интересов отдельных аналитиков, далеких от господствующей в общественном сознании тенденции. Тщательный анализ недавних высказываний ведущих политиков Японии, отмечает профессор М. Куросава, показывает, что нельзя игнорировать возможность изменения традиционной позиции Японии по ядерному вопросу [6].

Рассуждения о создании ядерного оружия в Японии могут привести и к обратному результату. Северная Корея сможет использовать дискуссию в японских правящих кругах и в обществе как предлог для дальнейшей разработки своей ядерной программы, что еще более усилит конфронтацию в этом регионе.

Япония занимает уникальное место в системе нераспространения. С одной стороны, страна имеет передовые технологии, которые могли бы использоваться для производства ядерного оружия, но, с другой стороны, в Японии строгое мирное законодательство, запрещающее стране иметь ядерное оружие; кроме того, она является жертвой ядерного нападения. Эта уникальность делает Японию в еще большей степени поборником ядерного нераспространения и разоружения. Таким образом, общественное мнение по проблемам безопасности Японии постепенно меняется, но пацифистские настроения остаются доминирующими. Опросы [7], проведенные Американским научным центром, изучающим общественное мнение в апреле 2013 г., показали, что 56 % респондентов считают, что правительство США должно очень серьезно воспринять угрозы Северной Кореи по использованию ядерных ракет против США (см.

таблицу); 47 % опрошенных полагают, что КНДР способна запускать ядерные ракеты, которые могут достичь территории США, а 43 % уверены, что это невозможно.

Оценка угроз со стороны Северной Кореи

Степень оценки угроз	Количество опрошенных, %
Очень серьезно	56
До некоторой степени серьезно	27
Не слишком серьезно	9
Несерьезно	5

Источник: [7].

Социологическая служба Гэллуп спросила респондентов: возможно ли, что Северная Корея предпримет военные действия против Южной Кореи в течение ближайших шести месяцев? Сорок три процента сказали «да», а 44 % утверждают, что это вряд ли произойдет.

Угроза на Корейском полуострове становится все более серьезной и реальной, и ситуация в общественном мнении США меняется в сторону одобрения военного вмешательства США в корейскую проблему. В опросе Чикагского совета по глобальным вопросам, проведенном в мае — июне 2012 г., 41 % респондентов поддержали использование американских войск в случае вторжения Северной Кореи в Южную. Опросы общественного мнения в 2013 г. показывают, что американцы в большей степени готовы прийти на помощь Южной Корее. Опрос службы Гэллуп показал, что 55 % согласны с тем, что США должны помочь защитить Южную Корею своими вооруженными силами, если Северная Корея атакует Южную Корею; 34 % — не согласны. В опросе CNN 2013 г. уже 61 % заявили, что США должны использовать войска, чтобы помочь защитить Южную Корею, а 36 % полагают иначе. В опросе CNN только 46 % респондентов считают, что ситуация в Северной Корее не может быть успешно разрешена с помощью экономических и дипломатических усилий, в то время как 51 % думают иначе. Еще в октябре 2006 г. 60 % считали, что проблемы Северной Кореи можно решить экономическим и дипломатическим путем.

Почти семь из десяти американцев утверждают, что они внимательно следят за новостями о последних угрозах со стороны лидера Северной Кореи, а 37 % — следят за новостями очень внимательно. Американцы давно признали Корейский полуостров опасным местом, угрожающим безопасности США.

Россия не воспринимает Северную Корею в качестве прямой угрозы. Этот вывод отчасти подтверждается экспресс-опросом, который провел среди жителей Владивостока Клуб политических и правовых исследований Дальневосточного федерального университета. Поводом для опроса стало проведенное КНДР 12 февраля 2013 г. ядерное испытание. На вопрос об отношении к КНДР 69 % из 500 респондентов заявили, что «страна чучхе» им безразлична. Хорошо

относятся к ней 17 % опрошенных, плохо — 5 %. О наличии у Северной Кореи ядерного оружия твердо знают 29 % опрошенных, 41 % что-то слышали об этом, в то время как 27 % узнали о северокорейской ядерной бомбе из самого опроса. На вопрос о том, угрожает ли ядерное оружие КНДР другим странам, утвердительный ответ дали 53 % опрошенных владивостокцев, а 30 % полагают, что никакой угрозы оно не несет. Что касается опасности для России, 38 % считают, что северокорейский ядерный потенциал угрожает нашей стране, 16 % полагают, что угрозы нет, в то время как почти половина (45 %) затруднились ответить.

Нет среди опрошенных и единства относительно того, надо ли вводить санкции против Северной Кореи: 47 % — за санкции, 28 % — против, 25 % — затруднились с ответом. Опрос показал, что, несмотря на географическую близость Приморья к КНДР, владивостокцев не так уж сильно заботят ядерные угрозы соседнего государства. По большому счету КНДР мало волнует обывателей, и большой угрозы для России они в ней (пока?) не видят [8].

Китай остается самым близким союзником и экономическим партнером Северной Кореи. Пекин уже давно позиционирует себя в качестве арбитра между Пхеньяном и Вашингтоном в решении проблемы северокорейского ядерного распространения. Приоритетами Китая были мир и стабильность, денуклеаризация и нераспространение. Именно в таком порядке. Таким образом, Китай пытался сохранить статус-кво на Корейском полуострове.

Но обстановка меняется, и Северная Корея в настоящее время стала проблемой Китая. Ситуация начала трансформироваться, когда в Северной Корее Ким Чен Ын пришел к власти. Китай приложил весь свой авторитет и терпение, чтобы помочь Ким Чен Ыну консолидировать власть в надежде на то, что он вступит на путь экономических реформ, схожих с китайскими. Но надежды Пекина не оправдались. В действительности за последние месяцы самый молодой в мире руководитель государства предпринял в Северной Корее ряд дестабилизирующих и провокационных действий, которые привели регион на грань войны. В отношении своего лучшего друга тоже не обошлось без провокаций: северные корейцы похитили 16 китайских рыбаков.

Китай поддержал более жесткие санкции ООН против КНДР, связанные с развитием ядерной программы страны. Хотя некоторые аналитики и утверждают, что Пекин не имеет значительного влияния на формирование поведения Пхеньяна, но без сильной поддержки со стороны Китая в Организации Объединенных Наций и без экономической и гуманитарной помощи со стороны КНР дальнейшее существование Северной Кореи будет неопределенным. Несмотря на это, Северная Корея идет против воли Пекина и угрожает самой стабильности Китая. Это ведет к тому, что и китайские граждане начинают задавать вопросы о том, не переигрывает ли Ким Чен Ын, не подрывает ли он в конечном счете жизненно важные интересы Китая.

«Китай, по всей видимости, начал проявлять беспокойство по поводу ситуации в Северной Корее, — утверждает профессор международных отношений Пекинского университета Я. Джаохаи. — Китайское правительство, кажется,

не управляет больше общественным мнением, касающимся Северной Кореи. КНДР становится непопулярна в Китае» [3]. С недавнего времени критика Северной Кореи стала жесткой на Сина Вейбо, известном китайском микроблоге. Ким Чен Ын даже заработал прозвище «Jin Sanprang», что означает «третий жирный Ким», и стал популярным объектом сатиры среди китайских пользователей сети [Там же].

Совершенно очевидно, что Китай заинтересован в том, чтобы Северная Корея решила свои проблемы. На протяжении трех последних десятилетий интересы безопасности Китая заключались в обеспечении благоприятных условий для стремительного развития страны. Китайское руководство говорит о расширении руководящей роли Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но эту цель будет трудно достичь, если Китай не сможет повлиять на безрассудное поведение своих соседей.

Международному имиджу КНР наносится урон всякий раз, когда Северная Корея не отвечает на уговоры Китая. И если северокорейская ракетно-ядерная программа будет и дальше развиваться, то агрессивная политика КНДР неизбежно приведет к повышению активности США в регионе, что противоречит интересам Пекина. Безответственные действия молодого лидера в Пхеньяне и переосмысление национальных интересов китайскими руководителями делают проблему Северной Кореи для Китая более острой и тревожной. Китай начинает предпринимать более жесткие шаги в отношении Северной Кореи, делая громкие публичные заявления, закрывая северокорейские счета в китайских банках и снижая приграничную торговлю. Китай явно подает сигнал северокорейскому режиму, что такое агрессивное поведение больше не является приемлемым.

Подобные действия Китая П. Хенле, директор Карнеги – Синхуа Центра глобальной политики в Пекине, оценивает положительно, но отмечает, что Китай не должен решать проблему Северной Кореи в одиночку. Соединенные Штаты и их союзники хотят стабильности на Корейском полуострове, не имеющем ядерного оружия. Если Китай, США, Япония и Южная Корея будут единодушны, то это явится важным первым шагом в изменении поведения Северной Кореи. Причем Китай должен первым подать сигнал о своей готовности принять помощь от других держав [9]. О том, что позиция Китая по Северной Корее становится ближе к точке зрения США, Японии и Южной Кореи, говорят и другие исследователи [10].

Официальный Пекин, подчеркивает российский ученый В. В. Михеев, выступая на конференции, посвященной кризису вокруг Северной Кореи и ее ракетно-ядерной программе, проведенной 28 марта 2013 г. в ИМЭМО РАН в рамках совместного проекта с фондом «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» (NTI), выразил «недовольство» (не «сожаление», «озабоченность» и т. п.), что в переводе с китайского дипломатического языка означает: терпение руководства КНР находится на грани. Китайские эксперты по Северной Корее, опять же впервые, заговорили о том, что Пекин должен в данной ситуации действовать жестко, даже если это приведет к ухудшению отношений с КНДР [11].

Таким образом, Северная Корея пренебрегает международным сообществом: отказалась от обязательств, взятых на себя на шестисторонних переговорах; продолжает вести себя провокационно и воинственно в отношении своих соседей по АТР. Следовательно, проблема северокорейского кризиса и нераспространения ядерного оружия в регионе и по сей день остается открытой и останется такой до тех пор, пока в стране не сменится тоталитарный политический режим.

1. Пресс-конференция по итогам рабочего визита в Германию [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/17846> (дата обращения: 28.06.2013).
2. Nuclear arms card for Japan // The Japan Times. 2013. 29 Apr.
3. *Kwon K. J.* Under threat // South Koreans mull nuclear weapons. March 19. 2013 [Electronic resource]. URL: <http://edition.cnn.com/2013/03/18/world/asia/south-korea-nuclear> (дата обращения: 29.06.2013).
4. *Friedhoff K.* How South Koreans View National Security [Electronic resource]. URL: <http://blogs.wsj.com/korearealtime/2013/04/11/how-south-koreans-view-national-security> (дата обращения: 28.08.2013).
5. *Гоголев Д.* Ядерная дилемма Японии // Парламентская газета. 18 апр. 2007 [Электронный ресурс]. URL: http://www.pressmon.com/cgi-bin/press_view.cgi?id=1406220 (дата обращения: 20.06.2013).
6. *Kurosawa Mitsuru.* Moving Beyond the Debate on a Nuclear Japan // The Nonproliferation Review. Fall-Winter, 2004.
7. Public opinion on the North Korean threat [Electronic resource]. URL: <http://www.aei-ideas.org/2013/04/public-opinion-on-the-north-korean-threat/> (дата обращения: 08.06.2013).
8. *Лукин А.* Жители Владивостока не боятся Северной Кореи [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/blogs/dvfu/?id_4=390 (дата обращения: 08.06.2013).
9. *Haenle P.* North Korea is China's problem now [Electronic resource]. URL: <http://globalpublicsquare.blogs.cnn.com/2013/06/06/north-korea-is-chinas-problem-now/> (дата обращения: 26.08.2013).
10. *Economy E.* Can Obama // Xi Break summit stalemate? [Electronic resource]. URL: <http://globalpublicsquare.blogs.cnn.com/2013/06/04/can-obama-xi-break-summit-stalemate/> (дата обращения: 06.06.2013).
11. *Мухеев В. В.* КНДР: проблемы внутренней и внешней политики // Корейский ядерный кризис: перспективы деэскалации / под ред. А. Г. Арбатова, В. З. Дворкина, С. К. Ознобищева. М., 2013. С. 10.

Рукопись поступила в редакцию 12 сентября 2013 г.

УДК 621.039 + 355.019.1 + 327

Н. А. Кутнаева

ЗОНЫ, СВОБОДНЫЕ ОТ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ, В СТРУКТУРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕЖИМА НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

В статье рассматриваются понятия «международный режим» и «режим нераспространения ядерного оружия» с точки зрения разных школ международных отношений. Выделяются основные инструменты режима нераспространения ядерного оружия. Предлагается авторское видение структуры режима нераспространения, базирующегося на четырех составляющих: международных договорах, институтах, инициативах, национальных законодательствах. Особое внимание в статье уделяется результатам анализа зависимости формирования безъядерной зоны от ее географического расположения. Утверждается, что регионы, географически близкие к США или СССР (России), но при этом далекие от Европы, или же регионы, далекие от европейского театра военных действий, имеют преимущество в организации безъядерных зон. Автор приходит к выводу о продолжающейся привязке военно-политических вопросов к Европе как к театру военных действий.

Ключевые слова: международный режим, режим нераспространения ядерного оружия, инструменты режима нераспространения, структуры режима нераспространения, безъядерные зоны, зоны, свободные от ядерного оружия, разоружение, ядерное оружие, европейский театр военных действий.

Глобальные трансформационные процессы, происходящие в настоящее время в международных отношениях, затрагивают три стержневых аспекта международной безопасности. Первый заключается в том, что ключевые инструменты безопасности — конвенциональное и стратегическое вооружение — перестают быть единственными индикаторами мощи государства¹. В современных международных отношениях все большее значение приобретают инструменты «мягкой силы», оказывающие влияние на государство через экономическую, социальную и гуманитарную сферы². Как отмечает Дж. Най, «сегодня... у определения мощи исчезает акцент на военной силе и завоеваниях, что было характерно для предшествующих эпох. Технологии, образование и экономический рост становятся все более значимыми для влияния в международных отношениях, в то время как география, население и сырье становятся несколько менее важными» [37]³. Второй фактор состоит в том, что, наряду

¹ Л. В. Дериглазова указывает на то, что ядерное оружие «все чаще рассматривается как атрибут силы, а не как реальная сила, и ОМУ приобретает качества средства оказания политического давления» [9, 58].

² В своей недавней статье Дж. Най обращает внимание на то, что власть — это способность влиять на поведение других, чтобы получить то, что нужно. «Существуют три основных способа сделать это: принуждение, оплата и привлекательность. Жесткая сила — это использование принуждения и оплаты. Мягкая сила — это возможность получения предпочтительных результатов за счет привлекательности. Если государство может определять программу действий для других государств или формировать их предпочтения, оно может сэкономить на кнутах и пряниках. Но только в редких случаях они могут быть полностью заменены» [36, 160–163].

³ Здесь и далее — перевод с английского языка автора.

с государственными акторами, в международных отношениях все больше места начинают занимать не государства, а другие игроки — международные организации, транснациональные компании, институты неправительственного сектора и даже международные террористические и криминальные организации. Третий фактор заключается в том, что в постбиполярном мире на смену масштабно-глобальным войнам — по идеологическим причинам в разломе «социализм — капитализм» — пришли локально-региональные конфликты, основанные на территориальном, этнополитическом, религиозном факторах или в их комбинации. Вместе с тем, несмотря на спад напряженности в отношениях государств, ранее представлявших жестко противостоящие военно-политические блоки — Североатлантический альянс (НАТО) и Организацию Варшавского договора (ОВД) — угроза использования ядерного оружия (ЯО) продолжает оставаться на международной повестке дня, хотя и идет переговорный процесс по снижению количества ЯО и выдвигаются инициативы на высоком уровне по его полному уничтожению до «глобального ядерного нуля».

Эти три фактора привели к тому, что в настоящее время в сфере международной безопасности появились дополнительные угрозы. Среди них — доступ к ядерным технологиям и оружию террористических группировок, цели которых многообразны. В связи с этим возникает вопрос об актуальности теории ядерного сдерживания, лежащей в основе ядерной безопасности и возникшей в годы холодной войны, т. е. в условиях биполярной системы. Теория, выдвинутая в 1940-х гг. Джорджем Кеннаном, утверждала, что наращивание ядерного потенциала необходимо для поддержания мира и предотвращения войны: в этом случае противник будет опасаться ядерного удара и поэтому никогда не нанесет удар первым [41, 200]. Некоторые авторы напрямую говорят о том, что ядерное сдерживание в настоящее время становится «анахронизмом»: «Оно предотвращает несуществующие более угрозы — преднамеренное массированное нападение великих держав или их союзов друг на друга» [7, 81]. Действительно, на карте мира появились несколько дополнительных ядерных государств — вне рамок Договора о нераспространении ядерного оружия (Израиль, Индия, Пакистан, Северная Корея). При этом, как справедливо указывает П. Синовец, зачастую противники расположены в одном регионе и имеют существенный дисбаланс конвенционального и ядерного оружия [17, 7–8].

Для кристаллизации противодействующих мер, предпринимаемых международным сообществом, необходимо рассмотреть условия становления международного режима нераспространения и академический дискурс по поводу этой концепции. Ялтинско-Потсдамская система международных отношений, установившаяся после Второй мировой войны, охарактеризовалась конфронтационной биполяризацией системы международных координат и связанной с ней гонкой обычных и ядерных вооружений. К 1960-м гг. к созданию собственной атомной бомбы подошли многие страны: ФРГ (совместно с Францией и Италией), Израиль, Индия, КНДР, ЮАР, Аргентина и Бразилия, Швеция, Швейцария, Австралия, Южная Корея и Тайвань [21, 86–90]. В связи с этим появились опасения, что в скором времени ядерным оружием станут обладать 25 государств и процесс становления ядерных государств (ЯОГ) станет неконтролиру-

емым и необратимым. Так, в марте 1963 г. президент США Дж. Кеннеди заявил: «...я предвижу возможность того, что в 1970 г. президенту США придется столкнуться с миром, в котором 15, 20 или 25 стран будут иметь такое оружие» [28]. Елфимов справедливо указывает на другую важную причину становления режима нераспространения — приоритетность сохранения результатов Второй мировой войны и предотвращения получения ЯО Японией и ФРГ [11, 88].

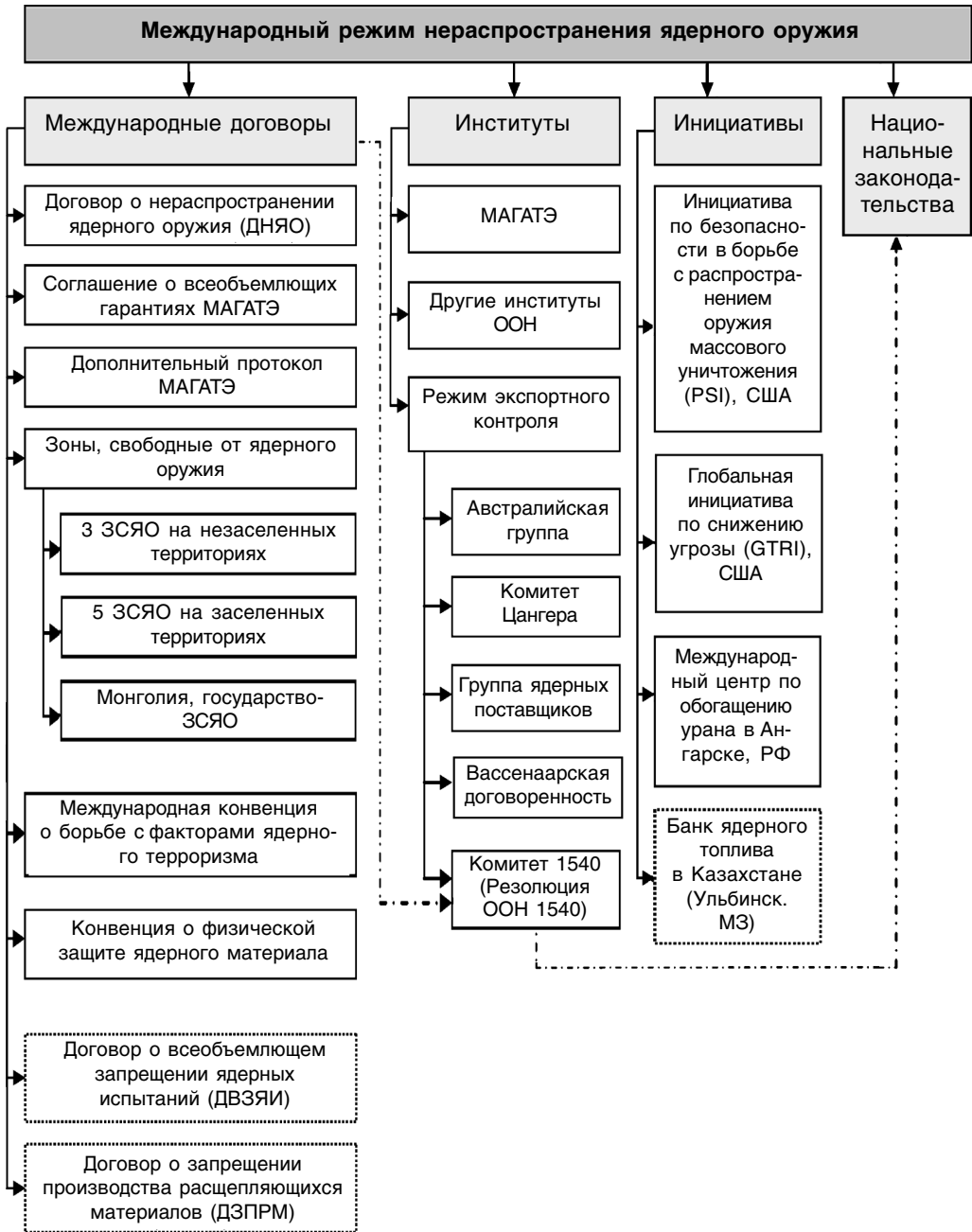
Поэтому, несмотря на идеологическую конфронтацию, правительства существующих к тому времени ядерных государств пришли к концу 1960-х гг. к выводу о необходимости принятия мер по предотвращению передачи ядерного оружия и технологий в другие страны. Ниже представлены основные инструменты международного режима нераспространения ядерного оружия, которые, если анализировать режим как целостную систему, могут рассматриваться в качестве его элементов. На рисунке видно, что режим состоит из международных договоров, институтов, односторонних инициатив государств, а также национальных законодательств.

В разделе «Международные договоры» расположены международные соглашения, основополагающие для режима ядерного нераспространения. Первый такой документ, являющийся основой всего режима, — это Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Он был открыт для подписания 1 июля 1968 г. и вступил в силу 5 марта 1970 г. Этот международный документ ограничил количество официальных ядерных государств теми пятью государствами, которые на 1 января 1967 г. произвели испытание ядерного оружия. Впервые было согласовано, что ядерные державы не передают кому бы то ни было ядерное оружие и контроль над ним и не помогают неядерному государству в производстве ЯО или его приобретении. В свою очередь, государства, не обладающие ядерным оружием, не имеют права принимать ЯО, а также контроль над ним, не могут производить и приобретать его и добиваться в этих целях чьей-либо помощи.

Следующие элементы режима нераспространения — это два документа МАГАТЭ. Благодаря Соглашению о всеобъемлющих гарантиях агентство имеет право осуществлять контроль того, что ядерные материалы, неядерные материалы, услуги, оборудование, установки и информация, согласованные и поставленные под гарантии, не используются для производства ЯО или для любой военной цели [8, 27]. Согласно Дополнительному протоколу, принятому МАГАТЭ в 1997 г., у агентства появилось расширенное право на проведение инспекций объектов для получения информации, связанной со всеми элементами ядерного топливного цикла. В свою очередь, государства, заключившие Дополнительный протокол, обязаны представлять отчеты о мирной ядерной деятельности. Эти меры дают МАГАТЭ возможность определить, что государство, подписавшее протокол, не обладает незаявленными ядерными материалами.

Зоны, свободные от ядерного оружия (ЗСЯО)⁴, являются еще одним инструментом режима нераспространения. Они, действуя на основе многосторонних

⁴ В данной статье термины «безъядерная зона» и «зона, свободная от ядерного оружия», или «ЗСЯО», будут использоваться как взаимозаменяемые синонимичные понятия.

Международный режим нераспространения ядерного оружия и его основные элементы

международных договоров, ограничивают в пространственном отношении «расползание» ядерного оружия в другие страны. В этом случае происходит предотвращение «горизонтального распространения» ЯО, т. е. его передача от ядерного государства неядерному. На территории стран — участниц зон запрещается проводить исследования, разрабатывать, производить, накапливать запасы, владеть или контролировать любое ЯО или другое ядерное взрывное устройство. Может возникнуть вопрос: для чего нужны отдельные договоры о зонах, свободных от ядерного оружия, если существует Договор о нераспространении ядерного оружия, в котором прописываются положения, содержащиеся в соглашениях о безъядерных зонах? В частности, статья 2 ДНЯО говорит о невозможности для неядерных государств принимать ЯО, контролировать, производить или приобретать его, а также принимать помощь в производстве любых ядерных взрывных устройств [10]. А статья 7 этого же договора говорит о том, что группы государств имеют право «заключать региональные договоры с целью обеспечения полного отсутствия ядерного оружия на их соответствующих территориях» [Там же]. Дело в том, что когда появились первые безъядерные зоны, ДНЯО еще не существовало. Помимо этого, в отличие от ДНЯО, не запрещающего развертывание ядерного оружия, принадлежащего ЯОГ, на территориях государств — членов безъядерных зон договоры о ЗСЯО это строго запрещают.

Существуют три стержневые функции создания зон, свободных от ядерного оружия. В политическом плане ЗСЯО необходима для уменьшения риска разворачивания военного конфликта и снижения напряженности в любом регионе. В военном плане зоны ограничивают доступ в этот регион ядерным силам каких-либо третьих (внерегionalных) государств, это так называемое «уменьшение гибкости». Но имеется и еще одна функция. По мере активизации обсуждений о становлении любой ЗСЯО сам переговорный процесс уже становится попыткой стабилизации отношений задействованных региональных игроков, своеобразной мерой по укреплению доверия между ними. Как справедливо отмечает резолюция Генассамблеи ООН, «зоны, свободные от ядерного оружия, являются одним из наиболее эффективных средств предотвращения как горизонтального, так и вертикального⁵ распространения ядерного оружия и содействия устранению опасности ядерной катастрофы» [42].

Другие, не менее важные инструменты раздела «Международные договоры» режима нераспространения будут упомянуты только кратко. Конвенция о физической защите ядерного материала от 1979 г. налагает обязательства на государства-участники о создании и поддержании надлежащего режима физической защиты, применимого к ядерному материалу и ядерным установкам, находящимся под их юрисдикцией [12]. Международная конвенция о борьбе с факторами ядерного терроризма была выдвинута Россией и принята резолюцией 59/290 Генеральной Ассамблеи ООН в 2005 г. Документ является

⁵ Вертикальное распространение ЯО — это увеличение по количеству и по силе разрушительности ЯО в ядерном государстве.

важным элементом международного сотрудничества в области противодействия ядерному терроризму [14]. Договоры о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) и о запрещении производства расщепляющихся материалов (ДЗПРМ) на схеме изображены пунктирной линией, поскольку, несмотря на чрезвычайную важность, из-за противодействия некоторых стран все еще остаются не вступившими в силу.

Институты являются второй составляющей режима ядерного нераспространения. Здесь можно выделить Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) и другие специализированные учреждения ООН, занимающиеся продвижением режима ядерного нераспространения (например, Первый комитет ООН, Департамент по правовым вопросам Секретариата, Центр по вопросам мира и разоружения в Азиатско-Тихоокеанском регионе и др.). Институтами являются также неформальные группы государств, целью которых является введение и поддержание экспортного контроля для противодействия передачи технологий и материалов ОМУ от одного государства другому. «Австралийская группа» занимается гармонизацией мер экспортного контроля, направленного на снижение беспрепятственного распространения химического оружия. «Комитет Цангера» отвечает за составление подробных списков контролируемых ядерных товаров. «Группа ядерных поставщиков» отвечает за обеспечение контроля над ядерным экспортом. Группа, созданная благодаря «Вассенаарской договоренности», способствует прозрачности и большей ответственности в передаче обычных вооружений и товаров двойного назначения и технологий [26].

Комитет 1540 был учрежден в структуре Совета Безопасности ООН благодаря Резолюции 1540, принятой в 2004 г. Эта резолюция обязывает все государства принять эффективные меры, в том числе на законодательном уровне, для предотвращения распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки. Комитет состоит из представителей 15 государств, которые входят в Совет безопасности.

Инициативы, выдвинутые различными государствами на односторонней основе, образуют следующую группу элементов режима нераспространения. Например, предложенная Соединенными Штатами в 2003 г. «Инициатива по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения» рассчитана на выявление и предотвращение трансграничного перемещения материалов и оборудования, предназначенных для создания ОМУ. В рамках данной инициативы возможен досмотр и перехват подозреваемых грузов в пространствах, не находящихся под национальной юрисдикцией государств. Благодаря «Глобальной инициативе по снижению угрозы», которая также является предложением США и управляется Администрацией США по национальной энергетической атомной безопасности, происходят репатриация в Россию и США высокообогащенного урана соответственно российского и американского происхождения и его дальнейшая переработка [23].

Имеются также инициативы, касающиеся создания банков резервных ядерных материалов. Цель таких банков заключается в уменьшении угрозы распространения ЯО путем предоставления третьим странам возможности полу-

чать обогащенный топливный уран для АЭС без их доступа к «критическим» технологиям и без создания мощностей по обогащению урана. Международный центр по обогащению урана в Ангарске (РФ) создан для обеспечения гарантийного запаса низкообогащенного урана (НОУ) под эгидой МАГАТЭ. При возникновении необходимости Россия будет производить поставки НОУ из гарантийного запаса МАГАТЭ. В свою очередь, агентство будет предоставлять этот материал стране, испытывающей перебои в поставках [5]. Также в Казахском Банке ядерного топлива, который предположительно будет находиться на базе Ульбинского металлургического завода, будет иметься резервный запас НОУ для стран — членов МАГАТЭ. По словам министра иностранных дел РК Е. Идрисова, банк «станет резервом на крайний случай, если вдруг какая-то страна — член МАГАТЭ не сможет получить топливо от традиционного поставщика по причинам политического характера» [6]. Планируемые 60–80 т топлива будут находиться под контролем МАГАТЭ и в его официальном юридическом владении. Этот элемент режима нераспространения, в отличие от его аналога в Ангарске, находится на стадии планирования, поэтому изображен на рисунке пунктирной линией.

Что касается национального законодательства, то здесь можно согласиться с Дж. Наем, который отмечает, что институционализация режима может изменить стандартные операционные процедуры для внутривластных бюрократий [38, 400–401] путем внесения поправок и внедрения новых законов и подзаконных актов в сфере нераспространения.

Как видно на схеме, многие элементы системы тесно взаимосвязаны друг с другом, что показано пунктирными стрелками. Например, благодаря Резолюции 1540 (которая может быть отнесена к разделу «Международные договоры») был учрежден институт ООН — Комитет 1540. Причем одной из целей резолюции и комитета 1540 является внедрение законодательных механизмов всеми государствами — членами ООН на национальном уровне по контролю (в том числе и экспортному) над нераспространением ОМУ.

За пределами рассмотрения данной схемы остались сопутствующие режиму нераспространения институты ядерного разоружения⁶, основной функцией которых является предотвращение наращивания ядерных вооружений, их ограничение, сокращение и ликвидация [3, 9]. Примерами развития переговорного процесса и его оформления в виде соглашений по ограничению стратегических вооружений могут служить договоры ОСВ-1 (1972), ОСВ-2 (1979), Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (1987), Договоры об ограничении стратегических наступательных вооружений СНВ-1 (1991), СНВ-2 (1993), СНВ-3 (2010).

Режим нераспространения ЯО является лишь одним из многих международных режимов, которые создаются в узкоспециализированных областях. Например, существуют международные режимы торговли, прав человека,

⁶ А. Антонов отмечает, что, поскольку в Советском Союзе термин «контроль над вооружениями» игнорировался из-за его применения американскими экспертами, в советской литературе использовались выражения «ограничение и сокращение вооружений» и «разоружение» [3, 9].

морских портов, речного судоходства и др. В силу того что режиму нераспространения присущи многие их общие черты, целесообразно рассмотреть содержание термина «международный режим». Термин разрабатывался в рамках активного академического дискурса среди представителей различных течений в теориях международных отношений, что привело к созданию новых политологических концепций и понятий. Основные дебаты велись между учеными нелиберальной, неореалистской и когнитивистской школ. Если вычленив общее, объединяющее эти школы, то большинство авторов согласны в одном: в рамках международных режимов государства принимают на себя правила и нормы для обеспечения определенной степени порядка в международных отношениях [43, 145]. При этом каждая теория добавляет к этой основе свой аспект, важный для понимания сути международных режимов.

Основатели нелиберальной школы, отмечая все возрастающее влияние негосударственных акторов в мировой политике, в частности международных организаций (правительственных и неправительственных), религиозных объединений и транснациональных корпораций [37], придерживаются мнения, что институты и режимы играют большую роль в международных отношениях. Роберт Кеохэйн дает режиму следующее определение: это «институты с четкими, согласованными между правительствами правилами по определенному кругу вопросов в международных отношениях» [31, 4]. Для нелибералов режимы имеют значение, поскольку заставляют государства делать то, что они иначе не стали бы выполнять. По мере того как мировая политика становится все более взаимозависимой, государства будут все больше опираться на режимы, преследуя свои собственные интересы [43, 149]. Согласно Дж. Наю режим существует, если имеется способность выявлять согласованные общие и конкретные запретительные нормы [38, 392]. Вместе с тем нелибералы не идеализируют власть институтов. Кеохэйн, приводя примеры как эффективных, так и не очень результативных организаций, отмечает, что «международные институты становятся все более важными, но они не всегда успешны» [30, 83]. Институты создают рамки сотрудничества для государств на взаимовыгодных условиях. Благодаря институтам государства — из-за принципа взаимности — вынуждены выполнять свои обязательства с тем, чтобы и другие правительства делали то же самое. Кеохэйн обращает внимание, что «даже влиятельные государства заинтересованы в большинстве случаев соответствовать правилам устоявшихся международных институтов, так как общее соответствие правилам делает поведение других государств более предсказуемым» [Там же, 86].

Неореалистская школа отличается от нелиберальной чрезвычайной концентрацией внимания на государстве как на акторе международных отношений. Согласно неореалистам государства — это однородные единицы, действующие на основе собственной выгоды и в целях ее максимального увеличения [29]. Государства, как ключевые акторы на мировой арене, действуют на основе рационального выбора в среде международной анархии, т. е. в рамках отсутствия какой-либо высшей власти в международной системе [34, 9]. Неореалисты не полностью отрицают, но минимизируют влияние институтов на глобальную политику. При этом Мearшаймер, указывая в своей статье, что термины

«институты» и «режимы» он использует как синонимичные [34, 8], придерживается мнения, что институты имеют минимальное влияние на поведение государства и поэтому не могут способствовать стабильности в период после холодной войны [Там же, 7]. Неореалисты признают, что государства иногда используют режимы, но считают, что «эти правила отображают государственные расчеты, основанные в первую очередь на международном распределении власти» [Там же, 13]. Режимы создаются в том случае, когда у государства-гегемона много власти и оно хочет ее увеличить путем создания режимов. Например, распределение гегемоном властных полномочий ведет к стабильным, открытым экономическим режимам, потому что это государство заинтересовано проводить именно такую политику и имеет ресурсы, необходимые для обеспечения производства коллективных товаров, необходимых для эффективного функционирования подобной системы [32, 498]. Согласно одному из родоначальников теории международных режимов, Стефану Краснеру, международный режим — это «явные или подразумеваемые принципы, нормы, правила и процедуры принятия решений, по которым ожидания акторов совпадают в определенной сфере» [33, 185]. Заметим, что определение не подразумевает институтов. В этом же русле высказывается и Роберт Джервис, который трактует режим безопасности как «принципы, правила и нормы, которые позволяют странам сдерживаться в их поведении в надежде, что другие будут делать так же. Эта концепция подразумевает не только нормы и ожидания, которые способствуют сотрудничеству, но и форму сотрудничества, что больше, чем следование краткосрочной собственной выгоде» [27, 357].

Когнитивисты не признают аргументы двух вышеперечисленных школ относительно международных режимов и считают, что интересы государств не даны изначально, а скорее создаваемы. В связи с этим они изучают, каким образом убеждения лиц, принимающих решения, влияют на формирование их предпочтений и интересов [43, 146]. Когнитивисты также анализируют механизм получения информации политиками. Согласно яркому представителю когнитивизма П. Хаасу, определение государством своих интересов и выявление им набора необходимых действий определяется осознанием проблемы политиками или представлением информации теми, к кому они обращаются за советом в условиях неопределенности [24, 2]. П. Хаас приходит к выводу, что знания лицам, принимающим решения, поступают через политически связанные элиты, некие эпистемические сообщества. Эти сообщества, являющиеся группами специалистов, которые оказывают воздействие на политические процессы, суть «сети профессионалов, имеющих признанный опыт и компетентность в конкретной предметной области и авторитетные притязания на политически значимые знания в этой области» [Там же, 3]. В этом смысле нельзя не согласиться с П. Хаасом, что «контроль над знаниями и информацией является важным измерением власти, и... распространение новых идей и информации может привести к новым моделям поведения и оказаться важным фактором, определяющим международную координацию политики» [Там же, 2–3].

В рамках рассматриваемой проблематики чрезвычайно важное замечание касается эффективности, устойчивости и стабильности режима. Хазенклевер,

Майер и Риттбергер называют два условия эффективности международного режима: достижение заявленных целей и соблюдение участниками ими же установленных норм и правил [25, 178]. Устойчивость режима они определяют как «сохранение власти международных институтов перед лицом исходящих извне вызовов» [Там же]. При этом устойчивость зависит от того, до какой степени первоначальные институциональные решения ограничивают коллективные решения и поведение в более поздние периоды, т. е. до какой степени «институциональная история имеет значение» [Там же]. С. Краснер отмечает, что режим ослабевает, «если его принципы, нормы, правила и процедуры принятия решений становятся менее последовательны или если реальная практическая деятельность становится все более несовместимой с принципами, нормами, правилами и процедурами» [33, 188]. Эффективность режима снижается при несогласованности между его компонентами или при несоответствии между режимом и связанным с ним поведением [Там же].

Согласно Дж. Наю эффективность режима определяется краткосрочным сдерживанием собственной выгоды и переформатированием собственных долгосрочных интересов [38, 392]. Р. Кеохэйн считает, что соблюдение правил режима зависит от того, насколько близки общие интересы у его участников и как распределяется власть между ними [30, 91]. По его мнению, институты, члены которых имеют схожие социальные ценности и политические системы (НАТО или Европейский союз), будут сильнее, чем ОБСЕ или АСЕАН [Там же]. Вторым фактором, оказывающий существенное влияние на международные институты, — это внутреннее распределение власти в организации, воплощенное, например, в механизме принятия решений. Так, по мнению Кеохэйна, институты с небольшим количеством членов (МВФ) и со взвешенной системой голосования предпринимают более решительные действия, чем те, где количество участников намного больше, как например, в Генеральной Ассамблее ООН [Там же].

Согласно Н. Н. Сокову режим стабилен при выполнении двух условий: если режим выгоден для участников и если участники следуют правилам игры [21, 73]. Р. Джервис указывает на четыре условия существования режима безопасности. Первое условие заключается в том, что влиятельные игроки («великие державы») будут стремиться организовать данный режим, а также будут иметь общие ценности относительно безопасности и сотрудничества [27, 360]. Второе условие предполагает наличие у участников общих ценностей относительно взаимной безопасности и сотрудничества. Джервис обращает внимание на третье, гораздо более проблематичное условие, которое предполагает, что режим не состоится, если один или больше участников будут верить в то, что безопасность можно обеспечить за счет экспансии [Там же, 361]. Кроме того, режим не сможет существовать в том случае (и это является четвертым условием), если государству каким-то образом выгодна война или состояние небезопасности, например благодаря возможности производства военных товаров [Там же, 362].

Интересна теория тектонических плит, представленная Стефаном Краснером [32, 499], в которой речь идет о двух плитах, одна из которых — распреде-

ление власти между государствами, а другая — связанные с ними режимы. При становлении режимов между плитами давления практически нет, но со временем оно образуется на стыке плит, поскольку двигаются они с разной скоростью. Это давление может быть высвобождено незаметными движениями, но зачастую давление накапливается. Чем выше уровень несоответствия, тем более резким будет конечное землетрясение, что в результате перегруппирует плиты. Действительно, продолжает он, при становлении режимов имеется высокая степень соответствия между распределением власти и режимными характеристиками: мощные государства устанавливают режимы, которые служат их интересам. Но со временем интересы государства и интересы режима могут отдалиться друг от друга. В целом основные принципы и нормы режимов очень прочные, и, как только создается режим, возникает и механизм его регулирования, изменения правил и процедур принятия решений. Но распределение власти — более динамичный фактор, который постоянно меняется. И в какой-то момент несоответствия между «плитами» начинают накапливаться. Если эти противоречия становятся слишком интенсивными, то вероятны революционные изменения, поскольку более сильные участники будут выступать за внесение изменений в основополагающие принципы и нормы [32, 499].

Что касается международного режима нераспространения ядерного оружия, то эксперты делают акцент на разных аспектах термина. Например, согласно Г. А. Осипову режим нераспространения ядерного оружия — это «совокупность международно-правовых норм, которые направлены на запрещение расширения круга стран, обладающих ядерным оружием и обеспечены соответствующим международным контролем» [15, 48]. Е. А. Сидорова рассматривает режим нераспространения ЯО как «совокупность международных норм договорного и обычно-правового характера, направленных на ограничение числа членов “ядерного клуба” рамками, установленными п. 3 ст. IX Договора о нераспространении ядерного оружия, а также последующую ликвидацию этого клуба, выражающуюся в запрете и всеобщем уничтожении ядерного оружия» [18]. По нашему мнению, недостатком этих определений является то, что из них исключены институты. В этом отношении гораздо более исчерпывающей является формулировка, согласно которой режим нераспространения ядерного оружия — это «система сформулированных или подразумеваемых принципов, норм, правил и процедур, а также внутренних законодательств, международных договоренностей и институтов с участием ядерных и неядерных государств и негосударственных акторов, чьей целью является предотвращение “горизонтального” и “вертикального” распространения ЯО, а также содействие ядерному разоружению и обмену мирными ядерными технологиями, уменьшающими риск ядерного распространения» [2]. Однако и здесь имеется упущение: целью режима нераспространения является именно недопущение попадания в «ядерный клуб» тех государств, которые не были таковыми к 1967 г. По нашему мнению, наиболее удачно содержание термина «режим нераспространения» раскрывает Н. Н. Соков, который определяет режим нераспространения ядерного оружия как «совокупность международных

договоренностей и организаций с участием как ядерных, так и неядерных государств, а также внутренних законодательств стран-участников, целью которых является предотвращение приобретения ядерного статуса государствами, которые не имели его к 1967 г.» [19, 16].

Надо понимать, что режим нераспространения — дискриминационный по своей сути: если в других режимах суверенные государства равны между собой в юридическом плане, то режим нераспространения ЯО четко делит государства на пятерку ядерных государств и на все остальные — неядерные государства и запрещает переход из одной категории в другую [16].

Внутри режима нераспространения, который уместно было бы назвать метарежимом, имеются несколько интегрированных подрежимов, например режим Антарктики или режим Тлателолко.

После определения теоретических основ исследования безъядерных зон в качестве одного из инструментов режима нераспространения можно перейти к выявлению закономерностей формирования зон от их географического расположения. В литературе встречаются попытки выявить условия, при которых зоны, свободные от ядерного оружия, могут состояться. Например, Дж. Редик в своей статье, посвященной режиму Тлателолко, пишет о том, что важными факторами для формирования безъядерной зоны в Латинской Америке были следующие: общие культурные и правовые традиции, а также общее восприятие региональной идентичности. Среди ключевых критериев успешного формирования и становления режима договора Тлателолко Редик называет также отсутствие сложного межрегионального конфликта и стремление предотвратить «разрушительное вмешательство не-латиноамериканских стран», т. е. СССР, в дела государств Западного полушария. Вместе с тем, по мнению Дж. Редика, «наличие более высокого уровня конкуренции сверхдержав в регионе или создание дополнительных отношений в сфере безопасности стран Латинской Америки с какой-либо мировой сверхдержавой усложнили бы и неизбежно ослабили перспективы для режима Тлателолко» [40, 111].

По мнению П. Пауэра, США выступали против установления безъядерных зон, если предложения об этом поступали от советской стороны, от нейтральных или неприсоединившихся стран, а также против таких ЗСЯО, территории которых лежали в «зонах напряженности», т. е. там, где проходили границы между Востоком и Западом, — на Балканах, в Центральной и Северной Европе [39].

И. Ахтамзян справедливо отмечает, что отношение ЯОГ к безъядерным зонам определялось двумя условиями: 1) предотвращением создания ЗСЯО в регионах, где планировалось содержать ядерное оружие, и 2) стимулированием становления зоны с тем, чтобы другая сторона не могла разместить в каком-либо регионе свое ЯО [4, 169].

Не отрицая правомерности вышеприведенных мнений, мы считаем целесообразным рассмотреть в комплексном виде геополитические факторы, от которых зависит успешное формирование безъядерных зон. На основе анализа становления зон можно прийти к следующим выводам о механизме создания безъядерных зон и его зависимости от геополитического расположения ЗСЯО:

1. Чем маловероятнее размещение ЯО в определенном регионе, тем выше вероятность становления безъядерной зоны в данном регионе. В первую очередь ЯОГ были согласны на создание безъядерных зон там, где размещение ЯО ими не планировалось. Первые ЗСЯО были установлены в незаселенных районах Земли, в которых размещение ЯО было наименее вероятным. Исключением является безъядерная зона в космосе, но в 1970-х гг. две супердержавы пришли к общему пониманию о недопущении размещения там ЯО.

2. ЯОГ препятствуют созданию безъядерных зон в регионах, где планируется содержание или уже размещается ЯО. В связи с этим весьма затруднено становление ЗСЯО даже на стадии одобрения инициативы о создании безъядерных зон в таких проблемных регионах, как Европа, Ближний Восток и Корейский полуостров. Относительно перспектив ЗСЯО в Северо-Восточной Азии можно констатировать, что в настоящий момент не имеется ни одного из условий, необходимых для формирования такой зоны.

3. Чем географически ближе безъядерная зона к США или к СССР, а теперь к России (именно к этим двум ядерным государствам), но при этом дальше от Европы, тем больше шансов у безъядерной зоны к формированию и признанию ядерными государствами. США и Россия поощряют создание безъядерной зоны в непосредственной географической близости от себя, в своей «санитарной зоне», с тем, чтобы противоположная сторона не смогла разместить свое ЯО в близлежащем регионе. В случае с США речь идет о безъядерной зоне в Латинской Америке. После Карибского кризиса США были крайне не заинтересованы в повторном размещении ЯО СССР на Кубе, поэтому всячески продвигали становление ЗСЯО в Латинской Америке. Можно заметить, что договор Тлателолко — единственное соглашение о ЗСЯО, в котором официальный Вашингтон видел больше выгод, нежели недостатков. США не просто продвигали эту инициативу, но и активно содействовали присоединению их партнеров по НАТО к поддержке этой резолюции.

В секретной депеше Госдепартамента США от 9 ноября 1962 г. говорится: «Некоторые наши союзники выразили обеспокоенность поддержкой Соединенными Штатами Бразильской резолюции. Все представители [названия государств удалены] были в разной степени обеспокоены. Мы объяснили им нашу позицию, заключающуюся в том, что ситуация в Латинской Америке уникальна и что наша поддержка по денуклеаризации там не послужит примером для нас в других регионах. Например, в нынешних условиях и речи быть не может о резолюции по денуклеаризации в Европе или на Дальнем Востоке» [22].

Что касается России, то ей выгодно становление ЗСЯО в Центральной Азии — для предотвращения размещения ядерного оружия НАТО на военных объектах в странах Центральной Азии. Протокол к договору о наиболее близкой к какой-либо из двух ядерных держав зоне в течение долгого времени не находит поддержки у ядерного государства из противоположного блока. Например, США подписали протокол к договору Тлателолко о предоставлении негативных гарантий достаточно быстро, в то время как СССР — только через 11 лет. Россия и Китай одобрили подписание договора о ЦАЗСЯО и

предположительно готовы подписать протокол к нему, в то время как США и их союзники по НАТО выступают за дальнейшее согласование и консультации по соглашению.

4. Чем географически дальше ЗСЯО от Европейского театра военных действий, тем быстрее происходит ее становление. Сначала произошло подписание договора о создании безъядерной зоны в Латинской Америке (1967), т. е. в регионе, наиболее отдаленном от Европы. Следующим (в 1985 г.) был подписан договор о создании ЗСЯО в Южной части Тихого океана, в регионе, в такой же степени географически отдаленном от Европы, как и Латинская Америка. В 1995 г. был подписан договор об установлении безъядерной зоны в регионе, находящемся уже на материке Евразии — в Юго-Восточной Азии, а в 1996 г. — в Африке.

5. Выявленная зависимость установления ЗСЯО от географического удаления от Европы дает возможность утверждать, что, несмотря на окончание холодной войны и распад Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, на международной арене продолжает существовать привязка военно-политических вопросов к Европейскому театру военных действий (ТВД). Согласимся с И. А. Кочевым о снижении значимости Европы как театра военных действий: «Исчезновение советской угрозы снизило значение США как гаранта безопасности Западной Европы и значение Западной Европы как возможного театра военных действий, что поставило европейские страны перед необходимостью самостоятельно обеспечивать свою безопасность» [13, 141]. Однако речь может идти лишь о снижении, а не о полном исчезновении значимости Европейского театра военных действий. Например, в настоящее время происходит коренное изменение военной инфраструктуры восточноевропейских государств. Как отмечает В. А. Алешин, военные возможности соседей РФ приводятся в соответствие со стандартами НАТО. «Это значительно повышает возможности блока по развертыванию группировок войск в непосредственной близости от границ России. Характерным примером успешного освоения потенциального театра военных действий является миссия НАТО по охране воздушного пространства прибалтийских государств» [1]. Подтверждением важности Европейского театра военных действий может быть факт поэтапного создания архитектуры ПРО США в Европе, в рамках которой в феврале 2013 г. был размещен эсминец с зенитно-ракетным комплексом «Иджис» для выполнения задач противоракетной обороны на Европейском театре военных действий [20]. В планах США — размещение до 2015 г. в Румынии и к 2018 г. — в Польше мобильных батарей с ракетами «Эс-эм-3». К 2020 г. эти ракеты будут заменены на более совершенные, которые будут защищать всю территорию стран — членов НАТО от МБР и ракет средней и меньшей дальности [Там же].

Подытоживая, можно отметить, что зоны, свободные от ядерного оружия, в качестве одного из инструментов международного режима нераспространения ядерного оружия предусматривают усложнение географического перемещения ЯО для ядерных держав, уменьшают вероятность создания новых ядерных государств, повышают региональную безопасность в качестве меры дове-

рия, способствуют усилению глобального режима нераспространения и сохранению окружающей среды. При этом тот факт, что регионы, географически далекие от Европейского ТВД, имеют преимущество в организации безъядерных зон, дает возможность утверждать, что продолжает существовать привязка военно-политических вопросов к Европе как театру военных действий.

1. *Алешин В. А.* Эволюция угроз военной безопасности России (2000–2009 гг.) // Армия и общество. 2009. № 2. С. 14–20.
2. *Аничкина Т. Б.* Международный режим нераспространения ядерного оружия: проблемы и возможные пути их решения : автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2011.
3. *Антонов А. И.* Контроль над вооружениями: История, состояние перспективы. М., 2012.
4. *Ахтамзян И. А.* Зоны, свободные от ядерного оружия // Ядерное нераспространение : в 2 т. : учеб. пособие для вузов / под общ. ред. В. А. Орлова. Т. 1 / И. А. Ахтамзян, Д. Г. Евстафьев, Р. М. Тимербаев. М., 2002. С. 149–170.
5. Банк топлива // Международный центр по обогащению урана [Электронный ресурс]. URL: http://www.iuec.ru/activities/fuel_bank/ (дата обращения: 17.06.2013).
6. *Васильев С.* Размещение банка ядерного топлива в РК положительно отразится на ядерной энергетике страны : интервью с министром иностранных дел Казахстана Ерланом Идрисовым // Zakon.kz. 4 апр. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zakon.kz/4549945-gazmeshhenie-banka-jadernogo-topliva-v.html> (дата обращения: 12.06.2013).
7. Взаимосвязь ядерного разоружения и нераспространения: реальность или миф? / под ред. А. Арбатова, В. Дворкина и др. М., 2011.
8. Гарантии МАГАТЭ : глоссарий. Изд. 2001 г. // Серия международного ядерного контроля. № 3 / Международ. агентство по атомной энергии. 2004.
9. *Дериглазова Л. В.* Проблемы обеспечения международной безопасности после окончания холодной войны // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2005. № 288. С. 56–61.
10. Договор о нераспространении ядерного оружия. Резолюция 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 12 июня 1968 г. // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 12.06.2013).
11. *Елфимов В.* Международный режим нераспространения ядерного оружия: политические аспекты функционирования // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 1998. № 3. С. 88–92.
12. Конвенция о физической защите ядерного материала и ядерных установок // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nucmat_protection.shtml (дата обращения: 16.06.2013).
13. *Кочев И. А.* Общая политика безопасности и обороны Европейского союза в современной политической теории // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2011. № 3. С. 138–144.
14. Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма / Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nucl_ter.shtml (дата обращения: 17.06.2013).
15. *Оситов Г. А.* Международно-правовой режим нераспространения ядерного оружия. М., 1987.
16. *Победаш Д.* Режим нераспространения после окончания холодной войны // Ядерное нераспространение / под ред. Л. В. Дериглазовой. Томск, 2010. С. 31–54.
17. *Синовец П. А.* Двуликий Янус, или Теория ядерного сдерживания в XXI в. Одесса, 2008.

18. *Сидорова Е. А.* Международно-правовой режим нераспространения ядерного оружия и правовые проблемы его укрепления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
19. *Соков Н. Н.* Введение в ядерное нераспространение // *Ядерное нераспространение* : в 2 т. Т. 1. С. 11–37.
20. «США направили эсминец с ЗРК “Иджис” на Европейский театр военных действий» // *Национальная Идея*. 08.02.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://warfiles.ru/show-23649-ssha-napravili-esminec-s-zrk-idzhis-na-evropeyskiy-teatr-voennyh-deystviy.html> (дата обращения: 14.06.2013).
21. *Ядерное нераспространение* : в 2 т. Т. 1.
22. Confidential Telegram № 1716 from New York to the Secretary of State, Nov. 9, 1962 // *Digital National Security Archive* [Электронный ресурс]. URL: <http://nsarchive.chadwyck.com> (дата обращения: 11.07.2012).
23. Fact Sheet: GTRI: Reducing Nuclear Threats [Electronic resource] : Feb 1, 2011 // *Official site of the National Nuclear Security Administration* [Электронный ресурс]. URL: <http://nnsa.energy.gov/mediaroom/factsheets/reducingthreats> (дата обращения: 11.07.2012).
24. *Haas P. M.* Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination // *International Organization* Vol. 46, № 1. Knowledge, Power, and International Policy Coordination (Winter, 1992). P. 1–35.
25. *Hasenclever A.* Interests, Power, Knowledge: The Study of International Regimes // *Mershon International Studies Review*. Oct., 1996. Vol. 40, № 2. P. 177–228.
26. International non-proliferation and arms control regimes // *Department for Business, Innovation & Skills, UK Government* [Electronic resource]. URL: <https://www.gov.uk/international-non-proliferation-and-arms-control-regimes> (дата обращения: 17.06.2013).
27. *Jervis R.* Security Regimes // *International Organizations*. Spring 1982. Vol. 36, № 2. P. 357–378.
28. John F. Kennedy: The President’s News Conference // *The American Presidency Project*. March 21, 1963. Online by Gerhard Peters and John T. Woolley [Electronic resource]. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=9124> (дата обращения: 9.03.2013).
29. *Katzenstein P. J.* International Organization and the Study of World Politics // *International Organization* 52, 4, Autumn 1998. P. 645–685.
30. *Keohane R. O.* International Institutions: Can Interdependence Work? // *Foreign Policy*. Spring 1998; Iss. 110. P. 82–96.
31. *Keohane R. O.* Neoliberal Institutionalism: A Perspective on World Politics // *International Institutions and State Power : Essays in International Relations Theory* / Robert O. Keohane (ed.). Boulder, 1989. P. 1–20.
32. *Krasner S. D.* Regimes and the Limits of Realism: Regimes as Autonomous Variables // *International Organization*. 36, 2. Spring 1982. P. 497–510.
33. *Krasner S. D.* Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables // *Ibid.* P. 185–205.
34. *Mearsheimer J. J.* The False Promise of International Institutions // *International Security*. 1994. 19 (3). P. 5–49.
35. *Nye J. S.* Get Smart: Combining Hard and Soft Power // *Foreign Affairs*. Vol. 88, № 4. July/Aug. 2009. P. 160–163.
36. *Nye J. S.* Soft Power // *Foreign Policy*. Autumn, 1990. Iss. 80. P. 153–171.
37. *Nye J. S.* Nuclear Learning and U.S.-Soviet Security Regimes // *International Organization*. 41, 3. Summer 1987. P. 371–402.
38. *Power P. F.* The South Pacific Nuclear-Weapon-Free Zone // *Pacific Affairs*. Vol. 59, № 3. Autumn, 1986. P. 455–475.
39. *Redick J. R.* The Tlatelolco Regime and Nonproliferation in Latin America // *International Organization*. 35, 1, Winter 1981. P. 103–134.
40. *Singh N. K.* Nuclear Weapons and Contemporary International Law // *Developments in International Law*. Vol. 11. Martinus Nijhoff Publishers, 1989.

41. United Nations General Assembly Resolution 3472 B (XXX). Dec. 11, 1975. «Comprehensive study of the question of nuclear-weapon-free zones in all its aspects».

42. Viotti P. R. International Relations Theory. 5th Edition. Boston, Columnus, Indianapolis, 2011.

Рукопись поступила в редакцию 12 сентября 2013 г.

УДК 623 + 327(1-87) + 327.51 + 327.57

Е. Б. Михайленко

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕОСНАЩЕНИЯ ТАКТИЧЕСКОГО ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ В ЕВРОПЕ: НОВЫЙ ВИТОК «ХОЛОДНОГО» ПРОТИВОСТОЯНИЯ?

В статье рассматривается отношение членов НАТО и России к объявленной американской программе модернизации тактического ядерного оружия в Европе. Оружие, которому в предыдущее десятилетие придавалось исключительно символическое значение, в 2000-х гг. оказалось в центре дискуссии в НАТО между «новыми» и «старыми» членами альянса, а также в качестве средства давления на российскую сторону в ходе двусторонних переговоров о разоружении. В ходе исследования автор статьи анализирует значение тактического ядерного оружия для европейских членов НАТО, а также изучает причины выделения средств в США на его модернизацию. В работе предпринимается попытка оценить угрозы для России в связи с модернизацией тактического ядерного оружия в Европе.

Ключевые слова: тактическое ядерное оружие, США, НАТО, РФ, разоружение.

В период холодной войны США разместили в Европе примерно 7000 ядерных боезарядов с целью сдерживания обычных вооружений Советского Союза и стран Варшавского договора. После распада Советского Союза более 90 % этого оружия было в одностороннем порядке вывезено с территории Европы, однако около 200 ракет (В-61) остались на территории пяти стран НАТО: Италии, Турции, Бельгии, Германии и Нидерландов. В 2009 г. Германия инициировала дебаты о выводе тактического ядерного оружия с территории Европы. Инициатива Германии была поддержана Бельгией и Нидерландами. Однако страны Центральной Европы, прежде всего Польша, Чехия, Словакия, Венгрия и три страны Балтии, решительно выступили за поддержание ядерного статус-кво, указывая на особую роль тактического ядерного оружия в регионе как фактора сдерживания России, а также как символа трансатлантических связей в рамках НАТО.

В апреле 2013 г. было решено, по словам Ханса Кристенсена (Федерация ученых-ядерщиков), «в целях защиты Европы переоснастить бомбы НАТО в “пригодные к использованию” управляемые ракеты, способные удерживать больше целей» [8]. Несмотря на формальное завершение холодной войны,

США поставили задачу переоснащения тактического ядерного оружия в Европе, что, таким образом, в ближайшее время может стать одним из важнейших факторов, влияющих на трансатлантическую и международную безопасность.

Эксперты выделяют несколько объективных причин необходимости вывода данного вида оружия с территории Европы. Основная техническая причина связана с проблемами финансирования странами — членами НАТО содержания, поддержания и модернизации данных арсеналов и средств их доставки. На территории Европы размещены ракеты В-61 (В-61-3, В-61-4, В-61-10) [8]. Эти ракеты производились в период с 1979 по 1989 г. Большая часть из них — ракеты достаточно малой мощности, до 300 килотонн. Ядерные бомбы В-61 в Европе хранятся в так называемой Системе хранения оружия и безопасности (Weapon Storage and Security System, WS3) [Там же, 13]. Наличие данного хранилища ракет предполагает систему доставки (грузовой транспорт), средства авиадоставки ракет, персонал и т. п. Расходы на поддержание данной системы достоверно неизвестны, однако, по расчетам специалистов, для создания и поддержания объектов на авиабазе в Рамштейне (ФРГ) изначально планировалось выделить \$ 800 000 (1986), на авиабазах Аракоса (Греция), Акинчи и Балыкесире (Турция) расходы составили \$ 11,6 млн (1996) [Там же, 18]. Расходы США на эксплуатацию и техническое обслуживание WS3 в 1999 финансовом году составили \$ 81 719. США также неоднократно выделяли средства на модернизацию систем хранения и переобучение персонала. Размещение данного вида ракет реализуется в рамках программы НАТО «разделения ядерного бремени» (nuclear sharing) и подкреплено рядом секретных соглашений со странами, на территории которых размещены ракеты согласно четырем соглашениям — Соглашению о хранении атомных ракет, Соглашению о сотрудничестве в атомной сфере, Соглашению о техническом обслуживании и Соглашению с «третьей стороной» о хранении ядерных арсеналов [8, 12; 22, 2].

Для европейских стран проблема модернизации носителей тактических ядерных ракет связана с тем, что к 2015 г. будет исчерпан ресурс у части европейских бомбардировщиков, способных нести ядерное оружие США. В настоящее время для Германии и Италии эту роль выполняют многоцелевые боевые самолеты «Торнадо», для Нидерландов и Бельгии — F-16. Обе модели самолетов планируется вывести из эксплуатации в течение следующего десятилетия. В Германии «Торнадо» должны быть сняты с эксплуатации к 2015 г. [20]. Предусматривается переоснащение ракет В-61 под самолеты F-35, а закупка данного типа самолетов ляжет серьезным бременем на бюджеты Германии и других стран. Неоднократное продление сроков эксплуатации авиации, отвечающей за доставку ракет В-61, говорит в первую очередь о неготовности ряда стран Европы участвовать в дальнейшем финансировании данного проекта.

К этому следует добавить, что данный тип тактического оружия является объектом повышенной опасности. Небольшой размер ракет, а также отсутствие современных систем электронной защиты могут сделать их вероятным объектом кражи, а их малая мощность провоцирует соблазн использования в ограниченных войнах [21]. Различные европейские неправительственные орга-

низации, выступающие против ядерного оружия и хранения ядерных арсеналов США на территории Европы, обращают на это внимание. В частности, бельгийские активисты антиядерного движения осуществили демонстративное несанкционированное проникновение на территорию хранилища тактического ядерного оружия [16].

Активное обсуждение вывода тактических ядерных вооружений США с территории Европы началось с заявлений бывшего госсекретаря США Джорджа Шульца, бывшего министра обороны Уильяма Перри, бывшего председателя Сената по делам Вооруженных сил Сэма Нанна и бывшего советника по национальной безопасности Генри Киссинджера в 2007 г., опубликованных в «Уолл Стрит Джорнал» (Wall Street Journal) [5]. Бывшие высокопоставленные чиновники призвали ко всеобщему разоружению и обратили внимание на несовершенство современных систем хранения ядерных боеприпасов. Эта инициатива вызвала широкое обсуждение вопросов о будущем ядерного оружия и необходимости разоружения.

Первой из европейских стран НАТО на данную инициативу отреагировала Германия. В апреле 2009 г. министр иностранных дел Франк-Вальтер Штайнмайер, председатель Социал-демократической партии, призвал канцлера Германии Ангелу Меркель к выводу ядерных арсеналов, которые, по его мнению, являются устаревшими [4, 58]. Позиция Германии в данном вопросе встретила поддержку руководства других европейских стран — участниц НАТО: Норвегии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга [Там же]. В апреле 2010 г. президент США Б. Обама, выступая в Праге, призвал ко всеобщему разоружению, что вызвало, в свою очередь, всплеск дискуссий среди экспертов и политиков относительно будущего тактического ядерного оружия в Европе.

Следует отметить, что официальные документы НАТО указывают на значимость ядерных арсеналов в поддержании системы безопасности в регионе. НАТО не отказывается от концепции ядерного сдерживания. Однако речь идет о ядерных арсеналах НАТО в целом, без упоминания особой роли тактического ядерного оружия [23].

Европейские члены НАТО разделились на три лагеря в вопросе сохранения или вывода тактического ядерного оружия с территории Европы. Первая группа стран, состоящих преимущественно из старожилов НАТО, поддерживает вывод данных арсеналов с территории Европы. Инициатива вывода тактического ядерного оружия с территории Европы была поддержана Нидерландами, Норвегией, Бельгией, Люксембургом и др. [12]. Вторая группа включает новые страны — участницы НАТО из Восточной Европы, которые резко выступили против инициативы Германии. В ответ на инициативу Германии семь новых стран — участниц НАТО: Польша, Словакия, Чехия, страны Балтии и Венгрия — осудили одностороннюю инициативу Германии и призвали к сохранению статус-кво по хранению тактического ядерного оружия в Европе [9]. Третья группа стран, к примеру, Италия, Турция, Греция, сохраняют нейтралитет в этой дискуссии. Большинство экспертов, политиков и население Европы убеждены, что тактическое ядерное оружие не является необходимым для сдерживания России или кого-либо еще [11, 13, 24, 25, 27].

Западные эксперты в течение 2010–2012 гг. выстраивали различные сценарии дальнейшего развития ситуации с тактическим ядерным оружием. Среди них можно выделить три основных [13, 24, 28]: передислокация снарядов на территорию США, передислокация снарядов на территорию Турции и Италии, сохранение статус-кво с осуществлением параллельной модернизации ядерных арсеналов. Создается впечатление, что возобладает третий сценарий.

Большинство экспертов отмечают, что данное оружие действительно не является необходимым для поддержания безопасности региона, и главная его роль — чисто символическая. Тактическое ядерное оружие является «символом трансатлантической сплоченности» стран — участниц НАТО, а также гарантом «привязки» США к Европейскому региону. Без тактического ядерного оружия в Европе Группа ядерного планирования потеряет всякий смысл, а европейцы утратят рычаги воздействия на американскую внешнюю политику [18, 21].

Для стран Восточной и Центральной Европы, которые совсем недавно стали странами — участницами НАТО, тактическое ядерное оружие обладает еще одним символическим смыслом. Участие в европейских экономических и военных блоках для бывших стран — членов Организации Варшавского договора означает некое символическое признание их как части Европы, их равноправие в рамках европейских блоков, что является важным при формировании их новой европейской идентичности. Тактическое ядерное оружие для этих стран является значимым элементом их участия в НАТО. Во время дискуссии о расширении НАТО в конце 1990-х гг. при приеме новых членов НАТО в 1997 г. было принято негласное решение о запретах для новых членов НАТО: «нет» — их участию в Группе ядерного планирования, «нет» — размещению тактического ядерного оружия на их территории, «нет» — изменению ядерной доктрины НАТО и «нет» — их участию в ядерном планировании НАТО [9, 12]. Данные ограничения были связаны с необходимостью выстраивания и согласования отношений с Россией. Таким образом, новые члены НАТО оказались изначально ущемленными в своих правах в Североатлантическом альянсе. Одностороннее решение «старожилов» НАТО в пользу вывода тактического ядерного оружия вызвало бурную негативную реакцию со стороны новых членов. С их точки зрения, после 1997 г. позиция России в отношении НАТО кардинально изменилась. Отсюда ранние договоренности об ограничениях для новых членов НАТО себя исчерпали. Вывод тактического ядерного оружия открывает угрозу безопасности восточноевропейским странам НАТО со стороны России.

Символическое значение тактического ядерного оружия в Европе также связано с его ролью в переговорном процессе о сокращении стратегических и нестратегических вооружений между США и РФ. В 2010 г. на совещании министров иностранных дел стран — участниц НАТО в Таллине впервые обсуждался вопрос о статусе данного оружия [14]. Государственный секретарь США Хилари Клинтон заявила, что США не готовы в одностороннем порядке сокращать свои тактические арсеналы в Европе. Это должно стать совместным решением США и РФ [15]. Таким образом, США предлагают увязать между

собой вывод тактического ядерного оружия с территории Европы с сокращением Россией своих стратегических вооружений. В свою очередь, Россия сохраняет свои арсеналы для того, чтобы побудить США на ведение переговоров по сокращению ядерных вооружений США в Европе. В данном случае мы имеем дело с «эффектом плацебо» [6], т. е. тактическое ядерное оружие превращается в нечто более значимое, чем является на самом деле.

Действительно ли роль тактического ядерного оружия сводится к символической? С какой целью США собираются финансировать модернизацию того, что подлежит впоследствии уничтожению? Сегодня этими вопросами озадачены эксперты как европейских стран — участниц НАТО, так и неправительственных организаций.

Переоснащение тактического ядерного оружия в Европе активно обсуждается в европейской, американской и российской научной среде. Одни утверждают, что республиканская партия, недовольная результатами переговорного процесса по новому СНВ, лоббировала увеличение бюджета на модернизацию ядерных арсеналов США, в том числе и на В-61, ракеты, преимущественно размещенные в Европе. «Это своего рода ультиматум — либо Россия сидит за круглым столом, забыв о своих условиях о выводе тактического оружия, либо ядерное оружие и инфраструктура будут модернизированы и останутся в Европе в течение длительного времени. США посылает сигнал — ни финансовый обвал, ни идеи безъядерного мира, ни левые и зеленые движения не повлияют на принятие решения о судьбе тактических вооружений» [2]. Эту позицию США подтвердил Генеральный секретарь НАТО в ходе своей лекции в Чатман Хаус в декабре 2012 г. [19].

Российские эксперты высказывают опасения, что США пытаются втянуть РФ в новую гонку вооружений. «Возникает неприятная пауза в переговорах, свидетельствующая о том, что у нас нет никаких базовых соглашений, нет правил игры в Евро-Атлантическом регионе. И это тревожно», — утверждает ведущий научный сотрудник Института проблем международной безопасности РАН Алексей Фененко [1]. «При этом, по всем подсчетам, у России как минимум в 10 раз больше ТЯО (тактического ядерного оружия. — Е. М.), а может, и в 15. Оно весьма разнообразно», — заявляет руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН академик Алексей Арбатов [Там же]. Европейские эксперты выражают недовольство, что решение принимается без участия собственно европейцев [26].

Однако, если вернуться к встрече в Таллине, где вопрос о тактическом ядерном оружии обсуждался впервые на уровне министров иностранных дел НАТО, а не в рамках Группы ядерного планирования, как обычно, то следует отметить достижение согласованного решения, суть которого сводится к тому, что ни одна из стран — участниц НАТО не сможет в одностороннем порядке принимать решения по тактическому ядерному оружию [15]. Вопрос о тактическом ядерном оружии обсуждался на саммите НАТО в Чикаго, где был принят документ «Обзор состояния и сдерживания в обороне» (Deterrence and Defence Posture Review). В п. 12 данного документа ставится задача разработки концепций, нацеленных на максимальное вовлечение союзников, входящих

в группу ядерного планирования, в разделение ядерного бремени, а также в принятие решений о сокращении американского нестратегического ядерного оружия, размещенного в Европе [3].

В феврале 2013 г. в рамках НАТО был сформирован новый орган — Специальный совещательный и консультативный комитет по вопросам контроля за вооружениями, разоружением и нераспространением (Special Advisory and Consultative Arms Control, Disarmament and Non-Proliferation Committee) [17], целью которого является достижение доверия с Россией по вопросам тактического ядерного оружия и ведение переговоров о сокращении ядерных вооружений. Принципиальное решение о создании такого органа было принято на Чикагском саммите НАТО в мае 2012 г. Складывается впечатление, что союзники по НАТО согласовали свою позицию по модернизации тактического ядерного оружия, а США в своем бюджете уже заложили финансовые основы для выполнения принятого решения. На основании вышеприведенного можно предположить, что создание Специального комитета осуществлено для того, чтобы в рамках переговоров с Россией отойти от двустороннего противостояния в пользу многостороннего с участием всех стран НАТО [7].

Тема тактического ядерного оружия, размещенного в Европе, остается одной из наиболее дискуссионной как в европейской, так и в американской профессиональной среде. Активная фаза дискуссий о будущем тактического ядерного оружия проявилась в 2008–2009 гг. и продолжается до сих пор. Увеличение расходов на оборону США, в том числе и на переоснащение тактического ядерного оружия, вызвало новые интерпретации и предположения. В начале 1990-х гг. США без широкой огласки вывели с территории Европы большую часть арсеналов тактического ядерного оружия, оставив около 200 ракет. В тот момент действия США не вызвали широкой дискуссии. Однако сегодня те же самые 180–200 ракет провоцируют широкие дебаты как по вопросам ядерной стратегии США в Европе, так и по взаимоотношениям между США и Россией в области разоружения. Международное экспертное сообщество надеется, что рациональный подход возобладает над субъективно-символическим и переоснащение данного оружия не вызовет новой эскалации противостояния между Россией и США.

1. Циллорик Д. США втягивают РФ в новую военную гонку // Независимое военное обозрение, 24 апр. 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://nvo.ng.ru/world/2013-04-23/1_usa.html (дата обращения: 11.05.2013).

2. Akulov A. John Kerry Comes to Russia: US Tactical Nukes Stay in Europe // Strategic Culture Foundation, 06 May, 2013 [Electronic resource]. URL: <http://www.strategic-culture.org/news/2013/05/06/kerry-comes-russia-us-tactical-nukes-stay-in-europe.html> (дата обращения: 11.05.2013).

3. Deterrence and Defence Posture Review. Press Release. 2012. 063 (Iss. on 20 May) [Electronic resource]. URL: http://www.nato.int/cps/en/SID-D2530093-661337FA/natolive/official_texts_87597.htm?mode=pressrelease (дата обращения: 11.05.2013).

4. Fitzpatrick M. How Europeans view tactical nuclear weapons on their continent // Bulletin of the Atomic Scientists. 2011. 67:57. P. 57–65.

5. *Shultz G. P., Perry W. J., Kissinger H. A., Nunn S.* A World Free of Nuclear Weapons // The Wall Street Journal. 2007. Jan. P. A15.
6. *Xanthe H.* The Placebo Effect – US tactical nuclear weapons in Europe / International Physicians for the Prevention of Nuclear War, 5 May, 2011 [Electronic resource]. URL: <http://peaceandhealthblog.com/2011/05/05/the-placebo-effect-us-tactical-nuclear-weapons-in-europe/> (дата обращения: 11.05.2013).
7. *Ingram P.* Engaging Russia on Tactical Nuclear Weapons: Next steps on confidence building / Themes Arising from the Brussels Seminar on Engaging Russia on Tactical Nuclear Weapons, Apr. 2013 // British American Security Information Council & Friedrich Ebert Stiftung [Electronic resource]. URL: brussels-apr13-themes.pdf (дата обращения: 11.05.2013).
8. *Kristensen H. M. U. S.* Nuclear Weapons in Europe. A review of Post-Cold War Policy, Force Levels, and War Planning // Natural Resources Defense Council. 2005. Febr. P. 9–11.
9. *Kulesa L.* Polish and Central European Priorities for NATO's Future Nuclear Policy // Ingream., Meier o. Reducing the Role of Tactical Nuclear Weapons in Europe: Perspectives and Proposals on the NATO Policy Debate, May 2011. P. 12–18 [Electronic resource]. URL: http://www.armscontrol.org/system/files/Tactical_Nuclear_Report_May_11.pdf (дата обращения: 11.05.2013).
10. *Larkin Br. U. S.* Developing Guided Tactical Nuclear Weapon for Europe // Edinburch Peace & Justice Centre. 2013. Apr. 22 [Electronic resource]. URL: <http://peaceandjustice.org.uk/us-developing-guided-tactical-nuclear-weapon-for-europe/> (дата обращения: 11.05.2013).
11. *Chalmers M., Lunn S.* NATO's Tactical Nuclear Dilemma // Occasional Paper // Royal United Service Institute. 2010. P. 2.
12. *Miller Fr., Robertson G., Schake K.* Germany opens Pandora's Box // Centre fo European Reform [Electronic resource]. URL: bn_pandora_final_8feb10.pdf (дата обращения: 11.05.2013).
13. *Pomper M., Potter W., Sokov N.* Reducing Tactical Nuclear Weapons in Europe // Survival. 2010. 52, 1 (February – March). P. 80.
14. Ministers discuss future of NATO's nuclear policy and prospects for missile defence, 23 Apr. 2010 [Electronic resource]. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/news_62852.htm? (дата обращения: 11.05.2013).
15. NATO nuclear reform off the menu in Tallinn // NATO Watch, № 9. May 2010. P. 5 [Electronic resource]. URL: http://www.natowatch.org/sites/default/files/NATO_Watch_Observatory_No.9_0.pdf (дата обращения: 11.05.2013).
16. Nuclear Terrorism: proof of concept // Bombspotting [Electronic resource]. URL: <http://www.vredesactie.be/item.php?id=235> (дата обращения: 11.05.2013).
17. *Oliver M.* NATO agrees on new arms control body // Arms Control Now. Febr. 26, 2013 [Electronic resource]. URL: <http://armscontrolnow.org/2013/02/26/nato-agrees-on-new-arms-control-body/> (дата обращения: 11.05.2013).
18. *Pomper M. A., Potter W., Sokov N.* Reducing and Regulating Tactical (Nonstrategic) Nuclear Weapons in Europe // The James Martin Center for Nonproliferation Studies [Electronic resource]. URL: http://cns.miis.edu/orapers/pdfs/tnw_europe.pdf (дата обращения: 11.05.2013).
19. *Rasmussen A. F.* NATO – delivering security in the 21st century. Speech by NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen, Chatham House, London [Electronic resource]. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_88886.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 11.05.2013).
20. *Schmidt O.* The Utility of U.S. Tactical Nuclear Weapons in NATO: A European Perspective [Electronic resource]. URL: <http://carnegieendowment.org/2010/04/27/utility-of-u.s.-tactical-nuclear-weapons-in-nato> (дата обращения: 11.05.2013).
21. *Sokov N.* Tactical Nuclear Weapons (TNW) // Nuclear Threat Initiative [Electronic resource]. URL: <http://www.nti.org/analysis/articles/tactical-nuclear-weapons/> (дата обращения: 11.05.2013).
22. *Spagnuolo L.* NATO nuclear burden sharing and NPT obligations // BASIC Getting to Zero Papers Number 13. P. 2.

23. Strategic Concept. For the Defence and Security of The Members of the North Atlantic Treaty Organisation, Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Lisbon, 19–20 Apr. [Electronic resource]. URL: http://www.nato.int/nato_static/assets/pdf/pdf_publications/20120214_strategic-concept-2010-eng.pdf / (дата обращения: 11.05.2013).

24. *Sauer T., Zwaan B. V.* U. S. Tactical Nuclear Weapons In Europe After NATO's Lisbon Summit: Why Their Withdrawal Is Desirable and Feasible // Discussion Paper. 2011. 05. P. 25.

25. *Sauer T.* U. S. Tactical Nuclear Weapons: A European Perspective // Bull. of the Atomic Scientists. 2010. P. 65–75.

26. U. S. Developing Guided Tactical Nuclear Weapons for Europe // Scrap Trident, 22 April 2013 [Electronic resource]. URL: <http://scraptrident.org/682/> (дата обращения: 11.05.2013).

27. *Willbert Van Der Zeiden.* NATO nuclear weapons and the Defence abd Deterrence Posture Review: a non-consensual debate [Electronic resource]. URL: <http://www.opendemocracy.net/opensecurity/wilbert-van-der-zeijden/nato-nuclear-weapons-and-defence-and-deterrence-posture-review> (дата обращения: 11.05.2013).

28. *Willbert V. D. Z.* Susi Snyder and Peter Paul Ekker Exit Strategies. The case for redefining NATO consensus on U. S. TNW. Apr. 2012. P. 9–14.

Рукопись поступила в редакцию 12 сентября 2013 г.

УДК 623:355.019.1 + 327.57

П. А. Синовец

РОССИЯ – США: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДВУХСТОРОННЕГО ДИАЛОГА В ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

В статье рассматриваются ключевые проблемы военно-стратегического диалога между Российской Федерацией и Соединенными Штатами, а также их влияние на будущее переговоров по сокращению стратегических ядерных вооружений. Наибольшее внимание уделяется анализу так называемой проблемы ПРО в контексте российской позиции, анализируется также вопрос современного дисбаланса между Россией и НАТО по высокоточным конвенционным вооружениям. Предлагается ряд вариантов преодоления тупика в диалоге РФ и США за счет выработки совместного компромиссного подхода, основанного на взаимоучете наступательных и оборонительных видов вооружений.

К л ю ч е в ы е с л о в а: международная безопасность, противоракетная оборона, высокоточные вооружения, стратегические вооружения, нестратегическое ядерное оружие.

Амбициозная программа «глобального ядерного нуля», заявленная президентом Бараком Обамой в 2009 г., к началу второй президентской каденции столкнулась с рядом проблем и препятствий. Одна из таких основных проблем – продолжение диалога с Российской Федерацией по дальнейшему сокращению стратегических вооружений. Соответствующая договоренность существовала между Москвой и Вашингтоном в 2010 г., к моменту заключения Нового договора СНВ. По логике, через десять лет его должен сменить дого-

вор, обязывающий стороны к более существенным сокращениям ядерных арсеналов [11].

Нынешняя позиция Москвы по данному вопросу существенно отличается от американской; согласно аргументам российского руководства дальнейшие сокращения ядерных вооружений окажут негативное влияние на состояние ядерного сдерживания государства [3].

Целью статьи является определение ключевых препятствий на пути диалога РФ и США в области дальнейшего сокращения стратегических вооружений в контексте выработки автором определенных рекомендаций в этом направлении.

Необходимо отметить, что проблемы российской стратегической политики широко рассматриваются как в российской, так и в американской литературе. Среди трудов российских экспертов следует указать монографии и статьи А. Арбатова [1, 12], В. Дворкина [10], Е. Мясникова [7], В. Есина [5, 20], А. Рогова, В. Ярыныча, П. Золотарева [20] и других ученых. Американские работы в данном направлении представлены такими авторами, как С. Цимбала и П. Райнов [14], Н. Соков [21], К. Либер и Д. Пресс [16] и др.

В то же время, невзирая на большой массив аналитических работ, посвященных анализу российской стратегической ядерной политике, трудов на тему разрешения конкретных практических проблем российско-американского стратегического диалога достаточно немного, что подтверждает актуальность данного исследования.

Прежде всего, для того чтобы реалистично оценить нынешнюю позицию Москвы, следует проанализировать ряд вопросов, ставших ключевыми для ее оформления. В частности, особо важной нам представляется так называемая проблема ПРО, а именно противоречия Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки в области противоракетной обороны, которые следует рассматривать в контексте ситуации развития российской ракетной отрасли в постбиполярный период. Также будет упомянута проблема отставания России по обычным вооружениям, что в определенной степени влияет на позицию государства по сохранению нестратегического ядерного оружия.

Истоки так называемой проблемы ПРО необходимо искать еще в Договоре об ограничении систем противоракетной обороны, который СССР и США подписали в 1972 г. Договор (наряду с Протоколом 1974 г.) фиксировал отказ обоих государств от создания стратегических систем защиты, что стало своеобразным символом стратегического паритета между Москвой и Вашингтоном в годы холодной войны [4].

Несмотря на очевидное изменение геополитических реалий после распада СССР, выход США из Договора в 2001 г. был воспринят Российской Федерацией как удар по стратегическому равновесию, которое, как и в годы холодной войны, все еще фиксирует паритет ядерных арсеналов РФ и США.

На сегодняшний день администрация президента Обамы говорит лишь о развертывании систем ПРО ТВД в Европе, однако исторический опыт свидетельствует о достаточной условности разделения систем ПРО на стратегические и тактические. В истории уже имеются прецеденты, когда развертывание

тактической ПРО или ПРО театра военных действий (ТВД) США со временем превращалось в развитие систем стратегических.

В частности, в 1990-е гг. разработка и наращивание американских систем ПРО ТВД способствовала инициированию Вашингтоном дискуссии о необходимости внесения поправок в Договор 1972 г., который администрация Клинтона все еще признавала «краеугольным камнем стратегической стабильности».

Проблема разграничения систем ПРО была предметом обсуждения на всех российско-американских встречах на высшем уровне, состоявшихся в 1995–1997 гг.

В итоге по Соглашению о демаркации систем противоракетной обороны, подписанному марте 1997 г., нестратегической признавалась любая система, которая не была испытана против стратегической цели, и соответственно ограничения Договора о ПРО на нее не распространялись [23].

Соглашение никак не сдерживало развертывания космических компонентов в случае, если было заявлено, что они являются компонентами нестратегических систем ПРО. Отсутствие ограничений на космические компоненты оставляло государствам определенную лазейку для размещения в космосе систем обнаружения целей, а также возможного наведения на них перехватчиков. Как уже отмечалось, развертывание таких систем позволяет качественно изменить возможности нестратегических противоракетных систем, фактически переводя их в разряд стратегических. Следовательно, указанное соглашение практически полностью отменило основные положения Договора по ПРО [1, 46].

После прихода к власти президента Дж. Буша-младшего разграничение систем ПРО на национальную (т. е. стратегическую) и ПРО ТВД было отменено — обе системы интегрировали в «многоуровневую систему ПРО» [24]. Это значит, что любая ПРО ТВД, установленная на территории государств Европы, впоследствии может быть преобразована в стратегическую систему ПРО.

Именно опасение потенциального воздействия американской системы ПРО на стратегические ядерные возможности Москвы становится первоочередной для России с 2007 г., когда администрация Дж. Буша, а потом Б. Обамы поочередно предложили вначале расширить американскую систему ПРО на европейский континент, а затем создать Европейскую ПРО ТВД [15]. И хотя на сегодняшний день ракетно-ядерные возможности Москвы значительно превосходят заявленные параметры ЕвроПРО, у России нет гарантий того, что в будущем эта система не разрастется до уровня, способного нанести удар по ее ядерному сдерживанию.

Возможно, будущая конфигурация ПРО НАТО и не провоцировала бы столь серьезной озабоченности со стороны России, однако ситуация, в которой находятся стратегические ядерные силы РФ, выглядит довольно драматичной. Анализ состояния российских ядерных сил демонстрирует, что в течение первого двадцатилетия, последовавшего после окончания холодной войны, Москве удалось модернизировать лишь около 10 % своих стратегических ядерных сил (СЯС), остальные 90 % были произведены еще в рамках Совет-

ского Союза и постепенно срок их эксплуатации заканчивается [18]. Известно, в частности, что только утрата Украины, как основного производителя стратегических МБР в Советском Союзе, стоила России колоссальных средств, поскольку требовала воссоздания ракетной промышленности в собственных границах практически с нуля.

В конце 1990-х гг. американский эксперт Брюс Блэр, оценивая прогрессивную динамику упадка российских СЯС, выразил мнение, что неожиданная атака США сможет уничтожить все ядерные силы РФ. Исключением, по мнению Блэра, могли бы стать нескольких десятков мобильных межконтинентальных баллистических ракет (МБР), а также ракет на подводных лодках, не способных, однако, нанести Вашингтону реальный ущерб вследствие общих повреждений инфраструктуры и утери центральным руководством контроля за ракетами [13].

Почти десять лет спустя Кейр Либер и Дэррил Пресс отмечают по-прежнему высокий уровень уязвимости российских СЯС. Согласно их расчетам внезапная ядерная атака США приведет к тотальному разрушению ядерного потенциала Москвы – как результат его стремительного сокращения в 1990-е гг. Окончание эксплуатационных сроков советских ракет и отсутствие адекватных темпов замены на новые привело к тому, что в начале XXI в. уровни ядерных сил РФ по сравнению с советским периодом составили: 39 % тяжелых бомбардировщиков, 58 % МБР и 80 % БРПЛ [16, 22].

Статья Либера и Пресса была широко раскритикована как российскими, так и американскими экспертами, отмечавшими, что линейное конвертирование ракет в возможности является методологически неверным, равно как и оценка ядерного сдерживания через призму подобного анализа [18]. Во времена Карибского кризиса, по некоторым оценкам, соотношение ядерных сил между Москвой и Вашингтоном было 1 : 7, что тем не менее, с одной стороны, не помешало Советскому Союзу развернуть ракеты на Кубе, а с другой, удержало США от атаки острова, которая могла бы спровоцировать большую ядерную войну.

Сергей Крейдин и Виктор Сухорутченко выдвигают тезис о том, что даже одна ядерная боеголовка, гарантированно доставленная к цели, позволяет сохранить необходимый для сдерживания баланс страха, обеспечивающий «заданный» ущерб (т. е. потенциальный уровень разрушений, способный сдерживать противника от агрессии). Более того, по мнению ученых, Россия сможет нанести США даже «неприемлемый» ущерб, если, например, отталкиваться от критерия Брауна в 200 доставленных к цели боеголовок. Всего лишь две подводные лодки, несущие по 100 боеголовок каждая при 50 % уровне поражения уничтожат 100 целей соответственно, еще 100 пораженных целей будет обеспечено за счет 200 единиц наземной компоненты ударного потенциала [22, 14].

Тем не менее расчеты военных чаще всего основываются не на минималистских показателях, тем более что к 2020 г. Россия, вследствие деградации стратегических носителей, впервые за последние сорок пять лет утратит даже условный ядерный паритет с США.

Специалисты отмечают, что впервые в истории Москва будет вынуждена приложить большие усилия для того, чтобы удержать свои СЯС в рамках Договора СНВ-3, поскольку благодаря снятию с боевого дежурства советских МБР SS-18 (созданных еще на производствах советской Украины) количество российских ракет уменьшится примерно в три раза, т. е. окажется на уровне не 600 единиц (как в 2010 г.), а только 230. Ситуация аналогична также для стратегических подводных лодок РФ, которых в 2020 г. Москва будет считать 3–4 (соответственно с 30–44 единицами баллистических ракет на них). Для сравнения: приблизительные показатели США в 2020 г. составят 420 МБР и 12 подводных лодок с 240 БРПЛ. Такая ситуация сохранится примерно до 2028 г., т. е. в течение примерно десяти лет Россия будет практически в два раза более уязвимой, нежели США, что усугубит еще и размещение натовских систем ПРО в Европе [12, 21]. Впервые за последние пятьдесят лет даже приблизительное стратегическое равновесие между Россией и США будет резко нарушено, что не может не беспокоить Москву, поскольку ядерное оружие со времен распада СССР и по текущий момент остается одним из главных политических козырей России.

Кроме того, такие процессы, как расширение НАТО, операция Альянса против Югославии в 1999 г., а также выход США из Договора о противоракетной обороне 1972 г. привели к росту опасений в России, что ее геополитические позиции и потенциал ядерного сдерживания находятся в опасности.

Чашу российского терпения переполнил отказ Альянса от создания совместной системы ПРО по российскому проекту, который российские коллеги рассматривали как некую страховку от возможных будущих действий НАТО. Россия выступала за создание ЕвроПРО по принципу «двойного ключа», согласно которому обе стороны должны принимать коллективное решение о сбивании вражеских ракет, кроме того, за Москвой будет закреплена свой сектор ответственности. В этой системе Россия отвечала бы за безопасность воздушного и космического пространства своих ближайших соседей — Польши, Литвы, Латвии и Эстонии, оставляя Альянсу ответственность за остальную часть Европы [9].

Стремление Москвы сделать ПРО взаимозависимой объясняется прежде всего тем, что только такая конфигурация системы ПРО обеспечила бы РФ четкую гарантию того, что она никогда не будет направлена против Москвы, соответственно не подорвет ее стратегического потенциала. Кроме того, помимо создания совместной системы ПРО, предложения уже неактуального на сегодняшний день, Россия поныне требует от НАТО юридически обязывающих гарантий того, что будущая система ПРО не нанесет ущерб ее стратегическому сдерживанию.

Нынешняя позиция НАТО состоит в том, что Брюссель не готов предоставить России юридические гарантии ограничений будущей европейской системы ПРО как по техническим, так и по политическим причинам. Технически невозможно гарантировать, что возможности системы ПРО будут ограничиваться лишь пределами Альянса. В свою очередь, политически США уже дали своим союзникам понять, что твердо намерены создать совместную евро-

атлантическую систему ПРО и отступить от этой цели не намерены [9]. Впрочем, Россию не устроит даже изменение позиции США по вопросу ПРО, если это изменение никак не будет зафиксировано юридически, т. е. не будет нести для Вашингтона никаких обязывающих последствий.

Ту же линию Москва продолжает и на нынешних переговорах по сокращению стратегических вооружений, которые вместе с оборонными системами и составляют диалектику ядерного сдерживания.

Российская сторона настаивает на включении в будущие переговоры всех вопросов, которые могут повлиять на баланс сил между США и НАТО, с одной стороны, и Россией – с другой. Помимо ядерных вооружений это система противоракетной обороны, а также обычные высокоточные вооружения большого радиуса. Серьезные опасения Москвы вызывают планы НАТО по наращиванию системы ПРО [2] (их не развеяло даже недавнее решение Вашингтона отказаться от финального этапа развертывания ЕвроПРО, заменив его размещением дополнительных противоракет на территории США), а также возможности новейших высокоточных вооружений Соединенных Штатов и их союзников [12, 20]. В частности, серьезное опасение вызывает появившаяся в США в последнее десятилетие доктрина «мгновенного глобального удара» (*global prompt strike*), которая предполагает возможность нанесения противнику точного обезоруживающего удара конвенционными военными средствами, в какой бы точке мира этот противник ни находился. Российское руководство опасается, что подобные конвенционные возможности США, в ситуации конфликта без объявления ядерной войны, смогут сыграть критическую роль в уничтожении российских вооруженных сил [17].

Указанные опасения являются ощутимым препятствием на пути к любому конструктивному диалогу в области контроля над вооружениями.

В основе сомнений Москвы лежит ее уверенность в том, что ядерное оружие играет роль ключевого противовеса превосходству Запада в других, прежде всего неядерных, видах вооружений. К примеру, сегодня российские нестратегические ядерные вооружения фактически заполняют разрыв между Россией и США в сфере высокоточных конвенционных вооружений (ВО). Наибольшей угрозой для себя Россия признает военные операции НАТО в Европе с массированным привлечением ВО, и российские эксперты нередко выражают мнение, что ракеты с ядерными боеголовками могут быть использованы для блокирования массированной атаки ВО [8]. Более того, их можно использовать как дополнительный механизм сдерживания любой конвенциональной атаки с привлечением высокоточных обычных вооружений.

Соответственно российское руководство не видит возможностей существенно сокращать ядерные арсеналы, по крайней мере до тех пор, пока между сторонами не будет достигнуто совокупное военное равновесие. При этом акцент Вашингтона на сокращение лишь ядерных видов вооружений представляется Москвой как не соответствующий духу нынешних российско-американских отношений и ориентированный на нейтрализацию российской обороноспособности [6, 51].

Чтобы идти вперед, необходимо ответить на вопрос, обладают ли США вариантами умерить российские опасения без того, чтобы пожертвовать интересами собственной национальной безопасности.

На сегодняшний день ресурсы классического ядерного сдерживания (сдерживания путем возмездия) достаточно ограничены для противостояния новым угрозам, с которыми сталкиваются Соединенные Штаты. Более эффективной стратегией в данном случае считается сдерживание путем разубеждения (*deterrence by denial*), которое значительно снижает его мотивацию к нападению [19, 94]. Для миссий, которые сегодня выполняют США, система ПРО и обычные высокоточные вооружения представляются куда более адекватными средствами, поскольку они, с одной стороны, снижают потенциальную эффективность атаки оппонента, а с другой, позволяют применить силу без обращения к ядерной угрозе. Однако тот факт, что основные регионы стратегической озабоченности США (Иран, например) расположены в непосредственной географической близости от России, означает, что эти средства в определенной степени затрагивают также безопасность Москвы. Они усиливают чувство оборонной уязвимости, поскольку способны, по крайней мере теоретически, понизить убедительность ядерного сдерживания РФ. Таким образом, США и НАТО невольно выглядят как сторона, подрывающая возможность Москвы «взаимного гарантированного уничтожения», которая со времен холодной войны считается основой стратегической стабильности. Страх утратить относительный стратегический паритет с США заставляет российские военные и политические круги опасаться новых раундов сокращений ядерного оружия.

Логическим выходом из данного тупика было бы объединение элементов стратегического равновесия, в которых заинтересованы обе стороны. Основная проблема состоит в асимметричности приоритетов каждой из сторон: США меньше заинтересованы в сохранении ядерных возможностей, в то время как Россия (по крайней мере до тех пор, пока не завершится процесс модернизации ее конвенционных вооружений) продолжает настаивать на их сохранении. Нестандартным решением было бы объединить их в две группы, что помогло бы преодолеть тупик в нынешних переговорах России и США по сокращению наступательных ядерных вооружений.

Первое предложение — включить ракетные перехватчики в следующий раунд по обговариваемым уровням ядерных вооружений. Вероятно, существует метод, по которому можно рассчитать соотношение между количеством утвержденных перехватчиков и стратегическими ракетами. Коэффициент соотношения мог бы быть либо один к одному, либо основываться на просчитанной эффективности перехватчиков, например по два или три на одну стратегическую ракету. Таким образом, России будет «компенсирована» система ПРО США, а обе стороны получат возможность более свободно формировать сочетание наступательных и оборонительных вооружений сообразно утвержденному коэффициенту. Точный коэффициент соотношения может быть определен в ходе консультаций технических экспертов по этому поводу.

Второе предложение основано на аналогичном принципе, который предусматривает соотношение между высокоточными обычными вооружениями США

и российским нестратегическим ядерным оружием (НСЯО). Опять же точный коэффициент соотношения должен определяться за столом переговоров — один к одному либо один к трем. Тот факт, что переговорный процесс наконец охватит НСЯО и высокоточные вооружения, станет позитивным шагом по снижению озабоченности США и РФ относительно арсеналов друг друга. В частности, будет поддержана инициатива президента Обамы по включению в следующий раунд переговоров как стратегических, так и нестратегических ядерных вооружений. Эти меры могли бы стать плодотворным началом для дальнейших переговоров по контролю над вооружениями. Также они могли бы быть представлены как промежуточные, действующие до тех пор, пока Россия не возродит возможности симметрично уравновесить американские противоракеты и высокоточные вооружения соответственно, уменьшив собственную опору на ядерные силы.

Таким образом, подводя итоги вышесказанного, можно сделать следующие выводы:

1. Сформированный в годы холодной войны ядерный паритет между Россией и США постепенно размывается в постбиполярный период. Этому в немалой степени способствуют проблемы, связанные с утратой Россией экономической мощи и геополитического влияния Советского Союза, а также советской производственной ракетной базы.

2. Невзирая на ряд существенных проблем, связанных с развитием и поддержанием российских СЯС, на сегодняшний день все еще можно говорить о приблизительном паритете возможностей между Россией и США в ядерной сфере, который, однако, может быть преодолен к 2020 г. в силу как объективных, так и субъективных причин. Среди объективных — прежде всего постепенная деградация старой советской ракетной базы в лице МБР, произведенных на Южном машиностроительном заводе, которые ныне составляют почти половину всего ракетного потенциала РФ и чей ресурс эксплуатации будет завершен примерно к концу нынешнего десятилетия. Из субъективных — развитие высокоточных вооружений США, аналогов которым пока нет в России, а также строительство американской национальной и европейской систем ПРО, потенциально способных в будущем уменьшить эффективность российского ядерного сдерживания.

3. Поскольку ядерный статус на сегодняшний день остается единственным критерием, по которому Россия все еще сохраняет статус сверхдержавы, российское руководство настаивает на сохранении ядерного паритета, пытаясь воздействовать на инициативы США путем их блокирования и привлечения внимания к собственным требованиям в области контроля над вооружениями. Имеются в виду требования по юридическому ограничению развертывания систем ПРО, а также соглашения в области высокоточных вооружений.

4. Предложенные варианты по преодолению препятствий в переговорах по сокращению ядерных вооружений между Россией и США основаны на современных военно-стратегических особенностях каждого из государств и исходят из взаимных уступок. Учет первого и соблюдение второго позволили бы Москве и Вашингтону достичь своих целей, при равном соблюдении взаимных

интересов. Основной проблемой в данном направлении представляется возможность добиться от США юридически обязывающего соглашения, которое могло бы зафиксировать данные компромиссы на международно-правовом уровне.

1. *Арбатов А. Г.* Саммит Путин – Клинтон в процессе СНВ–ПРО // Ядерное распространение. 2000. Вып. 35. С. 44–48.

2. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 21 апреля 2000) // Независимая газета. 2000. 22 апр. № 74.

3. *Гладилин И.* В России, похоже, нашли асимметричный ответ Америке – KM.RU [Электронный ресурс]. URL: <http://www.km.ru/world/2013/04/23/mirovaya-ekspansiya-ssha/709514-v-rossii-pokhozhe-nashli-assimetrichnyi-otvet-ameri> (дата обращения: 23.04.2013).

4. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны. 26 мая 1972 [Электронный ресурс]. URL: www.armscontrol.ru/start/rus/docs/abm-treaty.htm (дата обращения: 10.05.2008).

5. *Есин В.* Опасения напрасны. Госдуме не следует затягивать ратификацию американо-российских договоренностей по стратегической стабильности // Независимое военное обозрение. 2002. 31 мая. № 17.

6. *Кортунов С.* Ядерный гамбит Барака Обамы // Индекс безопасности. 2011. № 3 (98). Т. 17. С. 39–56.

7. *Мясников Е.* Сокращения ядерных вооружений США и России и новый договор СНВ : выступление перед студентами на межпредметном семинаре в МФТИ 6 окт. 2010 г. / Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.armscontrol.ru/pubs/em100610.htm> (дата обращения: 15.05.2011).

8. Новая инициатива Обамы неприемлема для России, считает эксперт // РИА новости [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/defense_safety/20130619/944291436.html (дата обращения: 19.06.2013).

9. *Орлов В. А.* Отсутствие совместных проектов усиливает взаимные подозрения // Коммерсантъ. 2011. 20 мая.

10. Россия и дилеммы ядерного разоружения / под ред. А. Г. Арбатова, В. З. Дворкина, С. К. Ознобищева. М., 2012.

11. *Ульянова Ж.* Шире круг. Обама предложил Путину сократить ядерные арсеналы на треть // Газета.ру [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2013/06/19_a_5386933.shtml (дата обращения: 19.06.2013).

12. *Arbatov A.* Gambit or Endgame? The New State of Arms Control // The Carnegie Moscow Papers. 2011. March.

13. *Blair B.* Impact of NMD on Russia Nuclear Security // Report [Electronic resource]. URL: <http://www.cdi.org/hotspots/issuebrief/ch6/index.html> (дата обращения: 13.04.2002).

14. *Cimbala S. J., Rainow P. J.* Russia and Postmodern Deterrence. Washington D.C., 2007.

15. Evolution of Ballistic Missile Defense in Central Europe [Electronic resource]. URL: www.stratfor.com/memberships/168507/analysis/20100803_evolution_ballistic_missile_defense_central_europe (дата обращения: 10.02.2011).

16. *Lieber K. A., Press D. G.* The End Of MAD? The Nuclear Dimension of the US Primacy // International Security. 2006. Vol. 30, № 4. P. 7–44.

17. *Podvig P.* Russia and the Prompt Global Strike Plan // PONARS Policy Memo № 417 [Electronic resource]. URL: <http://russianforces.org/podvig/eng/publications/20061208ponars.shtml> (дата обращения: 05.01.2009).

18. *Podvig P.* Russian Strategic Nuclear Forces. Speaking of Nuclear Primacy [Electronic resource]. URL: http://russianforces.org/blog/2006/03/speaking_of_nuclear_primacy.shtml (дата обращения: 03.03.2008).

19. *Powell R.* Nuclear Deterrence Theory, Nuclear Proliferation and National Missile Defense // International Security. Spring 2003. Vol. 27, № 4. P. 86–118.

20. *Rogov S., Yesin V., Zolotarev P.* Can Russia and USA Jettison Reciprocal Nuclear Deterrence? // Social Sciences. 2005. Vol. 36, № 3. P. 125–149.

21. *Sokov N.* Evolution in Nuclear strategy in US and Russia and its Implications in Arms Control // Proliferation papers, Spring 2003. P. : Institute Francois de relations internationals. P. 18–21.

22. *Suchorutchenko V. V., Kreydin S. V.* Topical Aspects of Nuclear Deterrence and Strategic Nuclear Sufficiency // Military Thought. 2004. Vol. 13, № 3. P. 11–20.

23. *Woolf A. F.* Anti-Ballistic Missile Treaty Demarcation and Succession Agreements: Background and Issues. Updated April 27, 2000 // CRS Report for Congress. The Library of Congress. CKI-17 [Electronic resource]. URL: http://digital.library.unt.edu/ark:/67531/metacrs1351/m1/1/high_res_d/98-496f_2000Apr27.pdf (дата обращения: 05.07.2010).

24. WMD 411 Glossary [Electronic resource]. URL: http://www.nti.org/f_WMD411/gloss.htm (дата обращения: 01.04.2010).

Рукопись поступила в редакцию 12 сентября 2013 г.

УДК 327(470) + 327(510) + 327.57

К. Г. Муратшина

РОССИЯ – КИТАЙ: О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПАРТНЕРСТВА В МЕЖДУНАРОДНОЙ СФЕРЕ (1991–2011)

В статье на основе принятых в течение 20 лет сотрудничества двусторонних документов проанализированы некоторые особенности партнерства РФ и КНР в международной сфере. Автор рассматривает как общее во взглядах сторон, совместные инициативы, так и различия в подходах к некоторым проблемам.

Ключевые слова: РФ, КНР, партнерство, партнерство в международной сфере.

Сотрудничество в международной сфере с начала 90-х гг. XX в. Россия и Китай впервые на четырехвековом пути взаимоотношений осваивали в форме, свободной от союзнических обязательств и идеологических догм. Достаточно длительный период нормализации советско-китайских отношений, предшествовавший началу связей Российской Федерации и КНР, позволил понять важность в постоянно меняющейся международной обстановке согласованных позиций для реализации национальных интересов каждой из стран. Направления и формы сотрудничества, принятые в результате завершения процесса нормализации и зафиксированные советско-китайским Комюнике 1989 г., отвечали представлениям сторон о принципах и новых качествах сотрудничества. СССР декларировал «мир как высшую ценность», готовность «последовательно стремиться к осуществлению реального разоружения, включая ядерное...», выступал за «приоритет общечеловеческих ценностей и мирное соревнование различных социально-экономических систем» (п. 12); КНР подчеркнула свои принципы: «проводить независимую

мирную внешнюю политику, твердо придерживаться принципа не вступать в союз с какой бы то ни было страной» (п. 12) [25, 25–27]. В этих разных формулировках содержатся как общие подходы к сотрудничеству — потребность в сохранении мира, отстаивании суверенитета, права страны на свой путь развития, так и отличия. СССР предложил последовательное разоружение как одну из возможностей сохранения мира, приоритет общечеловеческих ценностей при принятии определенных решений и мирное сосуществование стран с различным общественным строем; для КНР важнее было обозначить «независимую внешнюю политику», отказ от союза. Такой взгляд на международное сотрудничество — у нашей страны более широкий, глобальный, у КНР — направленный на содействие сотрудничеству задачам своих реформ, категорически не приемлющий союз, — сохраняется в значительной степени и по сей день.

За строками Коммюнике объективно стояла заинтересованность двух наций-соседей в мире как условия для развития, нормальной жизни, в отстаивании своих национальных интересов, в необходимости противодействия навязыванию извне воли более сильных стран, в соблюдении принципов международного права и Устава ООН. Не случайно основные положения Коммюнике стали базой первой российско-китайской Совместной декларации об основах взаимоотношений между РФ и КНР 1992 г. [15, 150–152]. В этом документе стороны определили необходимость консультаций по международным вопросам: «Предметом консультаций будут вопросы укрепления мира и безопасности, развитие сотрудничества в Азии и в мире, поиск решений крупных глобальных и региональных проблем» (п. 10). В тексте Декларации перечислены следующие международные проблемы, выделенные партнерами:

— проблема Тайваня. Для КНР в условиях укрепления связей Тайваня с США того периода были важны поддержка Россией тезиса о том, что остров — «неотъемлемая часть территории КНР», и ее обязательство не устанавливать с Тайванем официальных контактов. Россия в п. 5 Декларации четко обозначила свою позицию, оставив за собой право осуществлять экономические, научно-технические, культурные и другие связи с Тайванем на неофициальной основе;

— необходимость понимания новой роли и повышения авторитета ООН, соблюдение принципов ее Устава и международного права;

— поддержание мира и безопасности, предотвращение конфликтов;

— выступление против любых форм гегемонизма и политики силы в АТР и других регионах мира;

— укрепление режима нераспространения ядерного оружия, выступление против любой гонки вооружений.

Такая программа сотрудничества укрепляла положение РФ и КНР, противостояла формированию однополярного мира и освоению США новой роли мирового арбитра. После распада СССР не только США, но и другие страны увидели для себя новые возможности в новой расстановке сил. Последующие годы и события международной жизни показали, насколько важны консультации и согласование позиций сторон, но при этом не менее важно сохранение

равновесия, недопущение сползания России в положение «ведомого», поскольку исчезновение одной сверхдержавы в КНР интерпретировали как начало структурных изменений в мире: «Все государства урегулировали свою внешнюю политику в соответствии с изменившейся расстановкой сил на мировой арене и в зависимости от своего нового положения в системе международных отношений, взаимодействия между крупными государствами вступили в новый этап урегулирования, разделения, объединения» [34, 303–304]. Иными словами, Китай увидел для себя новые возможности, чтобы занять в мире место, соответствующее его потенциалу.

В Совместной декларации 1994 г. [19, 271–273] обозначено несогласие партнеров с ролью США как единственной супердержавы и арбитра в международных делах, в связи с чем стороны обязывались «вносить вклад в формирование стабильного, справедливого и рационального нового политического и экономического порядка» (п. 4), а также решать международные проблемы не только путем мирных переговоров, диалога и консультаций, на основе норм международного права, но и «в духе взаимопонимания и взаимных уступок». Отметим, что китайская сторона ввела в оборот многозначные формулировки без юридического смысла: «справедливо и рационально» и «взаимные уступки». Наряду с другими они стали употребляться без пояснений в совместных российско-китайских документах. Поэтому остается вопрос: кто определяет, что «справедливо и рационально», а что — нет. Формулировка «взаимопонимание и взаимные уступки», на наш взгляд, содержит намек на определенное давление одного партнера и возможность уступок другого ради сохранения отношений.

Цзян Цзэминь выделял необходимость усиливать влияние позиций РФ и КНР в решении международных проблем, «делать тесными консультации и согласование позиций обеих сторон в международных делах» [30, 531]. Б. Н. Ельцин также отмечал, что «отношения с Китаем чрезвычайно важны для нас и с точки зрения глобальной политики. Мы можем опереться на плечо Китая в отношениях с Западом» [1, 419]. Свое видение мира лидеры изложили в Российско-китайской декларации о многополярном мире и формировании нового международного порядка (1997) [13, 382–384]. В документе отмечена «тенденция формирования многополярного мира», выражающаяся в «изменении отношений между крупными государствами», заявляющими о себе «региональными организациями экономического сотрудничества». Стороны осудили «блоковую политику», стремление «проводить политику силы и монополизировать международные дела». «Моделью достижения регионального мира, безопасности и стабильности» было названо Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы, что, впрочем, представляется не совсем корректной оценкой: сокращение вооружений в стокилометровой пограничной зоне на практике коснулось в основном российских вооруженных сил, дислоцированных именно вдоль границы и имеющих позади необжитые районы, в то время как в КНР в стокилометровой зоне располагались в основном гражданские объекты, основной массив китайских ВС дислоцировался в глубине территории.

Как реализовывались на практике продекларированные планы сотрудничества? В начале 90-х гг. XX в. ООН и мировое сообщество пытались способствовать мирному урегулированию конфликтов на территории бывшей Югославии, наблюдалось обострение обстановки в связи с ядерной программой КНДР. По этим событиям Россия и Китай документально не зафиксировали общей позиции. В 1992 г. Россия урегулировала сложный конфликт с попыткой объединения Молдавии и Румынии, при поддержке США занималась денуклеаризацией постсоветского пространства. Во второй половине 90-х гг. Россия прилагала усилия, пытаясь воспрепятствовать принятию в НАТО стран Восточной Европы и остановить продвижение альянса на Восток. В решении этих проблем китайское «плечо» не ощущалось. КНР в эти годы присоединила Гонконг, стала активно участвовать в работе АТЭС и АСЕАН, активизировала свои связи с соседними государствами, создав «пояс добрососедства».

По проблеме расширения НАТО мы не находим в российско-китайских документах того времени четко артикулированной позиции КНР. В КНР обсуждался другой тезис — о «слабой России», «подъем которой США пытаются сдержать... осуществляя вмешательство во внутренние дела РФ в попытке изменить ее нынешнюю внутреннюю и внешнюю политику. С учетом данной ситуации Россия еще более, чем раньше, нуждается в усилении сотрудничества с Китаем на международной арене» [8, 175]. Такой акцент в международном сотрудничестве предполагал определенную зависимость России от внешней политики КНР.

В 2001 г. был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР [4, 143–151], базой которого стали «исторические традиции добрососедства и дружбы между народами», все принятые до него официальные документы. Проект Договора был подготовлен по инициативе Цзян Цзэминя китайскими специалистами. Мы не будем рассматривать подробно этот документ, юридически закрепивший на 20 лет важнейшие направления сотрудничества двух стран, их нацеленность на сохранение дружбы и добрососедства, только обратим внимание на одну из формулировок ст. 6 — «об отсутствии у сторон взаимных территориальных претензий». Как хорошо известно из истории отношений двух стран, у России — СССР — РФ никогда не было территориальных претензий к Китаю, у Китая — были. О претензиях на Владивосток китайские газеты начали писать в годы, когда СССР оказывал Китаю всестороннюю помощь в индустриализации, строительстве, формировании новых отраслей. Н. С. Хрущев в воспоминаниях писал: «Мы получали сведения, что в китайских газетах пишется о том, что китайцы недовольны границами с Советским Союзом, претендуют на Владивосток... Мы говорили об этом в Пекине. Они отвечали: не обращайтесь внимания... Мы верили на слово китайским руководителям» [28, 348–349]. Далее, как известно, о территориальных претензиях заявил Мао Цзэдун, затем — Дэн Сяопин [31, 142–143; 33, 291–295].

Китайские специалисты назвали Договор «программным документом» для РФ и КНР и одновременно образцом «норм взаимоотношений между крупными государствами, благоприятствующим построению нового международ-

ного порядка» [34, 393]. По мнению китайской стороны, Договор «знаменует собой вступление двусторонних отношений в новый этап».

Действительно, Договор 2001 г. завершил первое десятилетие партнерства двух стран, которое можно назвать рабочим десятилетием. Его главные итоги:

— оформление механизма политического сотрудничества — регулярные встречи глав государств и правительств, постоянный диалог министров иностранных дел (кроме визитов регулярными стали встречи на полях крупных международных мероприятий), консультации заместителей министров и глав профильных департаментов МИД;

— определение направлений взаимодействия на мировой арене, вопросов для координации мнений, позиций и т. д.

Что касается практической стороны, то трудно назвать какую-то конкретную крупную акцию, с которой бы партнеры выступили в этот период, скоординировав усилия. И это объясняется не только организационным периодом сотрудничества, но в большей степени особенностями внешней политики обеих стран.

Для России это был нелегкий период, главной задачей которого было, используя все внешнеполитические ресурсы, вписаться в систему международных отношений в статусе мировой державы. Что бы ни писали аналитики на Западе и на Востоке о «неуверенной позиции» России, «шарахании», «отсутствии внешнеполитической стратегии» и т. д., мы зафиксировали результат: задачу Россия выполнила. И пусть ее политика временами не была сбалансированной в отношении Запада и Востока, но оба вектора присутствовали в ней постоянно. Сегодня можно сказать, что в те годы внешнеполитическая идеология реанимировалась, укреплялось понимание политики России, зафиксированное позже в Концепции внешней политики РФ (2008): «Отличительная черта российской внешней политики — ее сбалансированность и многовекторность... это обусловлено геополитическим положением России как крупнейшей евразийской державы» [7]. В 2012 г. В. В. Путин на совещании послов и постпредов России вновь подчеркнул: внешняя политика России, самостоятельная, независимая и последовательная, «сохраняет преемственность и отражает уникальную, сформировавшуюся за века роль нашей страны в мировых делах и в развитии мировой цивилизации» [14].

Вторая, на наш взгляд, важнейшая характеристика российской политики в первое десятилетие партнерства — ее активность. Сравнивая политику РФ и КНР, Бобо Ло из Центра европейских реформ (Лондон) писал об этом периоде, что, имея «преимущественно региональные возможности, Россия обладает глобальными устремлениями», в то время как КНР «сохраняет региональный менталитет, несмотря на увеличивающиеся глобальные возможности» [2].

Внешняя политика КНР в этот период, на наш взгляд, отвечала как характеру решаемых ее реформами задач, так и стратегии, в основе которой — эволюция, а не революционные скачки и повороты. В докладе XVII съезду КПК (2007) Ху Цзиньтао обозначил генетическую связь современной внешней политики со всей предшествующей, со времен образования КНР. Он подчеркнул, что поколения, «ядром» которых были Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, Цзян

Цзэминь, последовательно ведут политику реформ и открытости [5]. В работах Мао Цзэдуна разных лет содержатся планы и задачи «сплочения в деле построения независимого, свободного, демократического, единого, богатого и могучего Нового Китая» [10, 460]. В сентябре 2011 г. в КНР широко отмечалась 35-я годовщина со дня смерти Мао Цзэдуна. СМИ писали о «глубоких чувствах к председателю», благодарности, испытываемой «теперь, когда жизнь стала лучше» [11]. Дэн Сяопин продолжил стратегию великодержавного курса, в которой на данный период главным было обеспечить «обстановку длительного международного мира».

Цзян Цзэминь проводил политику в русле намеченного, укрепляя отношения с соседними странами, крупными державами и государствами третьего мира. При этом внешняя политика была целиком подчинена задачам реформирования страны. В отношении России усилия КНР были направлены на укрепление связей лидеров, расширение числа участников диалога, изучение возможностей партнера.

Теория международных отношений рассматривает четыре стадии «дружественности» и развития сотрудничества: консультативную, предполагающую регулярный обмен информацией по широкому кругу проблем; координационную, когда за обменом мнениями может последовать согласование позиций; коалиционную — с выработкой общей позиции и стратегии, т. е. определением программы совместных действий; интеграцию, когда партнеры берут на себя взаимные обязательства [26, 119–121]. В соответствии с такой теоретической схемой Россия и Китай в первом десятилетии находились на первой стадии. В Совместном заявлении президента РФ и председателя КНР в связи с 10-летием Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР [20] сотрудничество в международной сфере отмечается как «пример выстраивания гармоничных, конструктивных, равноправных, доверительных и взаимовыгодных отношений», ставших «весомым фактором международной жизни, способствующим формированию нового миропорядка». Поставлены задачи на следующий период: «Осуществлять более плотную координацию в международных и региональных делах, наращивать сотрудничество в рамках ООН, Группы двадцати и других многосторонних форматов, развивать такие механизмы сотрудничества, как ШОС, БРИКС, РИК».

Во втором десятилетии партнерства в международных делах обе стороны перешли от деклараций к инициативам и совместным действиям. Особенностью этого периода стало его четкое деление на этап до мирового финансового кризиса (2002–2007) и кризисные и посткризисные годы (2008–2011). Обе страны во второе десятилетие возглавили новые лидеры — В. В. Путин и Ху Цзиньтао.

Во время визита в Пекин в 2000 г. в интервью российскому ТВ и китайским СМИ В. В. Путин отметил общее для обеих стран «стремление к поддержке и укреплению многополярного мира, совместные усилия в области сохранения стратегического равновесия и баланса в мире, а также создание условий для мирного, поступательного и эффективного развития обоих государств» [27]. Позже, в 2001 г., выступая в МИДе перед послами РФ, В. В. Пу-

тин подчеркнул: «У нас не может быть ни западного, ни восточного крена. Реальность в том, что у державы с таким геополитическим положением, как Россия, национальные интересы есть везде. Такую линию надо последовательно продолжать» [3].

Таким образом, новый этап российско-китайского партнерства и в целом его второе десятилетие отличались определенностью направлений и большей четкостью принципов внешней политики РФ. Принятые концепции национальной безопасности, оборонной и внешней политики, а также некоторые уроки, извлеченные из практики партнерства с КНР, формирующееся общественное мнение о ходе взаимодействия двух стран, требовали более жесткого отстаивания национальных интересов, реагирования на внешние угрозы, выхода с собственными инициативами, и все это — в условиях многовекторности политики.

Китай также активизировал свою внешнюю политику: укреплялось его положение регионального лидера, он стал активнее участвовать в международных организациях в АТР, хотя, как отмечает, например, Г. Киссинджер, внешняя политика страны избегала резких движений, и многие «призывы извне» Китай оставлял без внимания, поскольку главной задачей оставались «поддержание мирного окружения и доступ к сырьевым ресурсам для обеспечения постоянного экономического развития» [32, 490].

В 2003 г. Китай выдвинул концепцию «мирного возвышения», которая должна была продемонстрировать миру стремление КНР только к мирному развитию. Но в этой формулировке на Западе обратили внимание на второе слово — «возвышение», которое прочитали как заявку КНР на мировое лидерство. Уже в 2004 г. эта формулировка исчезла из арсенала официальной китайской пропаганды, после XVII съезда КПК появилась конфуцианская идея гармонии. В отчетном докладе съезду Ху Цзиньтао указал на особую миссию Китая в деле сохранения мира: «Развитие Китая неотделимо от всего мира, а процветание и стабильность всего мира, в свою очередь, — от Китая...» [5].

В 2006 г. в ходе Боаоского азиатского форума Китай презентовал себя в качестве мощной региональной державы со своей зоной ответственности. В докладе заместителя председателя КНР Цзэн Цинхуна прозвучало, что Китай — крупнейшая развивающаяся страна, а Азия — крупнейший развивающийся регион, «гармония и процветание Азии тесно связаны с Китаем». Китай, придерживаясь курса «делать соседям добро и быть их партнером, проводя политику дружить, мирно сосуществовать и богатеть вместе с соседями», будет прилагать максимум усилий для развития механизма регионального сотрудничества, обеспечивающего «взаимную выгоду и общий выигрыш» [29].

Официальные российско-китайские документы о международном сотрудничестве 2005–2008 гг. основное внимание уделяют прежним проблемам и подходам к их решению. В Совместной декларации о международном порядке в XXI в. [17, 332–338] ООН названа «центром выработки и воплощения основополагающих норм международного права» (п. 3), ее миротворческие операции должны соответствовать целям и принципам Устава ООН. «Важной силой» в мире названы развивающиеся страны, которым, как считают Россия

и Китай, нельзя «навязывать извне модели социального и политического развития» (п. 5, 7). В Декларации заявлено, что «способом развития международной ситуации» является «региональная интеграция» в противовес блокам (п. 10). А международные отношения РФ и КНР «нового типа вносят вклад в становление нового мирового порядка».

В Совместной декларации 2008 г. [18] в продолжение оценки роли развивающихся стран говорится о готовности сторон укреплять взаимодействие Группы восьми, БРИК, РИК с лидерами развивающихся стран, чтобы находить «согласованные ответы на вызовы и угрозы глобальной и региональной безопасности и устойчивому развитию» (п. 11). Высказано предложение развитым странам «увеличить помощь» развивающимся, создать им «благоприятные внешние условия для развития».

Новыми темами стали призыв «активизировать диалог и координацию деятельности в энергетической сфере», чтобы стабилизировать международные рынки поставок и потребления энергоресурсов (п. 7), а также вопросы охраны природы, изменения климата (п. 6). Во всех документах отмечается также «возрастающая роль ШОС» в борьбе против терроризма и распространения наркотиков, в стабилизации безопасности в ЦА и АТР. В Декларации подтверждено, что стороны выступают «против размещения оружия в космосе и гонки космических вооружений, подчеркивают важность подготовки соответствующего международно-правового акта» (п. 5). Ранее, в 2002 г., стороны выступили с инициативой по заключению международной договоренности о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве (п. VI) [16, 220–231]. В начале 2008 г. российский министр иностранных дел обнародовал на конференции ООН по разоружению в Женеве российско-китайский проект договора о демилитаризации космоса. С. В. Лавров пояснил, что новый договор предполагает запрет на использование любого вида оружия и вводит запрет на применение силы против космических объектов. США не выразили готовности обсуждать принятие документа.

Во время начавшегося мирового финансового кризиса 2008 г. на первый план вышли вопросы реформирования МВФ, Всемирного банка. Отмечалось, что позиции России и Китая «в анализе причин, вызвавших глобальный финансово-экономический кризис, их подходы к реформированию международной финансовой системы и международных финансовых организаций близки или совпадают» [23]. Но при анализе документов этого периода становится очевидной важность для Китая поддержки России, которая усиливала его позицию. Это относится к положению о повышении роли «права голоса и представительства новых развивающихся рынков и развивающихся государств в международных финансовых структурах» [Там же], усилении роли Группы двадцати [21] как «главного форума международного экономического сотрудничества» в противовес Группе восьми, «проведении всеми странами скоординированной... макроэкономической политики» [Там же].

В этом смысле интересна оценка трансформации поведения Китая на международной арене американского специалиста по стратегии и геополитике Э. Люттвака. Он считает, что «начиная с 2008 г. китайская политика резко

изменилась, и наиболее вероятной причиной стал взрыв высокомерия» [9, 362]. Э. Люттвак иллюстрирует изменение поведения КНР после быстрого и успешного выхода из мирового финансового кризиса примерами «оживления Китаем спящих» территориальных споров в Южно-Китайском море, споров с Индией, Японией. Он выводит «стратегический итог» нового поведения Китая: «правительства соседних стран стали гораздо более бдительными, а некоторые, хотя и осторожно, начинают сплачиваться против Китая... Даже русские стали для Китая озабоченным и насторожившимся соседом» [Там же, 363, 365].

В этой связи следует заметить, что в документах кризисных лет, с российской стороны подписанных президентом Д. А. Медведевым, содержатся некоторые односторонние оценки КНР действий России на международной арене — по разработке Договора о европейской безопасности [21], отношениям со странами СНГ («КНР подтверждает поддержку усилий РФ по развитию сотрудничества и интеграции на пространстве СНГ») [24]. Эти оценки могут восприниматься нашей стороной как излишнее внимание к политике России, проводимой в зонах ее исконных национальных интересов. В то же время для России была бы важна поддержка ее политики в Закавказье в отношении не признанных Китаем Абхазии и Южной Осетии.

Тем не менее мы можем отметить расширение спектра международных вопросов, по которым РФ и КНР обозначили схожие позиции на этапе кризиса. Это и Заявление против пересмотра итогов Второй мировой войны, героизации нацистов, милитаристов и их пособников, поддержка антитеррористической стратегии ООН, попытки не допустить вооруженного конфликта в Ливии и скоординированная позиция при голосовании в СБ ООН по Сирии, осуждение чрезмерного давления на Иран, участие в переговорах по ядерной программе КНДР. Декларируется также общий взгляд на вопросы нового миропорядка и общей безопасности. Стороны придерживаются близких позиций по вопросам реформирования ООН и СБ ООН, при активном участии РФ и КНР создана Комиссия по миростроительству. Партнеры участвовали в создании Совета по правам человека ООН.

В региональном сотрудничестве сформировался общий взгляд на безопасность в АТР, роль многосторонних объединений и их взаимодействие, хотя на практике КНР предпочитает решать многие проблемы в двустороннем формате, как, например, проблему территориальных споров в Южно-Китайском море и с Японией из-за островов Сэнкаку (Дяюйдао).

Большой потенциал заложен для сотрудничества партнеров в рамках ШОС, РИК и БРИКС — начиная с получения новых возможностей для развития и кончая возможностью координации позиций на саммитах Группы двадцати и других форумах.

Достижением 20 лет партнерства в международной сфере следует считать создание механизма сотрудничества. Сюда относятся регулярные встречи глав государств, а также ставшие обязательными их встречи на полях саммитов. Только за последнее десятилетие руководители РФ и КНР провели более 40 личных встреч. Не прерывается диалог министров иностранных дел, работает система постоянных консультаций на уровне их заместителей и глав

департаментов МИД. С некоторой осторожностью мы можем сказать, что сотрудничество РФ и КНР в международной сфере вступило во вторую стадию — координации действий. Поле для общей деятельности достаточно большое.

Мы также можем отметить и появление точек несовпадения интересов. Например, некоторые двусторонние проекты КНР в Центральной Азии ущемляют российские интересы в зоне ее традиционного влияния, в то же время деятельность ЕвразЭС и ОДКБ некоторые исследователи в КНР представляют как определенное противопоставление ШОС, а Таможенный союз «размывает» китайскую идею о свободной экономической зоне в ЦА. Другой пример: в 2012 г. после всех усилий по решению «оставшихся от истории» вопросов согласования линии границы на отдельных участках вдруг появились новые предложения КНР по уточнению прохождения линии границы. В ходе проведения «полевых работ» первой совместной проверки линии государственной границы между РФ и КНР на территории Республики Алтай (как проверки установленных ранее пограничных знаков, так и возможности поставить дополнительные знаки) «китайская сторона настаивала на смещении линии границы в глубь территории России примерно на 17 га» [6]. Население Республики Алтай было взбудоражено этим требованием КНР, в Москве у посольства КНР 24 октября 2012 г. прошла акция протеста. МИД РФ лишь отметил, что «для уточнения мест установки пограничных знаков российские и китайские специалисты проведут там необходимые измерения. Такие измерения и установка знаков при участии представителей органов власти приграничных территорий, специалистов в области геодезии и картографии, а также пограничников двух государств намечены на лето 2013 г.» [12]. «Проверки линии границы» были предусмотрены Совместным заявлением глав государств 2012 г., в которое вписан пункт по «углублению взаимодействия в районе общей границы, в том числе по совместной проверке ее линии» [22]. Алтайский инцидент воспринимается как некая попытка поиска китайской стороной новых «спорных участков».

В целом же можно говорить о наступлении с 2012 г. нового этапа в развитии российско-китайского партнерства в международной сфере, на котором Китай будет проводить более активную внешнюю политику и позиция его будет зависеть от многих заслуживающих отдельного исследования факторов, таких как противодействие усилению активности США в АТР, необходимость поиска новых источников энергоресурсов, учет общественного мнения с его агрессивной риторикой касательно территориальных споров в АТР и общего повышения роли КНР в региональных и глобальных процессах.

1. Бажанов Е. П. Актуальные проблемы международных отношений. М., 2002. Т. 2.

2. Бобо Ло. «Постоянная перезагрузка» Китая // Россия в глобальной политике. 2010. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Postoyannaya-perezagruzka-Kitaya-15017> (дата обращения: 18.11.2012).

3. Встреча В. В. Путина с послами и постоянными представителями Российской Федерации за рубежом [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2001/01/26/0000_type63378_28464.shtml (дата обращения: 06.10.2010).

4. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Сборник российско-китайских документов, 1999–2007. М., 2007.
5. Доклад Ху Цзиньтао XVII съезду КПК [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6283847.html> (дата обращения: 07.11.2007).
6. Китай претендует на «российскую площадь» на границе в Горном Алтае [Электронный ресурс]. URL: <http://altapress.ru/story/91547/> (дата обращения: 22.12.2012).
7. Концепция внешней политики Российской Федерации. 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml> (дата обращения: 25.04.2010).
8. Ли Цзинцзе. Китайско-российские отношения: импульсы, проблемы, перспективы // Развитие и углубление стратегического взаимодействия России с Китаем. М., 2009.
9. Люттвак Э. Стратегия. Логика войны и мира. М., 2012.
10. Мао Цзэдун. Политический отчет ЦК КПК VII съезду КПК 24 апреля 1945 г. М., 1953. Т. 4.
11. О 35-й годовщине со дня смерти Мао Цзэдуна // Вестн. Азия ИТАР-ТАСС. 2011. 12 сент.
12. О ходе первой совместной проверки линии российско-китайской государственной границы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ln.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/c32577ca0017458644257aca0045de34!OpenDocument> (дата обращения: 05.01.2013).
13. Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка // Сборник российско-китайских договоров, 1949–1999. М., 1999.
14. Совещание послов и постоянных представителей России 9 июля 2012 года [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/15902> (дата обращения: 18.09.2012).
15. Совместная декларация об основах взаимоотношений между РФ и КНР 1992 г. // Сборник российско-китайских договоров.
16. Совместная декларация РФ и КНР // Там же.
17. Совместная декларация РФ и КНР о международном порядке в XXI веке // Там же.
18. Совместная декларация КНР и РФ по основным международным вопросам. 23 мая 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/xwtdt/t459410.htm> (дата обращения: 15.11.2009).
19. Совместная российско-китайская декларация 1994 г. // Сборник российско-китайских договоров, 1949–1999.
20. Совместное заявление президента РФ и председателя КНР в связи с 10-летием Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР [Электронный ресурс]. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/966 (дата обращения: 02.12.2012).
21. Совместное заявление РФ и КНР о всестороннем углублении российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/gb/t757139.htm> (дата обращения: 25.01.2011).
22. Совместное заявление РФ и КНР о дальнейшем углублении российско-китайских отношений всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия [Электронный ресурс]. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1230 (дата обращения: 19.12.2012).
23. Совместное китайско-российское заявление об итогах встречи на высшем уровне в Москве [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/gb/t568465.htm> (дата обращения: 25.01.2011).
24. Совместное заявление РФ и КНР по текущей ситуации в мире и основным международным вопросам. 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/967 (дата обращения: 19.12.2012).

25. Совместное советско-китайское коммюнике // Вестн. МИД СССР. 1989. № 11.
26. Современная мировая политика / под ред. А. Д. Богатурова. М., 2009.
27. Текст телеинтервью президента РФ В. В. Путина корреспондентам китайской газеты «Жэньминь Жибао», агентства «Синьхуа» и «РТР», 12 июля 2000 года, Москва [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ln.mid.ru/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985f4325699c003b6021?OpenDocument> (дата обращения: 06.10.2010)
28. Хрущев Н. С. Воспоминания. М., 2007.
29. Цзэн Цинхун: Китай намерен вместе со странами Азии более тесно поддерживать взаимное сотрудничество [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/233641.htm> (дата обращения: 18.06.2010).
30. Цзян Цзэминь. Объединить усилия в борьбе за формирование справедливого и рационального нового международного порядка // О социализме с китайской спецификой. М., 2004. Т. 3.
31. Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. М., 2009.
32. Kissinger H. On China. Penguin books, 2012.
33. Дэн Сяопин. Вэнь сюань (Избранные произведения). Бэйцзин, 1993. Т. 3.
34. Ян Чуан, Гао Фэй, Фэн Юйцзюнь. Бай нянь чжун э гуаньси (Сто лет отношений Китая и России). Бэйцзин, 2006.

Рукопись поступила в редакцию 12 сентября 2013 г.

ТРЕНДЫ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

УДК 316.776 + 32.019.52 + 342.8

В. А. Гуторов

СМИ КАК АКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: ЭВОЛЮЦИЯ ЗАПАДНЫХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в. (часть 2)

В статье анализируются теоретические вопросы эволюции западных политологических концепций функционирования СМИ в либеральных демократиях во второй половине XX в. Сформировавшись после Второй мировой войны в политической науке США и Западной Европы, они стали играть определяющую роль в том сегменте мирового научного дискурса, который связан с анализом структур современных массовых и политических коммуникаций. Во второй части статьи особое внимание уделяется особенностям интерпретации в политической науке США и Западной Европы концепции политического актора применительно к СМИ. Исследуются также принципиально важные вопросы трансформации медиакомплексов в ведущих державах мира и их превращения в важнейший фактор президентских и парламентских избирательных кампаний. Осуществляется анализ соотношения роли СМИ, принадлежащих частным компаниям, промышленным монополиям и банкам, и тех медиакомплексов, которые контролируются государством. Исследуются современные типологии средств массовой коммуникации, в частности их теоретическое обоснование в западной политической науке и политической социологии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: массовые и политические коммуникации, политический анализ, средства массовой информации, общественное мнение, политические идеологии, политические процессы, государство, корпорации, избирательные кампании, манипулятивные технологии.

Концепция «политического актора» в применении к СМИ и вообще к любой «структурной единице», участвующей в политическом процессе — от государства, партии до индивида, — предполагает наличие *наблюдаемого действия*, имеющего вполне определенную цель. Сами действия и цели могут быть обдуманными или же возникают спонтанно. Тем не менее именно их

единство позволяет установить, кем является то действующее лицо, которое заинтересовано в реализации этой, а не какой-либо иной цели [73, 20]. Представленный в первой части данной статьи краткий анализ концепций политического процесса и политических коммуникаций позволяет в целом сделать вывод о том, что большинство современных специалистов уже давно отбросили мысль о «минимальном воздействии» СМИ и постоянно подчеркивают определяющее влияние передаваемой ими информации на формирование представлений о политике вообще и политических приоритетах в частности [48, 49, 63, 70, 71, 77].

Исследование во второй половине XX в. основных свойств телевидения, радио и прессы в качестве активных участников внутренней и международной политики с неизбежностью приводило к постановке тех же настоятельных вопросов, которые задают исследователи СМИ и в первом десятилетии XXI в.:

а) в каком именно плане структуры СМИ предопределяют причины и характер развития политических процессов или же их следует рассматривать только в качестве «приводных ремней» более мощных политических сил?

б) являются ли СМИ автономными акторами, осуществляющими влияние на взгляды, мнения и лозунги партий и отдельных индивидов, или же они являются только выразителями официальных или «неформальных» точек зрения стоящих за ними групп интересов?

в) способствует ли деятельность СМИ в современных, чрезвычайно сложных обществах формированию новых свойств и качеств общественного мнения, могут ли они обеспечить многообразие в информационном поле, создав таким образом «рынок идей», о котором мечтают либеральные теоретики, или же речь идет об униформистских тенденциях, превращающих плюрализм мнений лишь в пустую видимость и мишуру, скрывающую стремление правящей элиты манипулировать общественным сознанием, используя возможности современных технологий [1, 156–157; 2; 3, 378–385; 4, 172–174; 8; 14; 71, Ch. 9, 10; 73, 23; ср.: 74, Ch.1, 5]?

Все поставленные выше вопросы как бы формулировали определенные концептуальные подходы, в которых так или иначе отражалось негативное или позитивное восприятие СМИ. В свою очередь, отсутствие единства, свидетельствовавшее о различных ценностных ориентациях исследователей, направлений и целых школ, само по себе было выражением следующей простой констатации: СМИ не могут быть нейтральными в ценностном плане, степень их объективности во многом определяется конфликтным характером развития политических процессов с неизбежным многообразием структуры политических ориентаций различных социальных групп и движений, интересы которых они представляют даже в том случае, когда они стремятся выступать в роли посредника. Принятие данной констатации в качестве исходной гипотезы влечет за собой постановку вопроса о самих источниках и целях манипуляции, под которой понимается «скрытое управление политическим сознанием и поведением людей с целью принудить их действовать (или бездействовать) вопреки собственным интересам», основанное «на систематическом внедрении в массовое сознание социально-политических мифов — иллюзор-

ных идей, утверждающих определенные ценности и нормы и воспринимаемых преимущественно на веру, без рационального, критического осмысления» [18, 11].

Исходные импульсы манипуляций обычно ассоциируются в научной литературе и общественном сознании с действиями правительства, политических партий, групп интересов, криминальных группировок и, наконец, с владельцами отдельных СМИ, которые могут входить или не входить в любую из упомянутых выше структур. Эмпирические социологические исследования уже давно выявили, например, совершенно определенное соответствие редакционных статей в газетах и журналах, телепередач и радиорепортажей (особенно в период выборов) интересам участвующих в избирательных кампаниях политических партий, правительственных чиновников, отдельных влиятельных лидеров и т. д. [72, 74].

Сам факт, что правительственные чиновники часто являются основным источником сведений для журналистов и стремятся контролировать информационные потоки, также всегда считался бесспорным. Например, в 1973 г. американский политолог Л. Сигал установил, что около половины сообщений и аналитических материалов, регулярно появлявшихся на первой странице таких крупнейших газет, как «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост», выражали мнение правительства, превращая сами издания в разновидность официозов [26, ср.: 37, 42, 80, 82]. В 1992 г. Д. Хэллин подтвердил статистическую неизменность отношений чиновников с американской прессой, показав на многих примерах проправительственную ориентацию СМИ, проявившуюся, в частности, во время войны в Персидском заливе (1991). «Достаточно только подумать о том, — писал он, — как изменялся образ режима Саддама Хусейна, как этот образ окрашивался из союзнического во вражеские тона, чтобы понять, насколько официальная политика все еще определяет характер новостей. Более того, американские журналисты пока еще чувствуют себя более комфортно скорее в роли репортера, чем комментатора» [44, 18].

Впрочем, нередко отношения «независимых СМИ» и правительства могут приобретать весьма причудливые формы, как, например, это случилось во время «буддистского кризиса», внезапно разразившегося в США летом 1963 г. Поддерживаемое администрацией Д. Кеннеди южновьетнамское правительство Нго Динь Дьема организовало вооруженный рейд против своих противников, укрывавшихся в буддистских пагодах, вызвав тем самым столь острый внутривнутриполитический кризис, что американские чиновники не успели организовать сколько-нибудь связное изложение новостей об этом событии. Американское посольство в Сайгоне приписывало рейд самому Нго Динь Дьему и его брату, Госдепартамент США оправдывал Дьема, обвиняя южновьетнамскую армию. Американская пресса оказалась в неловком положении, ссылаясь на два «объективных» правительственных источника, излагавших совершенно разные версии одного и того же события. В конце концов «Нью-Йорк таймс» не нашла ничего лучшего, как опубликовать 23 августа 1963 г. обе версии на первой полосе, извинившись перед читателями за возникшую несообразность.

Этот прецедент на протяжении долгих лет обсуждался журналистами и учеными в рамках дискуссии вокруг так называемой «теории монополии», согласно которой газеты, журналы и телепрограммы являются только орудиями правительственной пропаганды, а предоставляемая ими информация — лишь поверхностью, под которой «лежит более глубокая реальность» [43, 13; см. также: 37, 38, 45, 53].

«Теория монополии» разделялась, конечно, далеко не всеми специалистами. Признавая бесспорность самих фактов зависимости передаваемой СМИ информации от государственной политики, противники этой теории ссылались на специфику «логики сбора новостей» — недостаток времени, «узость» доступных источников и т. д., предопределяющих их видимую неполноту, а часто и необъективность [73, 22]. Другим аргументом, часто приводимым в 1990-е гг. против упомянутой выше теории, являлось субъективное чувство автономии, которым обладают многие журналисты, работающие даже в проправительственных изданиях. По мнению одного из наиболее авторитетных исследователей американских СМИ Б. Пейджа, само по себе право главных редакторов нанимать, продвигать, увольнять журналистов и, естественно, надзирать за ними, переделывать представленные ими материалы или просто не допускать их в печать, равно как и право владельцев и менеджеров нанимать самих редакторов в соответствии с собственными политическими предпочтениями, обеспечивая таким образом соответствующий подбор журналистской команды, — все это «может быть полностью совместимо с журналистским чувством автономии, особенно если журналисты выбирают прежде всего в соответствии с принципом политической совместимости или же они быстро вычищают и интернизируют то, чего от них ожидают» [Там же, 23].

Такого рода суждения можно было встретить повсеместно в научной литературе, когда затрагивался вопрос о психологической мотивации журналистской деятельности. Следует к тому же отметить, что проблема взаимоотношений журналистов, редакторов, издателей и владельцев СМИ вообще и тема вмешательства последних в редакционную работу с целью проведения определенной политической линии в частности если и не относились к числу совершенно запретных, то были *фактически* маргинальными и не слишком привлекали к себе исследователей. В частности, вплоть до настоящего времени в политической науке США можно назвать не более десятка работ, посвященных механизму политического контроля над СМИ, осуществляемого правительством, менеджерами и владельцами. В их число входят блестящие исследования Б. Багдикиана, Г. Ганса, М. Паренти, выдержавшие несколько изданий, а также диссертации Э. Деверо и Д. Хомского [22, 23, 29, 30, 36, 37, 75, 76], основанные на тщательном анализе аналитических статей в прессе, вольных или невольных признаний боссов СМИ и журналистов в теле- и радиопередачах и особенно мемуарной литературы. Эти работы (диссертации Деверо и Хомского до сих пор остаются неопубликованными!) по-прежнему выглядят одиночками на фоне бесчисленной литературы, всесторонне разрабатывающей популярный в общественном сознании миф о СМИ как о «четвертой ветви власти».

Концепция «четвертой власти», равно как и представление о главной функции СМИ быть «сторожевой собакой общественных интересов», «главным арбитром» в конфликтах государственного аппарата с политическими партиями и гражданами, возникла не только вследствие самого факта существования многочисленной оппозиционной прессы, радио- и телекомпаний, деятельность которых в демократическом государстве гарантирована законом. Например, в Англии традиция независимой оппозиционной печати восходит еще к началу XVIII столетия, т. е. к началу блестящей эпохи английского Просвещения, когда впервые в период борьбы аристократических группировок тори и вигов, возглавляемой Г. Болингброком и Р. Уолполом, последний, став в 1715 г. премьер-министром правительства вигов, санкционировал *de facto* свободу литературной полемики. С тех пор политические конфликты «велись, пожалуй, больше через газеты, чем с помощью оружия, стратагем или Тауэра... Новое политическое сообщество черпало свою политическую философию только малыми дозами, которые проглатывались во время сидения в кофейне... Гнев и брань выплескивались на читательскую публику, и политические идеи этого периода можно скорее встретить в газетах и памфлетах, чем в проповедях и философских трактатах» [54, 18–19; см. также: 27].

Во второй половине XX в. «оппозиционными функциями» нередко наделялись все СМИ (за исключением откровенных официозов) в силу упомянутого выше теоретического постулата о «четвертой власти». Данный постулат имел в этот период прочное основание в общественном сознании, будучи подкреплен не только философскими и социологическими аргументами, но и самим бесспорным фактом превращения СМИ в промышленно развитых странах в гигантские комплексы, в которых иногда были заняты десятки тысяч работников. В последние десятилетия прошлого столетия эти комплексы приобрели экономическую самостоятельность и стремились к наращиванию мощи и политического влияния, добившись совершенно определенной независимости как от государственного контроля, так и от многих рекламодателей.

В конечном итоге в развитых странах экономический и политический факторы оказались, особенно после Второй мировой войны, глубоко взаимосвязанными. В США влияние прессы, ее место в обществе были определены еще к 1791 г. принятием первой поправки к конституции, которая, в частности, запрещала издание любого закона, ограничивающего свободу слова или печати. Используя эту поправку, журналисты фактически уравнивали себя с правительственными чиновниками в правах, предпринимая самостоятельные расследования и требуя от государства доступа к информации, недоступной для рядовых граждан. Реализация этих прав оказалась, однако, практически возможной только с приходом эры телевидения, в течение нескольких десятилетий превратившегося в мощный инструмент воздействия на политическую жизнь.

Можно выделить несколько наиболее важных факторов, благодаря которым именно эта страна превратилась в своеобразный полигон, на котором первоначально прошла успешную проверку модель политического процесса, ориентированного преимущественно на телевидение: 1) относительная слабость

политических партий; 2) особая роль телевидения в американской жизни; 3) наличие трех основных телевизионных сетей — ABC (Американская радиовещательная корпорация), CBS (Радиовещательная система Колумбия) и NBC (Национальная радиовещательная корпорация) [34, 43, 44].

Прогрессирующая фрагментация политических партий, утрата влияния местными партийными организациями, нагнетание враждебности между президентскими структурами и конгрессом США усиливали персональный фактор в американской политике [52]. Кандидаты на выборах в конгресс стремились самостоятельно организовывать и проводить собственную политическую кампанию, нередко действуя независимо от партийного аппарата. В этих условиях СМИ становились практически единственной опорой самостоятельно действующих кандидатов, в первую очередь тех, которые были способны изыскивать для своих кампаний крупные финансовые средства. Телевидение оказалось почти идеальным гарантом реализации этих планов. В дальнейшем оно «в значительной степени облегчило президентам возможность обращаться непосредственно к публике “через головы” лидеров конгресса, дав [будущим] кандидатам новый способ привлечения избирателей без обращения к старым партийным окружным лидерам. В определенном плане общественная коммуникация, или, если угодно, пропаганда, стала играть более важную роль в политическом процессе» [44, 17].

Впервые телевидение было использовано для освещения президентской кампании еще в 1952 г. Но подлинным началом его триумфального шествия можно считать 26 сентября 1960 г., когда впервые организованные теледебаты между претендентами на президентское кресло Р. Никсоном и Д. Кеннеди собрали от 70 до 75 млн зрителей. Воздействие телевидения бесспорно стало одним из решающих факторов победы Кеннеди. Проведенные опросы подтвердили, что около 57 % избирателей так или иначе признали воздействие на них теледебатов. Около 6 % избирателей, представлявших 4 млн голосовавших на выборах, открыто «решили бросить свои бюллетени на основе телевизионных передач, и их вердикт равнялся трем голосам к одному за Кеннеди...» [62, 4–5].

Отныне, несмотря на периодические предупреждения ученых о том, что зависимость людей от СМИ является весьма ограниченной, что слушатель, зритель или читатель «не является автоматом, приводимым в действие при помощи импульсов, передаваемых анонимными руководителями СМИ» [29, 344], признание их воздействия на политический процесс стало всеобщим. Окрыленные первоначальным успехом, три ведущие коммерческие телевизионные сети — ABC, CBS и NBC — удвоили в 1963 г. продолжительность основных передач новостей, доведя ее до тридцати минут.

В том же году они в течение четырех дней вели непрерывные прямые передачи в связи с трагической гибелью президента Кеннеди, причем эти передачи шли даже в самые отдаленные районы США. В этом смысле 1963 г. стал поворотным. Сетевое телевидение отныне превратилось в основной источник новостей и информации, доказав на практике свою способность сплотить нацию перед лицом внезапно обрушившейся беды [34].

К 1970-м гг. опросы стали стабильно показывать, что большинство американцев рассматривало телевидение в качестве главного источника информации. Все наиболее влиятельные газеты и журналы стали переходить к обороне и готовиться вести длительную конкурентную борьбу.

В 1990-е гг. телевидение окончательно стало доминирующим в США информационным фактором: практически 100 % населения имели телевизоры. Большинство американцев имели по два телевизора и более, у 75 % были в своем распоряжении кассетные видеомагнитофоны, владельцы компьютеров составляли одну треть населения. Каждый американец проводил перед телевизором более семи часов, что превышало на три часа среднемировой уровень [34]. Престиж телекомпаний необыкновенно возрос, особенно после того, как всем политикам стало абсолютно ясно, что без доступа к телесетям уже невозможно наладить отношения ни с электоратом, ни даже с истеблишментом. Обращения президентов к населению становятся важнейшим оружием в борьбе с оппозицией в конгрессе, а транслируемые по телевидению теледебаты между претендентами на президентский пост приобретают рутинный характер, превращаясь в почти ритуальную схему. В 1980 г. теледебаты помогли Р. Рейгану ликвидировать четырехпроцентный разрыв в президентской гонке с Дж. Картером, а в дальнейшем и опередить его на пять процентов. Они играли большую роль в последующих избирательных кампаниях, когда между собой боролись Р. Рейган и У. Мондейл (1984), Дж. Буш и Б. Дукакис (1988), Дж. Буш и Б. Клинтон (1992), Б. Клинтон и Р. Доул (1996) [69, 6, 370].

Телекомпании стали играть важную роль в мобилизации общественного мнения. Так, после одного из выступлений Р. Рейгана по национальному телевидению с призывом к гражданам «убедить» своих конгрессменов и сенаторов проголосовать за президентский план сокращения налогов и расходов телефонные линии в конгрессе оказались немедленно перегруженными, а спорный план вскоре прошел через обе его палаты [34].

Именно с 1960-х гг. симбиоз политиков и СМИ поднимается на новую ступень. По мере его нарастания, с одной стороны, укреплялся престиж центральной исполнительной власти, а с другой — усиливалось влияние главных телеканалов, руководители которых стали делать вид, что они проводят вполне самостоятельную политику, хотя сам факт их доминирующей ориентации именно на президентские структуры оставлял телебоссам совсем немного поля для маневра.

Президентам было гарантировано появление на экране во время вечерних новостей. Президенту Л. Джонсону удалось поставить дело так, что телевидение предоставляло ему время немедленно, как только он принимал решение обратиться вечером к народу. Благодаря такой практике уже с 1960-х гг. общение президентов с аудиторией стало обычным и предсказуемым явлением, а телевизионные дебаты (как в дальнейшем и партийные съезды, на которых происходит выдвижение кандидатов в президенты) превратились в масштабные организованные и широко рекламируемые в СМИ шоу.

Аналогичную роль постепенно стали играть пресс-конференции, проводимые в Вашингтоне. Институционализация пресс-конференций как средства информационного влияния правительства на общественное мнение произошла

еще в начале XX в. при президенте В. Вильсоне. После Второй мировой войны рост конкуренции между различными газетами, журналами и радиоконпаниями, которые вскоре начало теснить телевидение, превратил процесс добывания информации «из первых рук» в предприятие, требовавшее изобретательности и азарта. Естественно, наиболее легкие пути получения информации открывались в столице. В конце XX в. в Вашингтоне было аккредитовано более 16 000 корреспондентов, и было бы очень странным, если бы центральная власть не стремилась этим воспользоваться. Уже Д. Кеннеди придавал своим пресс-конференциям ярко выраженный публичный характер. Проводимые в часы пик телевизионных передач, они собирали весь корпус журналистов, аккредитованных при Белом доме.

Возникающая вокруг столицы аура власти постепенно притягивала к себе даже вполне критически мыслящих журналистов, которые стали «находить для себя более удобным быть вместе с властью, чем против нее... Сознавая, что работники СМИ готовы быть совращенными, правители не считали для себя недостойным сыграть роль соблазнительей, привлекая издателей, редакторов и журналистов приглашениями в чарующие круги власти» [75, 229].

В период президентства Рейгана пышные пресс-конференции и помпезные обеды стали чередоваться с сериями неформальных встреч главы государства с небольшими журналистскими группами, состоящими из 8–10 человек. Неформальность таких мини-пресс-конференций подчеркивалась отсутствием магнитофонов и видеоаппаратуры (off the record sessions).

Благодаря такому многообразию средств привлечения массмедиа на свою сторону правительство получало широкие возможности для распространения благоприятной для себя информации и дезинформации, а журналисты все больше преисполнялись той мыслью, что «лучше быть полностью осведомленным, чем полностью честным» [Там же, 239].

Подобному изменению взглядов в немалой степени способствовали огромные средства, расходуемые американским правительством на рекламу: при Р. Никсоне только Пентагон ежегодно тратил на рекламу 80 млн долларов, а к 1990-м гг. общие годовые расходы правительства на эти цели превысили 200 млн долларов [6, 380 сл.; 75, 229].

Хотя главным потребителем правительственных средств являлось телевидение, немало их перепало также и крупнейшим газетам, вынужденным, естественно, оказывать ответные услуги. Американская исследовательница Д. Дэвис подробно описала процесс установления особых отношений между правительством и газетой «Вашингтон пост». В качестве благодарности за доброжелательное освещение официальной политики газете широко предоставлялась интересующая ее информация. В 1970–1990-е гг. в подобный процесс взаимного обмена были втянуты практически все американские СМИ, идентифицирующие себя с истеблишментом и «продававшие частицу своей честности за допуск к источникам, который помогал им выполнять свои задачи по сбору информации» [Там же, 239].

Конечным результатом симбиоза властных структур и СМИ стало не только увеличение манипулятивных возможностей первых, но и значительное возра-

стание самомнения последних, уверовавших в свою способность определять характер политической жизни, диктуя власти приемлемые для обоих решения. Подобная уверенность была небезосновательной, прежде всего потому, что без телевидения уже невозможно было организовать и проводить последовательно сколько-нибудь масштабную политическую кампанию. Благожелательно настроенные СМИ были необходимы и для закрепления победы президентской власти над оппозицией в конгрессе, оттесненной на задний план и к 1970-м гг. ставшей почти незаметной. Такая ситуация возникла потому, что конгресс не имел возможности реагировать на выступления президента, транслируемые телевидением на всю страну. Если оппозиции и давали такую возможность, то обычно не в час пик, когда она не могла уже рассчитывать на большую зрительскую аудиторию. К тому же ответы оппозиции практически никогда не передавали по всем каналам и она никогда не могла играть с президентом на равных. В этих условиях руководители телекомпаний считали для себя возможным брать на себя роль арбитра, попеременно выступая то в роли «лояльной оппозиции» президентской власти, то полностью переходя на ее сторону. Тем самым СМИ становились весьма влиятельным участником политического процесса, причем далеко не беспристрастным.

Подобное положение вещей, естественно, не могло устраивать оппозиционные силы, особенно консервативно настроенную часть истеблишмента. Впервые решительный голос протеста прозвучал в 1969 г. в речи вице-президента С. Агню, обвинившего СМИ в «либеральных перекосах», которые возникли вследствие того, что они оказались в руках небольшой группы предубежденно мыслящих выходцев из северо-восточной части страны, не имеющих связей с простым народом, высокомерно себя ведущих и практически прибравших к рукам общий контроль за всей системой телевидения в США.

Эта речь имела большой резонанс. Тем не менее только к середине 1980-х гг. оппозиция в конгрессе обрела возможность регулярно возражать президенту по телевидению [34]. Усилению роли оппозиции в этот период способствовала в немалой степени и постепенная утрата ведущими коммерческими телесетями монополии на телевидение в результате стремительного расширения поля деятельности альтернативных кабельных сетей.

Появление многочисленных каналов кабельного телевидения (в конце XX в. более 60 процентов американских семей были охвачены его системами и могли выбирать любой из 40 каналов, а иногда и более) привело к утрате влияния политических новостей и шоу, передаваемых центральными телекомпаниями. Если в 1960-е гг. президентские выступления смотрели до 90 процентов избирателей, то в 1990-е гг. — уже менее половины.

Во время президентской кампании 1992 г. уже появилось выражение «старые» и «новые» СМИ, ставшее в наши дни вполне устойчивым [2, 56 сл.; 13, 158 сл.]. Новые СМИ, т. е. кабельные и компьютерные сети, были больше ориентированы на различные возрастные и профессиональные группы, многие представители которых были весьма скептически настроены к политическим лозунгам республиканцев и демократов. Теперь, вместо ожидания встречи с аудиторией на телеканалах, политики оказались вынужденными сами

заняться ее поисками. Так, президент Б. Клинтон стал первым, кто рискнул использовать новые СМИ, несколько раз появившись перед аудиторией сети MTV (передающей преимущественно музыкальные видеофильмы для подростков и молодежи) и на других специфических каналах. Во время президентской кампании этот апробированный сценарий повторялся уже сотни раз.

Переориентация политиков на новые СМИ не означала автоматической утраты влияния центральным телевидением, но лишь свидетельствовала о постепенно развивающемся процессе фрагментации избирательных кампаний, об их перемещении из центра в провинцию. Работа кандидатов с местными станциями снижала начальное напряжение, открывая возможность для более широких маневров. Такого рода смещение политического процесса оказалось еще более оправданным после того, как был установлен эмпирически, а в дальнейшем подвергся более глубокой теоретической проверке факт крайней амбивалентности отношений между президентской властью и СМИ.

Проявляя явно выраженную заинтересованность в установлении тесных отношений с любым правящим президентом вне зависимости от его партийной принадлежности, будучи сторонниками сильной «президентской вертикали», СМИ одновременно не проявляли ни малейшей заинтересованности в том, чтобы допустивший грубые промахи президент излишне долго засиживался на своем посту. Последняя четверть XX в., ознаменованная в США громкими политическими скандалами, связанными с действиями центральной власти, дала немало свидетельств преследования крупнейшими СМИ тех президентов, которые, по их мнению, не имели шансов поднять свой рейтинг в общественном мнении. Так, вовлеченный в Уотергейтский скандал Р. Никсон стал объектом повышенного критического внимания со стороны центральных телеканалов и газет, что в немалой степени способствовало его быстрой отставке. Столкнувшийся с проблемой заложников в Иране Д. Картер до конца своего президентства уже не мог избавиться от негативной телевизионной критики, превратившей неудачную попытку вооруженного освобождения заложников в крупнейший политический скандал. Одержавший две победы на выборах Р. Рейган к концу второго президентского срока оказался втянутым в скандал, получивший название «Иран-контрас», и быстро ощутил на себе последствия охлаждения СМИ к своей персоне. В итоге в феврале 1988 г. три ведущие телекомпании США отклонили просьбу Белого дома предоставить Р. Рейгану возможность выступить по их каналам на том основании, что его речь наверняка не будет содержать ничего нового и приведет к пустой трате эфирного времени и денег [6, 372].

И наконец, грандиознейший шум, поднявшийся вокруг любовных похождений Б. Клинтона (так же, как Никсон и Рейган, избранного на второй срок), вполне может рассматриваться как своеобразный апогей в отношениях президентской власти и центральных СМИ. Особенность этого скандала состояла в том, что он разразился в период стремительного прогресса новых электронных массмедиа. В результате стараниями прокурора К. Старра и республиканской оппозиции в конгрессе весьма объемистое «дело Моники Левински» (более 400 страниц печатного текста) оказалось запущенным в сеть Internet,

а показания самого президента сделались достоянием телевизионной аудитории, тем самым приблизив в перспективе уже апробированную в 1970-е гг. дилемму «импичмент или добровольная отставка».

Анализируя основные тенденции освещения политики американских президентов в СМИ, специалисты установили совершенно четкий, постоянно воспроизводящийся график: весьма позитивный подход в начальный период, условно называемый «первые сто дней», и вполне благожелательное отношение газет и основных телеканалов к президентам в первый год их пребывания у власти; к третьему году можно уже предугадать менее благожелательный подход к оценке их политики, особенно если деятельность президентов на своем посту не вызывает энтузиазма в общественном мнении; в случае же существенного дополнительного «прокола» сдержанное отношение легко может превратиться в обвинительный шквал, играющий на руку оппозиции [34].

Обрисованная выше система отношений СМИ и политической власти, возникшая в США после Второй мировой войны, как нельзя более контрастно выявила основные элементы той информационной модели, которую в политической науке принято называть *частной*, или *коммерческой* [37, 9; см. также: 23, 44 сл.]. США безусловно являются страной, где эта модель во второй половине XX в. получила особенно сильное развитие. Основные теле- и радиоконпании, крупнейшие газеты и журналы находились в руках частных владельцев. Например, к 1970-м гг. центральные каналы теле- и радиовещания ABC, CBS и NBC контролировались десятью промышленными и финансовыми корпорациями. В их же распоряжении находились 34 вспомогательные телестанции, 201 система кабельного телевидения, 62 радиостанции, 20 компаний звукозаписи, 59 журналов, включая такие крупнейшие журналы, как «Тайм» и «Ньюсуик», 58 газет, включая «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», «Уолл-стрит джорнэл», «Лос-Анджелес таймс», 41 издательство и различные кинокомпании, в том числе «Коламбия Пикчерс» и «Твенти Сенчури Фокс». Крупнейшие банки, такие как «Чейз Манхеттен», «Морган гэрэнти траст», «Ситибэнк» и «Бэнк оф Америка», имели в своем распоряжении три четверти акций главных американских телекомпаний [83, 88].

В этот же период 10 крупнейших газет получали половину доходов от газетного бизнеса во всей стране, 5 конгломератов контролировали 95 процентов выпуска пластинок и магнитофонных кассет, 8 голливудских студий получали 89 процентов доходов от кинобизнеса. Три телевизионные сети контролировали 2/3 доходов телевизионных студий США. На книжном рынке доминировали семь крупнейших издательств [75, 27–28].

Представители крупнейших банков и корпораций были так или иначе представлены в редакционных советах ведущих газет, журналов и правлениях телекомпаний. И наоборот, многие директора на радио, телевидении, руководители газет и издательств являлись партнерами банков, страховых компаний, юридических фирм, университетов и всевозможных фондов. Например, компания «Форд Моторс Компани», годовой доход которой составлял в 1970-е гг. 43 млрд долларов, имела своих представителей в советах директоров таких газет, как «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост» и «Лос-Анджелес таймс» [Там же, 29 sq.].

К концу XX в. тенденция к превращению американских СМИ в собственность крупнейших промышленных и финансовых корпораций не претерпела сколько-нибудь существенных изменений. Такого рода эволюция информационных комплексов приводила непредвзято мыслящих специалистов к выводу о том, что политика, проводимая центральными и большей частью местных СМИ, отвечала в первую очередь интересам крупного бизнеса, напрямую установившего над ними контроль или же навязывавшего свою точку зрения через размещение рекламы. Для большинства стран Западной Европы, где развитие политического процесса осуществлялось на основе сохранения традиций парламентской демократии с ярко выраженной ориентацией больших групп избирателей на мощные политические партии, каждая из которых имела в своем распоряжении партийную прессу, обладавшую влиянием и престижем, ориентация на американскую модель таила немалые угрозы.

Большую роль в стремлении западноевропейских правящих кругов встать на путь поиска новых организационных форм сыграло то важнейшее обстоятельство, что к началу 1990-х гг. Западная Европа постепенно стала утверждаться в новой роли мирового лидера в области развития СМИ. Система передачи международных новостей, собственно, и возникла в Европе в течение XVII–XVIII столетий первоначально в виде «зарубежной корреспонденции», присылаемой, например, в лондонские газеты в виде писем корреспондентов, живших в других европейских городах и бравших материал из местных газет. Постепенно появляется обширная корреспондентская сеть, связывавшая ведущие европейские газеты. В конце XX в. Европейский союз радиовещания (European Broadcasting Union) стал только одним из многочисленных механизмов, объединявших передачу новостей по всей Европе (включая страны Центральной, Восточной Европы и СНГ) и всему миру.

Первый международный европейский (франко-британский) картель, организовавший передачу новостей, возникнув в 1870 г., до сих пор сохраняет свое влияние. В Германии к числу крупнейших относятся DPA — «Немецкое пресс-агентство» (Deutsche Press-Agentur) и ZDF — Второй канал немецкого телевидения (Zweites Deutsches Fernsehen). В 1990-е гг. эти корпорации значительно укрепили влияние в Центральной и Восточной Европе. Испанские агентства новостей, например RTVE — Испанское радио и телевидение (Radio Television Espana), имели прочные корни и в странах Латинской Америки. К началу 1990-х гг. значительно упрочили свое влияние итальянские теле- и радиоконпании, например, такие, как ANSA — Объединенная национальная ассоциация прессы (Associazione Nazionale Stampa Associata) и RAI — Итальянское радио и телевидение (Radio Televisione Italiana) [86, 84 sq.].

В условиях краха СССР и распада биполярного мира в 1990-е гг. Европейский континент оказался тем основным фокусом, на который переместился интерес мировых информационных комплексов. В 1990 г. 944 информационных агентства были представлены в США, 606 — в Брюсселе, 599 — в Великобритании, 562 — в Италии и 558 — во Франции. Из 20 стран, возглавлявших группу лидеров в сфере СМИ, 14 представляли Европу. Хотя американская пресса и телевидение сохраняли достаточное число заказчиков своей

продукции, западноевропейские телекомпании с начала 1990-х гг. успешно начали теснить американских конкурентов на Ближнем Востоке и в Африке [86, 98–99]. В этот период уже нельзя было с полной определенностью ответить на вопрос, какие именно причины предопределяют быструю экспансию западноевропейских СМИ — успешное освоение ими новых технологий или же специфический характер их национальной организации. Например, британская компания ITN — Независимые теленовости (Independent TV News) эффективно использовала возможности, открываемые спутниковым телевидением, компания Visnews являлась ведущей в распространении видеофильмов, компания Reuters была пионером в области компьютеризации международных новостей и т. д.

Процесс интернационализации теле- и радиовещания, создание гигантских европейских медиакартелей скрывали в себе потенциальную опасность подчинения национальных медиаструктур исключительно коммерческим интересам и утраты бесспорных демократических завоеваний, достигнутых во многих странах Западной Европы. Даже если существовавшее положение вещей и не давало оснований для слишком пессимистических прогнозов, тем не менее можно было констатировать возникновение постоянно нарастающих противоречий между ориентацией СМИ на коммерческий успех и демократическим характером политического процесса в этом регионе [93].

В отличие от американской коммерческой модели в Западной Европе утвердились *общественно-правовая* (Великобритания, ФРГ, Италия, Швеция) и государственная организация СМИ. До недавнего времени образцом последней была голлистская Франция. Установление государственной монополии на теле- и радиовещание и контроля над наиболее крупными газетами и журналами при Ш. де Голле и Ж. Помпиду обосновывалось тем теоретическим доводом, что «в многопартийной, плюралистической стране свобода печати реально возможна, если только она подконтрольна правительству» [19, 48]. Государство в рамках этой философии рассматривалось преимущественно в качестве влиятельного политического арбитра, гарантирующего плюрализм взглядов. Подлинной причиной контроля центральной власти над информационными процессами было стремление ограничить влияние левых сил — социалистов и коммунистов, изменив таким образом баланс в пользу правых партий. В результате журналистская свобода была существенно ограничена. Давление на СМИ правительство пыталось компенсировать практикой льготных тарифов и налогообложения для прессы и информационных агентств, дополняемой прямыми субсидиями из бюджета.

Пришедшие в 1981 г. к власти социалисты, несмотря на декларативные обещания усилить три основных канала государственного телевидения и ликвидировать частный сектор, на деле стали проводить совершенно противоположную политику: сохранив два общенациональных канала (A2 и Fr3) и культурный канал La7, они создали систему телевещания со смешанным капиталом (Canal Plus), допустив также возникновение двух новых коммерческих каналов — La5 и M6. В результате к 1986 г. из семи каналов частному капиталу стали принадлежать четыре с половиной. Принятие в 1982 г. нового закона

о СМИ значительно расширило свободу журналистов. Благодаря такой политике (впрочем, ни социалисты, ни вернувшиеся к власти в 1990-е г. правые не отменили практики финансирования СМИ за счет госбюджета, т. е. налогоплательщиков) Франция к концу XX столетия стала обладательницей одной из наиболее развитых в техническом отношении коммуникационных структур. В связи с этим некоторые французские ученые (например, Д. Вольтон) выдвинули гипотезу о своеобразном «обратном эффекте», смысл которого заключается в том, что новая государственная политика в отношении СМИ и значительное расширение журналистской свободы способствовали ускорению модернизации и в конечном итоге постепенному исчезновению столь характерного для французской истории противостояния левых и правых [96, 29–30; ср.: 90–92; 94; 95]. Во всяком случае, следует отметить, что изменение политического климата во Франции происходило параллельно деформации информационной модели, которая в настоящее время уже не может считаться вполне государственной, поскольку уже в конце XX в. она приобрела некоторые элементы коммерческой и общественно-правовой форм организации СМИ.

Для общественно-правовой модели, сложившейся во второй половине XX в. в Великобритании, ФРГ и Италии, прежде всего характерны самоуправление и юридически оформленная независимость от государства и частных лиц. СМИ финансируются за счет специального налога с граждан и контролируются общественными советами, в которые входят представители важнейших общественных групп, организаций и профессий. Гарантами независимости СМИ выступают парламенты.

Формы общественно-правового регулирования, конечно, различны. В Великобритании оно до сих пор опирается на нормативные юридические акты, восходящие еще ко временам «славной революции» 1688 г., окончательно утвердившей верховенство парламента. В Швеции принцип свободной прессы был утвержден в конституции 1766 г., а самоуправление медиаструктур и их подконтрольность общественным интересам гарантированы специальными организациями — от Совета по делам прессы (1916) до специального должностного лица Press Ombudsman («омбудсмен по вопросам прессы») (1969), в обязанности которого входит рассмотрение жалоб граждан на публикации журналистов.

Выделяя «идеальные признаки», свойственные указанной выше модели, немецкий политолог Г. Траутман давал следующую ее характеристику: «1) Свобода от государства. Государство не оказывает финансового, кадрового и организационного влияния на телевидение и радио. 2) Финансовая независимость. ТВ и Р не получают никаких государственных субсидий, финансирование идет путем абонентной платы и рекламы. 3) Участие общественно важных сил в кадровой политике и в оформлении программ (в ФРГ в этом принимают участие профсоюзы, церковь, университеты и т. д.). 4) Объективность сообщений — отделение фактов от мнений, проверенная информация, наличие противоположных мнений. 5) Надпартийность — не должно преобладать ни мнение правительства, ни мнение какой-либо партии или союза» [20, 6–7].

Формулируя эти признаки в качестве наиболее характерных для стран, где утвердилась традиция самоуправления, Г. Траутман тем не менее был

вынужден признать, что общественно-правовая модель являлась скорее нормативным идеалом, который *лишь отчасти* был представлен в политической практике ряда западноевропейских стран. На самом деле и в Великобритании, и в ФРГ, и в Италии сложилась «дуальная система» (сосуществование общественного и частного телевидения и радио), внутри которой шла постоянная борьба между тенденцией к полной коммерциализации СМИ и тенденцией к контролю над ними со стороны общественных организаций и групп. Существование в ФРГ огромного количества местных каналов кабельного телевидения или же возникновение в Италии информационной империи финансового магната и политика С. Берлускони также являлось серьезным симптомом размывания «идеальной модели» [59].

Одной из наиболее важных причин, способствовавших усилению коммерческого начала и, следовательно, американизации европейских массмедиа, стал стремительный процесс их модернизации, резко увеличивавший стоимость, например, видеопрограмм и трансляции новостей. Переключившиеся на расходы, связанных с необходимостью постоянно использовать технические новшества, на плечи рядовых граждан оказалось чреватом серьезными социальными и политическими осложнениями. Повсеместно проявлявшийся (как в США, так и в Западной Европе) кризис доверия к СМИ и журналистам не мог в этой связи рассматриваться как случайный. Недоверие возрастало прямо пропорционально росту потребления теле- и радиопрограмм, и оно напрямую было связано с постоянно увеличивавшимся недовольством общественности, вызванным «эффектом вездесущности» новостей, с одной стороны, и попытками европейских СМИ выступать в роли «четвертой власти» — с другой. Как и в США, эти попытки также отражали крайнее усиление телевидения в общественно-политической жизни. Само понятие «ориентированная на телевидение политика» [52; ср.: 8, 330 сл.; 13, 158–167], как уже отмечалось выше, вошло в обиход в США вследствие того, что телевидение стало практически претендовать на роль посредника между властью и основной массой избирателей. Первоначально его коммуникационная роль была весьма ограниченной, поскольку основной целью большинства телепрограмм было создание фона для выступлений политиков различного ранга, претендовавших на различные должности. Несмотря на периодическое появление более или менее обширных журналистских комментариев и аналитических обзоров, в новостях и политических программах в целом преобладала речь государственных мужей, на которых потом журналисты могли ссылаться. С 1980-х гг. ситуация изменилась самым радикальным образом. Слова политиков превратились в «сырой материал», который комбинировался с другими звуками и видеообразами, а затем уже вставлялся в соответствующим образом сформированную «нарративную программу» [43, 9–10; ср.: 41]. Естественно, сам процесс подготовки программ к эфиру и новая «упаковка новостей» усилили роль журналистской инициативы и телевизионной журналистики в организации предвыборных кампаний и «гонок» противоборствующих претендентов. Но в конечном итоге такая «посредническая миссия» привела лишь к превращению «имиджмейкерства» в одну из

главных функций всего политического процесса, отодвинув реальные политические проблемы и дискуссии на задний план.

К концу XX в. изменение характера освещения избирательных кампаний как в США, так и в Западной Европе вновь вызвало к жизни вопрос, периодически возникавший еще в период превращения прессы в важнейший элемент политического дискурса: насколько самостоятельной и независимой может быть роль СМИ? Выше уже отмечалось, что важной гарантией независимости СМИ является сознательное и целенаправленное усиление общественной модели управления, препятствующее как переходу СМИ в руки крупного капитала, так и нарастанию опеки со стороны государственных служб и структур. Как показывает исторический опыт, противостоять одновременно обеим угрозам независимости общественного мнения на уровне массовых коммуникаций — чрезвычайно сложная задача. В послевоенные годы уже вполне проявилась следующая закономерность: возрастание самомнения владельцев газет, журналов, радио- и телекомпаний было прямо пропорционально их фактическому подчинению как интересам различных политических и финансовых группировок, так и логике избирательных процессов, определяемой этими группировками. На рубеже XX–XXI вв. эта тенденция продолжала углубляться вследствие сформировавшейся еще в 1980-е гг. приверженности большинства западных правительств неолиберальным догмам. В опубликованной в 2011 г. книге «Странная не-смерть неолиберализма» британский политолог Колин Крауч специально отмечал, что в идеологическом плане истоком этих догм было отрицание различия «между рынком и крупными компаниями, а также характерная для неолиберальной мысли тенденция наделять последние качествами первого, которыми они на самом деле не обладают» [12, 115]. «С этим различием, — продолжает К. Крауч, — мы встречаемся при изучении довольно важных процессов, происходивших в последние годы, когда правительства, поддавшиеся влиянию неолиберальных идей, стремились приблизить свою деятельность к частному сектору или даже попросту передать ее этому сектору. Такой процесс всегда рассматривается как стремление правительства приспособиться к рынку. Но вместо этого зачастую шло приспособление к корпорации, что, в свою очередь, еще больше способствовало политизации гигантской фирмы, которая оказывалась полной противоположностью тому, к чему стремилась либеральная политическая экономия» [Там же; ср.: 7, 310–311; 11, 102 сл.; 13, 82 сл.].

Еще в 1922 г. У. Липпман в своей ставшей впоследствии знаменитой работе «Общественное мнение» очень выразительно и удачно сформулировал основные принципы доходящего до симбиоза партнерства между политическими институтами и СМИ, выделив также ту разграничительную линию, которую последние никогда не смогут перейти. «Если на газеты, — писал он, — должна быть возложена обязанность истолковывать всю публичную жизнь человечества таким образом, чтобы каждый подросток мог иметь мнение по любому спорному вопросу, они неминуемо потерпят неудачу, и легко предположить, что в будущем они постоянно будут терпеть фиаско. Невозможно

предположить, чтобы мир, в котором продолжают существовать разделение труда и распределение собственности, мог управляться универсальными мнениями всего населения. Теория бессознательно признает отдельного читателя обладающим всеобъемлющей компетенцией в теоретическом плане и взваливает на прессу тяжесть выполнения того, что не в силах выполнить ни одно представительное правление, промышленная организация или дипломатия. Прессу, воздействующую на любого индивида в течение тридцати минут из двадцати четырех часов, упрощают сотворить мистическую силу, называемую Общественным Мнением, которое взвалит на себя бездействие публичных институтов. Пресса часто ошибочно претендует на то, что она способна выполнить именно это. Она приписывает себе слишком высокую моральную цену, поощряя демократию, все еще связанную своими первоначальными предпосылками, ожидать, что газеты будут спонтанно снабжать каждый правительственный орган для решения любой проблемы информационным аппаратом, который обычно они не могут сформировать даже для самих себя.

Институты, потерпев неудачу на пути обеспечения себя инструментами знания, стали связкой “проблем”, которые, как предполагается, будет решать население в целом, поголовно читающее прессу. Другими словами, дошли до того, что стали рассматривать прессу как орган прямой демократии, наделенный чрезвычайно широкими по своему масштабу полномочиями и наделаемый день ото дня функциями, часто приписываемыми инициативе, референдуму и праву отзыва. Суд Общественного Мнения, открытый днем и ночью, должен устанавливать право для каждого во всякое время. Но все это неосуществимо. И если вы начнете рассуждать о природе новостей, то это даже невысказано. Ведь новости... являются достоверными пропорционально той точности, с которой фиксируется событие. До тех пор пока событие невозможно назвать, измерить, придать ему облик и специфику, оно или не может обрести характер новостей, или же оно подвержено превратностям и предрассудкам, свойственным наблюдению. Поэтому в целом качество новостей в современном обществе является показателем его социальной организации. Чем лучше институты, чем больше представлены формально все необходимые интересы, чем больше сложных вопросов имеет свое решение, чем больше вводится объективных критериев, тем более совершенно любое дело может быть представлено в качестве новостей.

Пресса в лучшем случае является служанкой и хранительницей институтов; в худшем случае она служит тем средством, с помощью которого немногие эксплуатируют социальную дезорганизацию для своих собственных целей. В той степени, в которой институты прекращают функционировать, беспринципный журналист может ловить рыбу в мутной воде, а честный рискует пребывать в неизвестности. Пресса не является заменой для институтов. Она подобна лучу, который беспрестанно мечется по сторонам, выхватывая из темноты эпизоды один за другим и открывая их нашему взору» [56; цит. по: 64, 43–44].

В настоящее время можно вполне безоговорочно утверждать, что эти замечания У. Липпмана в такой же мере относятся к эпохе телевидения и компьютеров, в какой они верно отражали в начале XX в. роль прессы. Характерной

особенностью нашего времени является, однако, то, что множество ученых и публицистов, претендующих в своих суждениях на научный статус, склонны рассматривать современные электронные СМИ в роли некоего политического демиурга. Тем не менее, вопреки такого рода суждениям, многие журналисты сегодня начинают понимать, что в современных массовых избирательных кампаниях они являются только орудием нередко совершенно чуждых им интересов. Например, еще в 1972 г. С. Микельсон, исполнительный директор американской компании CBS, следующим образом расценивал роль телевизионной журналистики: «Телевизионные новости приобрели умение, опыт, замечательную электронную технику и изощренность. Но, как мне представляется, нет ни места, ни возможности их использовать. Политические менеджеры, кажется, научились гораздо большему. Они открыли методы, необходимые для того, чтобы приспособить новости для своих собственных целей и взять на себя руководство. Они овладели моментом. Теперь остается только посмотреть — смогут ли СМИ вновь обрести инициативу» [65, 168; ср.: 66].

Проявленное С. Микельсоном беспокойство является одновременно хорошим подтверждением того, что уже в 1970-е гг. соперничество между боссами СМИ и политическими группировками достигло высокого уровня. Но до сих пор ни у одного серьезного ученого не возникало сомнения относительно конечных результатов данного противоборства вообще и последствий медиакратических иллюзий, спорадически возникающих у журналистов и политических аналитиков в частности. «Важно не преувеличивать, — отмечал в 1992 г. Д. Хэлли, — ни той степени враждебности, с которой американская журналистика все более начинает относиться к политической власти, ни того способа интерпретации, с помощью которого она пытается его себе представить. Отношения между СМИ и политической властью все еще являются тесными и имеют характер симбиоза. Мне иногда кажется, что во многом СМИ все еще выступают в роли младшего партнера» [43, 18]. Справедливость замечания американского политолога, равно как и характер отношений СМИ и политической власти (как в США, так и в Западной Европе) и их взаимных притязаний, можно вполне понять только после того, как оказывается полностью ясной та экономическая подоплека, на которой сами амбиции, собственно, и основываются.

В последние десятилетия XX в. экономическое развитие фактически стерло грани между журналистикой и коммерческим предприятием, деятельность которого была основана на продаже аудитории, т. е. непосредственных потребителей СМИ, рекламодателям. В этом заключалась причина неуклонного падения доверия к СМИ, которое в особенности коснулось стран, позднее других вступивших на путь технической модернизации средств теле- и радиовещания. Например, во Франции число зрителей, доверявших телевизионной информации, упало с 47 % в 1983 г. до 40 % в 1988 г. [96, 31; ср.: 44, 21]. Превращение центральных и особенно местных телепрограмм в чрезвычайно доходные предприятия вызвало между ними конкуренцию, которая стала особенно ожесточенной с появлением компьютеров и кабельного телевидения.

Конкуренция сделала серьезные программы, посвященные обсуждению сложных политических и социальных вопросов, невыгодными экономически

[44, 23]. Степень их выживаемости стала теперь определяться стремлением не потерять окончательно «серьезную аудиторию». Но все эти заботы о престиже не могли помешать бурному росту нового типа передач на телевидении, очень скоро получивших название «халтурного телевидения» (trash television).

Причины распространения этого явления скрывались в самих новых технических возможностях, ставших немедленно объектом коммерческой эксплуатации, которая в конечном итоге изменила лицо современной журналистики, главным образом в плохую сторону. Технические возможности сделали нормой «живые репортажи» с места событий, трансляция которых не оставляла, как правило, времени для серьезного анализа и комментирования передаваемой информации. В итоге «живые передачи, которые в течение столетия были идеалом для всех новостей, произвели карикатуру на самих себя, как только они сделались общим правилом. Карикатурность усиливалась вследствие конкуренции и потребности производить сенсации... Мир новостей начинает вращаться вокруг самого себя вместо того, чтобы вращаться вокруг новостей мира» [96, 30].

Отмеченный выше негативный аспект деятельности СМИ был связан с новым информационным бумом и проявился в самом факте вездесущности новостей, транслируемых отныне в соответствии с принципом — «важно только то, что может быть показано». В данном принципе скрывалась определенная политическая и идеологическая позиция, являвшаяся результатом своеобразной ультралиберальной интерпретации свободы, характерной еще для эпохи рождения лозунга *laissez-faire*. Поскольку телевидение навязывает взгляд — существует только то, что можно увидеть, следует предположить, что свобода выражения является одинаковой везде, а не только на Западе. Авторы и редакторы телепрограмм одновременно пребывают в уверенности, что благодаря телеэкрану можно быть в курсе всех наиболее важных событий, происходящих в мире.

В этой уверенности, однако, изначально скрывалась серьезная психологическая и идеологическая aberrация. Пресса и телевидение стремились приучить аудиторию к тому, что ни один из существенных вопросов не может быть поставлен, ни одно из событий не может произойти без того, чтобы они немедленно не попали в эфир или на первые полосы газет. Между тем элементарное рассуждение легко может привести к выводу, что каждый день происходит множество событий, о которых СМИ не сообщают. Даже если предположить, что они действительно в состоянии это сделать, мы можем с уверенностью утверждать, что большая часть передаваемой информации может нас и не заинтересовать. Вездесущность новостей, таким образом, порождает у людей, склонных с полным доверием относиться к внешне убедительным доводам массмедиа, иллюзию о постоянно открытой для восприятия реальности. При этом совершенно упускаются из виду скрытые от камеры или глаз репортера причины, порождающие события, становящиеся объектом для телерепортажа.

Ориентированная на телевидение модель новостей провела резкую, хотя и невидимую на первый взгляд, грань между информацией, ориентированной

на понимание *события*, и информацией, ориентированной на его воспроизведение и трансляцию.

Некоторые специалисты утверждают, что такого рода переориентация связана не с новым характером и концепцией производства новостей, но с *природой* самого телевидения, для которого характерен приоритет визуального показа над идейной подоплекой того или иного события. События, связанные с деятельностью, например национальных лидеров и различных кандидатов на выборах, имеют внешнюю сторону, тогда как политический анализ этим качеством не обладает. Поэтому тележурналисты вынуждены фиксировать внешнюю сторону, «скользить по поверхности», не углубляясь в причины и содержание новостей. Тем самым пустота и поверхностность возводятся в принцип, и путем ссылки на технику ставится под сомнение сама возможность аналитической работы, основанной на методологии политического анализа.

Подобные несостоятельные доводы лишний раз позволяют фиксировать наше внимание на действительно серьезных изменениях, происходивших в XX в. как в самих СМИ, так и в концептуальных схемах интерпретации их деятельности. Новости в традиционном их понимании всегда предполагают существование определенного исторического континуума, в рамках которого каждое событие имеет свою причину и, следовательно, нуждается в историческом истолковании. Метод теленовостей отдает предпочтение выборочному показу отдельных, нередко не связанных друг с другом фактов, которые, будучи объединенными воедино, создают искусственную телереальность, артефакт. Тем самым поддерживается иллюзия «сопричастности» телезрителей, природу которой немецкий политолог Н. Больц в книге «Азбука медиа» (М., 2007) охарактеризовал следующим образом: «По положению, которое занимает человек перед телевизором, можно различить два вида отношения к воспринимаемому: *lean back*, то есть откинувшись назад, и *seat forward*, то есть наклонившись вперед. Многие телезрители не хотят больше пассивно перерабатывать информацию, а хотят активно вторгаться в медиареальность. “Активно” в контексте медиа всегда означает “интерактивно”. Одна из базовых истин серьезной медийной науки состоит в том, что массмедиа в принципе не могут быть интерактивными. Но стремление к активному использованию медиа сегодня столь сильно, что вынуждает технологов и руководителей программ создавать устойчивую видимость интерактивности. “Дорогие телезрители” мобилизуются и требуют слова» [1, 156 сл.; 2, 32; 3, 272 сл.; 4, 64 сл.; 5, 8, 298 сл.; ср.: 14, 120 сл.; 15, 102 сл.].

Эту иллюзию, как правило, разделяют и политики. В связи с чем не выглядела случайностью резко возросшая в последние десятилетия XX в. и сохраняющаяся и сегодня роль многочисленных *опросов* общественного мнения. В США к концу XX в. действовали более 200 фирм, специализировавшихся на зондаже взглядов организаций, в которых были заняты около 10 тыс. человек [6, 386]. Наиболее типичными становились опросы, проводимые знаменитым институтом Гэллага, использовавшим метод выборочной проверки 1500 избирателей из различных общественных слоев. В связи с тем что качество и техника опросов были доведены в США и Западной Европе до очень высокого

уровня, а их результаты немедленно стали передаваться по телевидению и радио, сразу попадая и на страницы газет, большинство избирательных кампаний и текущая политическая жизнь оказались насквозь пронизанными многочисленными предсказаниями, с которыми были вынуждены считаться все без исключения политики.

Данные опросов становились, таким образом, важнейшей составной частью политического имиджа государственного деятеля. Оказавшись под двойным прицелом телекамер и проводящих опросы фирм, как правило сотрудничавших с хозяевами СМИ, политик приучал себя к крайней осторожности, демонстрируя в своих речах уравновешенность и консерватизм. Сохранить имидж и душевный комфорт часто оказывалось более предпочтительным, чем предпринимать рискованные решения, чреватые нежелательными последствиями. Политики постоянно обращались к зондажу общественного мнения накануне выдвижения своих кандидатур, законодательных инициатив или выступлений в телеэфире. Тем самым для политических противников открывались широкие возможности давления друг на друга путем манипуляций данными опросов, которые по заказу могли проводить коммерческие компании, не считая заказов от самих СМИ. Политики приучались думать прежде всего о внешней стороне своей деятельности. Подобная позиция полностью совпадала с ориентированной на коммерческий успех позицией владельцев телекомпаний и крупнейших газет.

Таким образом возникала и укреплялась иллюзия, согласно которой в мире современной политики полностью доминирует «стратегия» современных СМИ. Следствием этой иллюзии стали *театрализация* и *тривиализация* политического процесса. «Посредническая» функция телевидения увеличивала заботы организаторов политических кампаний об их внешней и технической стороне. Имиджмейкерство оказалось центром политики, отодвинув реальные политические проблемы и дискуссии на задний план. Основной темой телерепортажей стало также «успешное продвижение» тех или иных кандидатов.

Д. Хэллин, проведя в 1988 г. сравнительный анализ освещения журналистами из различных СМИ политических дебатов, пришел к выводу, что 82 % их репортажей и статей были посвящены темам «лошадиных бегов» (*horse-race themes*). «Важно подчеркнуть, — отмечал он, — что подобное освещение в духе “скачек”... фокусирует внимание на *эффективности* техники кампаний. Появлялись, как будто по контрасту, некоторые статьи, в которых техническая сторона кампаний рассматривалась как этическая проблема: можно ли считать благом для демократии тот факт, что само проведение кампаний становится слишком негативным и слишком поверхностным? Но этот вид журналистской деятельности составлял в пропорции очень небольшую часть по отношению ко всей продукции...» [43, 20; ср.: 44, 22; см. также: 9; 10].

В этом плане стремление к театрализации политической гонки, т. е. к превращению ее в занимательное зрелище, также является составной частью «стратегии» телевидения. «Развитие СМИ, особенно телевидения, — отмечает К. С. Гаджиев, — усилило тенденцию к стиранию линии разграничения между программами новостей и развлекательными программами. Там, где важность

информации определяется и оценивается ее рекламными качествами, неизбежно растет разрыв между реальным миром и миром, предлагаемым СМИ. Составители информационных программ, озабоченные соображениями развлекательности, предпринимают все возможное для превращения реальности, которая лишена развлекательности, в нечто развлекательное. Они могут выдумывать материал, искажать факты, опускать ключевую информацию. И это естественно, поскольку, когда главная задача телевизионной программы состоит в том, чтобы завоевать и сохранить аудиторию, существует большой соблазн отбросить или изменить “скучные” факты, людей, события, соответствующим образом подправив и “упаковав” их. Все это способствовало увеличению значения “символической политики”, “политики театра”, основанных на образах, или “имиджах”, политических деятелей, специально сконструированных на потребу господствующим умонастроениям и вкусам» [6, 388–389].

Стремление к развлекательности — не единственный стимул для создателей политических шоу. Основной целью всегда является использование любых технических приемов для поддержки тех группировок, с которыми в тот или иной момент владельцы телекомпаний вступают в альянс. Наибольший успех имеют такие программы, в которых сенсационность соединяется не только с тактическим умением наносить противнику упреждающие удары, но и с гибкостью, проявляющейся, в частности, и в том, чтобы вовремя отодвинуть действительно важную информацию на задний план, акцентируя внимание на множестве второстепенных деталей — манере поведения, обстоятельствах семейной жизни, любимом хобби и т. п.

До сих пор политические кампании нередко начинаются с обсуждения тривиальных вопросов, и сам характер новостей, передаваемых по радио и телевидению, не располагает к обсуждению серьезных проблем. СМИ отдают предпочтение «чувствительным вкусам», наносимым противниками друг другу в ходе теледебатов или просто во время публичных митингов и интервью. Острые реплики и высказывания занимают минимальное количество времени (обычно не более 10 секунд), а вслед за этим следуют пространные комментарии тележурналистов.

В Западной Европе и США большинство населения получает информацию именно из поверхностных телепрограмм. В научной литературе уже давно стал обсуждаться вопрос о фрагментации аудитории, как правило по социальному признаку. Существуют серьезные программы новостей, которые смотрят преимущественно представители элиты — правительственные чиновники, крупные бизнесмены, университетские преподаватели и, наконец, сами журналисты. Средний избиратель получает сильно урезанную и упрощенную версию того, что видит элита [34]. Уже в 1990-е гг. большинство специалистов оценивали такую тенденцию крайне негативно. «Фрагментация аудитории, являющейся потребителем новостей, — отмечал Д. Хэллин, — не обязательно может быть плохим явлением. Можно представить себе систему, в которой, к примеру, возникнут различные формы журналистики для среднего класса или рабочего класса (и его подгрупп), отражающие различные вкусы и пристрастия различных аудиторий, но обеспечивающие для каждой из них серье-

езное обсуждение мира политики в самом широком значении этого слова... К сожалению, по всей вероятности, произойдет совсем другое. Вместо этого, вероятно, возникнет разделение аудитории на одну, наиболее зажиточную и образованную, часть, “потребляющую” новости, возможно, более высокого качества, чем мы до сих пор видели, и небольшую группу более бедных, менее образованных, преимущественно выходцев из этнических меньшинств, которые не потребляют ничего, кроме “Текущего События” и разновидности местных новостей, отличающихся умеренно бульварным стилем (soft tabloid style). И это означало бы не только увеличение культурных барьеров, но и интенсификацию разрыва в знании» [44, 24].

Высказанные специалистами по массмедиа, социологами и политологами прогнозы, подобные тому, который был приведен выше, несмотря на всю их основательность, до сих пор еще далеки от полной реализации. В настоящее время ведущие политические программы в западных странах ориентированы на основную массу представителей среднего класса, находящихся под влиянием повседневной пропаганды и по своим политическим предпочтениям разделяющих взгляды истеблишмента. Серьезные аналитические программы, которые смотрит элита, не могут решительным образом повлиять на результаты выборов. Поэтому главная задача организаторов предвыборных кампаний состоит в том, чтобы с помощью запрограммированных сенсаций, делающих явными «слабые места» противника, окончательно склонить чашу весов в пользу того из конкурентов, к которому основные СМИ в настоящий момент благоволят.

Типичным примером подобного политического спектакля была президентская кампания в США 1988 г., в ходе которой важные проблемы растворились в тривиальных, что повлияло на мнение избирателей. Когда советники будущего президента Дж. Буша выяснили, что тот попал в затруднительное положение в связи с выдвижением губернатором штата Массачусетс М. Дукакисом своей кандидатуры, были созданы специальные аналитические группы для изучения ситуации по всей стране. В результате советниками Буша был обнаружен целый ряд проблем, создававших для Дукакиса серьезные трудности. Речь шла не об идеологии предвыборной программы последнего, но об одной, инициированной губернатором, местной пенитенциарной программе содержания заключенных, которая предусматривала для некоторых из них, отличившихся безупречным поведением, возможность проводить часть срока в кругу своей семьи. Когда обнаружилось, что один афроамериканец, получивший отпуск, совершил убийство нескольких людей, советники Буша пришли к заключению, что спекуляция на этом инциденте может принудить Дукакиса перейти к обороне. В появившейся коммерческой передаче У. Хортон были очень умело использованы страх избирателей перед преступностью и их латентные расовые предубеждения. Этот эпизод и другие преданные огласке «компроматы» действительно заставили Дукакиса уйти в глухую оборону. Тем самым исход выборов в пользу Буша был предопределен [34].

Другим типичным примером создания атмосферы массовой истерии было инсценирование 10 октября 1990 г. одним американским агентством насилия

над 15-летней кувейтской девочкой. Отснятый по заказу фильм, «героиней» которого, как выяснилось позже, была дочь кувейтского посла в Вашингтоне, был показан 53 млн американцев, став важнейшим фактором формирования общественного мнения и повлияв на решение президента Буша начать военные действия против Ирака [16, 82].

Невозможно, разумеется, утверждать, что методы, применявшиеся СМИ в XX в., имели абсолютно «автономную» природу и никак не были связаны с интересами господствующих в западных странах экономических и политических групп. Свойственная телевидению тенденция возвышать «персону» над проблемой, событие над содержанием и т. п. может быть, конечно, напрямую связана с характером работы журналиста с камерой, ограниченностью времени показа материала, денежных лимитов, потребностью рынка акцентировать сенсационные моменты, слабой образованностью, вызывающей психологическую потребность свести сложное явление к поверхностной его интерпретации. Но все эти действительно существующие факторы не свидетельствуют о том, что используемые СМИ селективные методы являются независимыми от групповых и классовых интересов. «В период Уотергейтского скандала, — отмечал М. Паренти, — мы много слышали о Джоне Митчеле, Г. Р. Хэлдмане, Джоне Дине и Джоне Эрлихмане. Но Клод Уайлд, Уильям Килер, Орин Аткинс и около двадцати других высших руководителей бизнеса оставались неизвестными большинству из нас, даже если они также были признаны виновными в преступлениях Уотергейта. Всем этим бизнесменам, являвшимся главными донорами грязных денег, были вынесены условные приговоры, назначены легкие штрафы, зато как их защищали СМИ! Здесь опять не было ничего от природы СМИ как таковой, но много от природы той политико-экономической структуры, составной частью которой они являются. Именно это объясняет, почему одни имена в освещении Уотергейтского дела были широко преданы гласности, в то время как другие едва затрагивались национальными СМИ» [75, 214].

Вне учета глубинных связей, существующих между крупным бизнесом, политической верхушкой и руководителями СМИ, используемые газетами, радио и телевидением приемы, целью которых является представить деятельность правящей элиты в самом благоприятном свете, были бы не только непонятными, но и казались бы просто абсурдными.

В конце XX в. западные политологи стали приходить к вполне определенному выводу, в соответствии с которым к числу наиболее распространенных приемов препарирования действительности относится, например, *несбалансированная* обработка журналистского материала. В соответствии с каноном хорошей журналистики освещение любого вопроса должно учитывать разнообразие подходов к нему. Тем не менее СМИ редко проявляют заинтересованность обслуживать «обе стороны». Ссылки на ограниченность эфирного времени (газетных полос), необходимость срочного «запуска» материала нередко таят в себе стремление представить интересы сильных мира сего, отодвинув мнение оппозиции на задний план. Даже если недовольство становится слишком явным, представителям оппозиции предоставляется минимум времени для выражения протеста.

Другим известным приемом является *метод обрамления*, т. е. использование различного рода акцентировок, нюансов, косвенных намеков и инсинуаций, приуменьшений или преувеличений для создания нужного впечатления, не прибегая к откровенной апологетике и сохраняя видимую объективность. Фабрикация нужного материала достигается путем его соответствующей «упаковки», в том числе путем перемещения с первых страниц газет на последние, использования различного рода стилистических приемов, видеоэффектов и т. д. Э. Ноэль-Нойман приводит в своей книге «Общественное мнение. Открытие спирали молчания» следующие результаты исследований ученых Майнцкого университета, проводивших опрос телеоператоров, которые снимали политиков различного ранга в период выборов: «78 % операторов считали “вполне возможным” и 22 % “возможным”, что чисто оптическими средствами они могут добиться положительного или особо отрицательного впечатления о том или ином человеке... две трети операторов стали бы снимать политика, которого они высоко ценят, на уровне глаз (фронтальная съемка), потому что... это вызывает “симпатию” и создает впечатление “спокойствия”, “непринужденности”. Однако никто не стал бы снимать его “со строго вертикальной позиции сверху” (“перспектива птичьего полета”) или “строго горизонтально снизу” (“перспектива лягушки”), так как это вызывает скорее “антипатию”, создает впечатление “слабости”, “пустоты» [17, 232–233].

Многие СМИ с целью создания впечатления «нейтральной позиции» прибегают к приему *серого изображения* реальности путем использования различных эвфемизмов и пассивных фраз. Так, например, комментируя много лет спустя события, связанные с военным переворотом в Чили в сентябре 1973 г., газета «Нью-Йорк таймс» сообщала, что президент Сальвадор Альенде «умер» во дворце Монеда, хотя на самом деле он был убит ворвавшимися туда военными [44].

Карикатуры, рисунки, фотографии политических лидеров, снабженные соответствующими комментариями, могут вызывать заранее запрограммированные эмоции. Например, рисунки, постоянно помещаемые в американских газетах в период холодной войны с изображением серпа и молота, как свидетельствовали данные социологических опросов, вызывали у читателей резко отрицательные эмоции. Телевизионные новости о Советском Союзе часто сопровождались мелодиями, вызывавшими у зрителей агрессивные настроения [75, 225].

Отношения СМИ и правящей элиты отнюдь не всегда являются безоблачными. Формально независимый их статус, трудности осуществления над ними прямого контроля приводят к появлению «нежелательной информации». Нередко сами редакторы не могут предвидеть последствий публикации отдельных материалов. Серьезные противоречия между финансовыми и политическими группами всегда сопровождаются появлением в СМИ разоблачительных материалов, в конечном итоге наносящих ущерб правящей элите в целом. Принципы журналистской этики, в число которых входит и сохранение конфиденциальности источников информации, также порождают постоянные конфликты журналистов с властями и владельцами газет и телекомпаний,

хотя последние предпочитают, конечно, осуществлять над подопечными им работниками СМИ не прямой, а косвенный контроль.

Специфическая институциональная функция СМИ выражается и в том, что они не только служат интересам истеблишмента, но и обеспечивают создание информационного пространства, совместимого с современным демократическим процессом. Осуществленные во второй половине XX в. исследования показали, что анализ роли СМИ в качестве гарантов демократии является и в настоящее время одним из самых перспективных направлений в политической теории. Но еще в 1926 г. американский философ Д. Дьюи рассматривал такие новые средства массовой коммуникации, как радио, телефон, в совокупности с массовой прессой в качестве важнейшего средства интеграции плюралистической политики [31, 139–187; см. также: 87, 286 sq.]. В опубликованном в 1940 г. эссе Б. Фуллер предложил схему «электрифицированного голосования» с целью интенсификации деятельности демократических институтов [35, 10–17]. Но только с приходом эры телевидения появились проекты «теледемократии», предусматривавшие создание специальной сети, обеспечивающей возможность «голосования на дому». «Препятствия прямой демократии, — писал Р. Вольф в 1970 г., — являются только техническими, и мы можем поэтому предполагать, что в наши дни планируемого технического прогресса возможно их преодолеть» [89, 34]. «Возможности новых технологий, — отмечал в середине 1980-х гг. Б. Барбер, — могут быть использованы для усиления гражданского образования, гарантирования равного доступа к информации и для связи индивидов и институтов в единую сеть, которая сделает возможными подлинно партиципаторные дискуссии и споры на огромных расстояниях» [24, 274].

В 1990-е гг. с развитием кабельного телевидения и компьютеров появились проекты, авторы которых предлагали преодолевать свойственные современному обществу тенденции к приватизму и партикуляризму путем организации опросов и прямого участия граждан через Интернет и электронную почту в обсуждении наиболее злободневных проблем и голосовании. Появилась даже специальная терминология, с помощью которой описывались новые возможности прямой демократии (демократии участия) — «телекоммуникационное пространство», «виртуальное сообщество», «кибернетический полис», «сетевая демократия» (networked democracy) [68, 10; 50].

Обеспечиваемая через компьютеры коммуникация, согласно прогнозам ученых, могла бы помочь решению многих проблем современной демократии, связанных с существованием жесткой политической иерархии, и способствовать возрождению такого типа социальных отношений, которые существовали в древнегреческом полисе. «Форма демократии, существовавшая в древнегреческом городе-государстве, в кибуце и способах общения в городах Новой Англии, которая предоставляла каждому гражданину возможность прямого участия в политическом процессе, отмечалось в одном из американских проектов, стала непрактичной в американском обществе... Существуют, однако, технологические средства, при помощи которых миллионы людей могут вступать в диалог друг с другом... и формировать аутентичное согласие, необходимое для демократии» [46, 196].

Весьма характерно, что в этот же период аналогичные идеи стали проникать и в отечественную научную литературу. Как отмечал Б. В. Марков, «массмедиа — это место мест, т. е. такое пространство, где разнородное встречается и коммуницирует. Поэтому функция прессы и ТВ — быть медиумами, посредниками коммуникации. Массмедиа должны стать местом встречи морали и бизнеса, познания и поэзии. Именно создание таких мест встречи разнородного служило стимулом развития европейской культуры. Опасные и радужные перспективы массмедиа не должны закрывать то прозаичное обстоятельство, что они являются пространством, в котором, как на античной агоре, люди обмениваются своими мнениями. Наша агора становится не вербальной, а визуальной» [16, 88–89; ср.: 40; 47; 60; 81].

Представление о том, что современная аудиовизуальная техника поможет возродить демократический идеал и вызвать гражданский пафос и демократические чувства, в 1990-е гг. было чрезвычайно распространенным, порождая у ряда ученых убеждение во всеспасительной миссии современных СМИ [21, 39, 85]. Помимо ностальгии по простоте отношений, существовавших в древнегреческих полисах или средневековых городах Италии, в этом убеждении подспудно скрывалась мысль о том, что граждане в современных демократических обществах уже не в состоянии спасти себя сами и что надежда может быть возложена только на помощь извне, т. е. на технический прогресс. Но ведь создание компьютерных коммуникационных сетей стало вполне закономерным следствием усложнения условий жизни, а не упадка демократических институтов. Кроме того, надежда с помощью компьютеров создать новую версию прямой, «дискурсивной» демократии постоянно опровергается теоретически многочисленными оппонентами, полагающими (и далеко небезосновательно), что посредническая миссия компьютерной техники ведет в противоположном направлении, усиливая манипулятивные возможности капитализма, способствуя созданию нового вида иерархии, «патриархии», а отнюдь не прямой демократии [28; 78; 79; ср.: 32].

Если не впадать в какую-либо разновидность современного луддитства, то можно вполне поддержать точку зрения ученых, утверждающих, что новые технологии, будучи составной частью существующего социального порядка, используются прежде всего для его поддержки и вряд ли могут стать основой для новых радикальных социальных экспериментов. Мнению теоретиков, считающих, что использование компьютерной техники усиливает интимность социальных и гражданских отношений, их дискурсивность, а также повышает роль небольших коллективов, открывающих новые возможности интерактивной идентификации интересов [33; ср.: 55], противостоит убежденность других специалистов, опасаящихся тех угроз, которые таятся в «кибердемократии» или «модерной демократии». В частности, анонимность общения в сети Интернет, снижая роль межличностной дискуссии, нередко провоцируя «виртуальное насилие», стремление «провести атаку» на безымянного партнера, порождает акты сексуальной агрессии и способствует распространению явления получившего в 1990-е гг. название «нетикет» (netiquette) [25; 58; 84; ср.: 61].

К общению через Интернет стали особенно склонны подростки, преимущественно мужского пола. Исследования общения различных групп, оформивших подписку на Интернет, свидетельствовали также о возникновении новых форм «неравенства». Например, попытки женщин устанавливать контакты с анонимными пользователями компьютерных сетей часто порождали «эффект отторжения»: их мнение отвергалось или просто игнорировалось [68, 13–14]. Участники общения «группировались» по интересам, как правило, игнорируя мнения, которые оставляют их равнодушными [51; ср.: 67]. Гигантское количество информации, циркулировавшее в компьютерных сетях, вызывало стрессы, порожденные нервной перегрузкой, чувство отчуждения, которое связано с явлением, названным учеными «информационным шоком» (info-shock). Во всяком случае, с самого момента вступления в политику Интернет не создал атмосферу «электронной агоры», о которой с таким восторгом писали его поклонники [46, 64]. Мнение противников этой концепции было не менее категоричным: создание «кибернетического пространства» не только не способствует улучшению стандартов современной демократии, но и создает дополнительные преграды демократическим процессам [57].

Может ли в настоящее время быть принята такая точка зрения? Очевидно, нет. Без информационного и технического обеспечения функционирование современных демократических институтов будет существенно затруднено. Компьютерные системы могут значительно улучшить качество информации, особенно для тех политических партий, которые более склонны к самообману и поддаются манипуляции. Обеспечение равного доступа к сетям может способствовать закреплению демократических стандартов на уровнях межличностного и межгруппового общения. Но для этого сами средства массовой коммуникации должны быть демократически ориентированными. Только тогда контакты через Интернет станут приносить дополнительный педагогический и политический эффект.

В целом же сохраняет значение следующий вывод, сделанный западными политологами еще в 1990-е гг.: «...Если посредническая функция компьютеров не обеспечивает с необходимостью гарантии спасения демократии, она не должна также рассматриваться как препятствие для демократической жизни. Как и любые технологии, компьютерные сети включают в себя разнообразнейшие виды социальной практики. Если эти виды стимулируют публичные дискуссии и споры, тогда кибернетическое коммуникационное пространство на самом деле может усиливать демократические чаяния... Компьютеры не могут быть причиной расширения или расцвета демократии, но они могут быть особенно полезны, улучшая наши демократические качества, облегчая открытость политического дискурса и способствуя формированию процессов публичной политики, которая ассоциируется с демократическими институтами» [68, 19].

Для достижения подобного эффекта СМИ должны прекратить рассматривать себя в качестве «четвертой власти» и необходимого противовеса государству. Подобно тому как нельзя рассматривать политическое действие и информацию о нем как тождественные явления, поскольку они представляют собой определенный вид политического континуума, СМИ не должны счи-

тать себя равными основным институтам государства по своим политическим возможностям и властным полномочиям из соображений некоей абстрактной симметрии. В демократическом обществе политическая власть и политический процесс ориентированы на принцип выборности. К СМИ этот принцип неприменим. Санкционирование их деятельности в общественном сознании и практике очень далеко от процедуры выборов. Как показывает опыт, доверие к ним может резко снижаться, если журналисты и владельцы СМИ переходят тот невидимый предел, который разделяет партнерское участие и грубый диктат. Для большинства политиков сильным сдерживающим фактором является страх перед поражением на выборах. В деятельности СМИ такой страх, естественно, отсутствует. Тем прочнее должны быть этические стандарты, гарантирующие важнейшее место новостей и коммуникационных технологий в современных концепциях и практике массовых демократий.

1. Адорно Т. Введение в социологию. М., 2010.
2. Больц Н. Азбука медиа. М., 2011.
3. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2005.
4. Бурдье П. Социология социального пространства. СПб., 2005.
5. Гавра Д. П. Основы теории коммуникации. СПб., 2004.
6. Гаджиев К. С. Политическая наука. М., 1994.
7. Дебре Р. Введение в медиологию. М., 2009.
8. Кара-Мурза С. Г. Власть манипуляции. М., 2007.
9. Корконосенко С. Г. Основы журналистики. М., 2004.
10. Корконосенко С. Г. Теория журналистики. Моделирование и применение. СПб., 2011.
11. Крауч К. Постдемократия. М., 2010.
12. Крауч К. Странная не-смерть неолиберализма. М., 2012.
13. Лиллекер Д. Дж. Политическая коммуникация. Ключевые концепты. Харьков, 2010.
14. Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005.
15. Луман Н. Медиа коммуникации. М., 2005.
16. Марков Б. В. Виртуальная реальность: телекратия и развитие коммуникативной культуры // Первый Российский философский конгресс. Человек — Философия — Гуманизм. Т. 9 : Основные доклады и обзоры / под ред. Ю. Н. Солонина и Д. А. Гущина. СПб., 1998. С. 81–90.
17. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996.
18. Пугачев В. П. Средства массовой коммуникации в современном политическом процессе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12 : Полит. науки. 1995. № 5, сент.–окт.
19. Рыкованов П. Я. Власть и пресса: французский феномен // Журналистика — XX век: эволюция и проблемы : тез. междунар. науч.-практ. конф., 24–25 апр. 1996 г. СПб., 1996.
20. Траутман Г. Телевидение и радио в Европе: государственное, общественное или частное? // Там же.
21. Abramson J. B., Arterton F. C., Orren G. R. The Electronic Commonwealth. N. Y., 1988.
22. Bagdikian B. H. The Media Monopoly. Boston, 1983.
23. Bagdikian B. H. The Media Monopoly. 4th ed. Boston, 1992.
24. Barber B. Strong Democracy. Berkeley, 1984.
25. Bayam N. K. The Emergence of Community in Computer Mediated Communication // Cybersociety / ed. by S. G. Jones. Thousand Oaks. CA., 1995.
26. Bennett W. L. Toward a Theory of Press-State Relations in the United States // J. of Communication. 1990. 40 (2). P. 103–125.

27. *Berlin I.* The Age of Enlightenment. N. Y., 1956.
28. *Bohman J., Reng W.* (eds). Deliberative Democracy. Cambridge, MA., 1997.
29. *Chomsky D.* Constructing the Cold War. Unpublished Ph.D. Dissertation. Northwestern University, 1996.
30. *Devereux E. A.* The Partisan Press Revisited: Newspapers and Politics in the United States, 1964–1968. Unpublished Ph.D. Dissertation. The University of Texas, 1993.
31. *Dewey J.* The Public and Its Problems. Athens. OH., 1954.
32. *Dryzek J.* Discursive Democracy. Cambridge, 1990.
33. *Fishkin J.* Democracy and Deliberation. New Haven, CT., 1991.
34. *Foote J. S.* The Mass Media and the American Political System: the Impact of Media on Government and Campaigning // American Government, Politics and Law: Unity in Diversity / ed. by M. Esler, B. Brown, T. McAfee. Southern Illinois University at Carbondale, 1995.
35. *Fuller R. B.* No More Secondhand God and Other Essays. Carbondale, IL., 1983.
36. *Gans H.* Deciding What's News. N. Y., 1979.
37. *Gans H. J.* Deciding What's News: A Study of CBS Evening News, NBC Nightly News. Newsweek, and Time. N. Y., 1980.
38. *Garber D.* Mass Media and American Politics. Washington, D. C., 1980.
39. *Grossman L.* The Electronic Republic. N. Y., 1995.
40. *Gutmann A.* Democratic Education. Princeton, 1987.
41. *Hallin D. C., Mancini P.* Speaking of the President: Political Structure and Representational Form in US and Italian Television News // Theory and Society. 1984. 13. P. 829–850.
42. *Hallin D. C.* The “Uncensored War”: The Media and Vietnam. N. Y., 1986.
43. *Hallin D. C.* Sound Bite News: Television Coverage of Elections, 1968–1988 // J. of Communications. Spring 1992. 42 (2).
44. *Hallin D. C.* The Passing of the “High Modernism” of American Journalism // Ibid. Summer 1992. 42 (3).
45. *Herman E. S., Homsby N.* Manufacturing Consent: The Political Economy of Mass Media. N. Y., 1988.
46. *Hiltz R. S., Turow M.* The Network Nation. Revised Ed. Cambridge. MA., 1993.
47. *Hollander R.* Video Democracy. Mt. Airy, MD., 1985.
48. *Iyengar S., Kinder D. R.* News That Matters: Television and American Opinion. Chicago, 1987.
49. *Iyengar S., Lenart S.* Beyond «Minimal Consequences»: A Survey of Media Political Behavior Annual. Vol. 2 / ed. Samuel Long. Boulder, CO, 1989.
50. *Jones S. G.* Understanding Community in the Information Age // Cybersociety / ed. by S. G. Jones. Thousand Oaks, CA., 1995.
51. *Kadi M.* Welcome to Cyberberia // Utne Reader. 1995. № 68. March–Apr.
52. *Kernell S.* Going Public: New Strategies of Presidential Leadership. Washington, DC, 1986.
53. *Key V. O.* Public Opinion and American Democracy. N. Y., 1964.
54. *Kramnick I.* Bolingbroke and His Circle: The Politics of Nostalgia in the Age of Walpole. Ithaca; L., 1992.
55. *Laslett P.* The Face to Face Society // Philosophy, Politics, and Society. First Series / ed. by P. Laslett. Oxford, 1956.
56. *Lippman W.* Public Opinion. N. Y., 1922.
57. *London S.* Teledemocracy vs. Deliberative Democracy: A Comparative Look at Two Models of Public Talk // J. of Interpersonal Computing and Technology. 1995. Vol. 3. P. 33–55.
58. *MacKinnon R. C.* Searching for the Leviathan in Usenet // Cybersociety / ed. by S. G. Jones. Thousand Oaks, CA., 1995.
59. *Mancini P.* Old and New Contradictions in Italian Journalism // J. of Communication. Summer, 1992. 42 (3). P. 42–54.
60. *Mantovani G.* Is Computer-Mediated Communication Intrinsically Apt to Enhance Democracy in Organizations // Human Relations. 1994. Vol. 47.

61. *Markus M. L.* Finding a Happy Medium: Explaining the Negative Effects of Electronic Communication on Social Life at Work // *Computers and Controversy*. 2nd. ed. San Diego, 1996.
62. *Mazo E.* The Great Debates. Santa Barbara: Center for the Study of Democratic Institutions, 1962.
63. *Mc Combs M., Shaw D.* The Agenda-Setting Function of Mass Media // *Public Opinion Quarterly*. 1972. 36. P. 176–187.
64. *Media Power in Politics*. Ed. by Doris A. Graber. Washington, 1994.
65. *Mickelson S.* Blurred Image in the Electric Mirror // *The Politics of Broadcasting 1971–1972* / ed. by M. Barrett. N. Y., 1973.
66. *Mickelson S.* From Whistle Stop to Sound Bite. N. Y., 1989.
67. *Nader R.* Citizens and Computers // *Utne Reader*. 1995. № 68. March–Apr.
68. *Nederman C. J., Jones B. S., Fitzgerald L.* Lost in Cyberspace: Democratic Prospects of Computer-Mediated Communication // *Contemporary Politics*. 1998. Vol. 4, № 1.
69. *New York Times*. 1984. 8.VIII.
70. *Page B. I., Shapiro R. Y., Dempsey G. R.* What Moves Public Opinion // *American Political Science Rev.* 81, March, 1987.
71. *Page B. I., Shapiro R. Y.* The Rational Public. Chicago, 1992.
72. *Page B. I.* Speedy Deliberation: Rejecting “1960s Programs” as causes of the Los Angeles Riots // *Political Communication*. 1995. 12. P. 245–261.
73. *Page B. I.* The Mass Media as Political Actors // *Political Science & Politics*. 1, March. 1996. Vol. XXIX.
74. *Page B. I.* Who Deliberates? Mass Media in Modern Democracy. Chicago, 1996.
75. *Parenti M.* Inventing Reality. The Politics of Mass Media. N. Y., 1986.
76. *Parenti M.* Inventing Reality. The Politics of Mass Media. 2-nd ed. N. Y., 1993.
77. *Protess D. L., Cook F. L., Doppelt J. C. et al.* The Journalism of Outrage: Investigative Reporting and Agenda Building in America. N. Y., 1991.
78. *Schiller H. I.* Information Inequality. N. Y. ; L., 1996.
79. *Sclove R.* Democracy and Technology. N. Y., 1995.
80. *Sigal L.* Reporters and Officials. Lexington, MA, 1973.
81. *Slayton C. D.* Televote. N. Y., 1992.
82. *Soley L.* The New Shapers: The Sources Who Explain the News. N. Y., 1992.
83. *Sterling Ch., Haight T.* The Mass Media. N. Y., 1978.
84. *Stoll H.* Silicon Shake Oil: Second Thoughts on the Information Superhighway. N. Y., 1995.
85. *Stone A. R.* Will the Real Body Politics Please Stand Up? // *Cyberspace*. Ed by M. Benedict. Cambridge MA., 1991.
86. *Tunstall J.* Europe as World News Leader // *J. of Communication*. Summer, 1992. 42 (3). P. 84–99.
87. *Westbrook R. B.* John Dewey and American Democracy. Ithaca ; L., 1991.
88. *Who Owns the Media? Concentration of Ownership in the Mass Communication Industry* / ed. by Benjamin Compaine. N. Y., 1979.
89. *Wolff R. P.* In Defence of Anarchism. N. Y., 1970.
90. *Wolton D., Lepigeon J.* L’information demain. De la presse ecrite aux nouveaux medias. P., 1979.
91. *Wolton D.* Les medias, maillon faible de la communication politique // *Hermes, Cognition, Communication, Politique*. 1989. 4, July. P 161–185.
92. *Wolton D.* Political Communication: the Construction of Model // *European Journal of Communication*. 1990. 51 (1). P. 9–20.
93. *Wolton D., Blumler J., Dayan D.* Western European Perspectives on Political Communication: Structure and Dynamics // *Ibid*. 1990. 5 (2/3). P. 261–285.
94. *Wolton D.* Eloge du grand public. Une Theorie critique de la television. P., 1990.

95. *Wolton D.* Us et abus des medias // Faire la politique, Autrement, 122, May. 1991. P. 162–175.

96. *Wolton D.* Journalist: The Tarpeian Rock is Close to the Capitol // J. of Communication. Summer. 1992. 42 (3). P. 26–41.

Рукопись поступила в редакцию 12 июня 2013 г.

УДК 323(612) + 323(569.1) + 327.57 + 316.77:004

А. В. Манойло

РЕВОЛЮЦИИ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» И СИРИЙСКИЙ ВОПРОС

В статье представлены результаты анализа возможных причин системного сбоя в реализации технологий цветных революций («арабской весны») в Сирии. Подробно исследуются основные различия сценариев цветных революций в Ливии и Сирии. Рассматриваются основные внешнеполитические поводы, создаваемые западными странами для оправдания внешнего военного вмешательства в сирийский конфликт.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Ливия, Сирия, «арабская весна», цветные революции, национальная безопасность, внешняя политика, международные отношения, международный конфликт, управление конфликтом, политическая модернизация, психологические операции, информационная политика.

В ситуации на Ближнем Востоке в контексте революций «арабской весны» продолжает оставаться неясным сирийский вопрос. С одной стороны, гражданская война в Сирии начинала развиваться как типичная цветная революция, по сценарию, сходному с ливийским. С другой стороны, с Сирией все должно было закончиться еще до первых чисел мая 2012 г.: в этом в самом начале 2012 г. были уверены абсолютно все — и друзья, и непримиримые противники режима Башара Асада. Американцы, авторы классических цветных революций, только что успешно обкатавшие свой «демократический шаблон» на примере Ливии, настолько в этом не сомневались, что даже начали разворачивать аналогичный сценарий в России, в которой эти волнения, местами закончившиеся незначительными беспорядками, получили название «революции белых ленточек». Тем удивительнее, что из Сирии очередной сенсации не вышло: режим Асада неожиданно проявил стойкость и решимость бороться за власть до конца, не считаясь с потерями среди своих соратников и мирного населения. И волна очередной революции забуксовала в считанных километрах от президентского дворца, получив несколько весьма ощутимых уроков как в самой столице, так и в боях в жилых кварталах Алеппо, Хомса. В результате сирийский мятеж, вовремя не поддержанный иностранной интервенцией (как это было в Ливии), превратился в затяжную позиционную гражданскую войну, в которой самые тяжелые потери несет мирное население. Дело дошло даже до того, что «освободившиеся» после гибели Каддафи

ливийские боевики перетекли в основном не в Сирию, где полным ходом идет освобождение народа от власти очередного наследственного диктатора, а в Мали, где они, сговорившись с туарегами, организовали исламистский переворот. Вот и стоит задуматься, за что воевали эти «революционеры» — за светлые идеалы англосаксонской демократии, универсальные общечеловеческие ценности или за прибыль, которую можно получить, установив власть над страной, обладающей богатейшими залежами урана. Мали, правда, географически ближе, чем Сирия (в случае чего можно и пешком дойти), но это не помешало американцам в начале первого наступления Сирийской свободной армии на Дамаск перебросить в район боев около 700 оставшихся не у дел ливийских боевиков. Так что было бы желание, а способ всегда найдется.

Причину столь упорного сопротивления режима Асада численно превосходящим силам мятежников (в гражданской войне на стороне Асада воюют только алавитские части и специальные службы, остальная армия выжидает и фактически бездействует) многие эксперты видят в наглядном примере, преподнесенном Каддафи: его гибель в очередной раз показала, что американцы и их союзники не планируют оставлять в живых свидетелей своей тайной политики на Арабском Востоке. Как бы ни сложилась ситуация в Сирии, живым Асада из страны не выпустят, и он это вполне отчетливо понимает: Асад, хотя и является представителем сугубо мирной профессии — по образованию он врач-офтальмолог, но впечатление наивного человека ни в коей мере не производит. Особенно если учитывать тот факт, что точно такая же угроза исходит из его алавитского окружения, настроенного сражаться до конца, которое не даст Асаду выйти из игры и до последнего будет удерживать его сначала в роли вождя, а затем и заложника. С этими доводами, конечно, трудно не согласиться, но вместе с тем стоит отметить, что этим причины сопротивления правящего режима Сирии не исчерпываются, потому что Сирия — не Ливия, а Асад — не Каддафи.

Сходство между войной в Ливии и Сирии наблюдается только в качественном составе мятежных формирований, противостоящих правительственным силам: в большинстве своем это все те же исламисты-моджахеды (как правило, граждане других государств), разбавленные профессиональными наемниками (не имеющими убеждений) и дезертирами из правительственной армии и полиции. На этом сходство заканчивается, потому что противостоят сирийским мятежникам силы, качественно отличающиеся от вооруженных сил Ливийской Арабской Джамахирии.

Если за Каддафи воевали в основном люди его племени — из родного для него города Сирта, население которого в буквальном смысле разделило участь вождя, то за Асада воюют алавиты — приверженцы одного из шиитских направлений (секты) в исламе, для которых победа оппозиции, состоящей в большинстве своем из суннитов, означает поголовное физическое истребление, т. е. геноцид. И это не преувеличение: сирийские повстанцы полностью уничтожают мирное население, если им удастся захватить алавитское селение или деревню. Заодно по маршруту движения Свободной армии Сирии вырезаются и остальные конфессии, в основном христиане. Последний христианин

в г. Хомс, перешедшем под контроль мятежников в конце 2012 г., был убит тогда же, 1 ноября 2012 г. [1].

В отличие от алавитского ядра сирийской армии, которая считается одной из самых боеспособных в регионе, армия Каддафи состояла в основном из наемников, которые и отошли в сторону, как только в конфликт вмешались США, тем самым спасшие своих союзников по НАТО — Францию и Великобританию — от весьма вероятного военного поражения. На комплексах ПВО у Каддафи сидели в основном пакистанцы, которых трудно заподозрить в наличии излишнего патриотизма в отношении чужой для них страны и упорном желании воевать за маленький (всего около 2 млн населения) ливийский народ.

Боевые действия мятежников из Свободной армии Сирии и воюющих на их стороне боевых подразделений Аль-Кайды, Талибана, Движения исламского возрождения Узбекистана и др., до сих пор не поддержаны прямой иностранной интервенцией, хотя попытки ее начать, инсценировав формальный повод, все-таки делались. Одной из таких попыток следует считать обстрел неустановленными лицами, находящимися на сирийской территории, турецких пограничников, повлекший жертвы среди мирного населения. Второй попыткой начать замаскированное вторжение западной коалиции можно считать «малую войну» между Палестиной (находящейся под фактическим контролем ХАМАС) и Израилем, обвинившим Иран и Сирию в поставке боевикам ХАМАС ракетного вооружения. Третьей попыткой найти формальный повод для начала внешней агрессии против Сирии можно считать перепевы по поводу наличия у «преступного» режима Асада оружия массового поражения (на этот раз, в отличие от Ирака, не ядерного, а всего лишь химического) и решимости Асада это оружие применить в случае, если США и НАТО решатся на прямое участие в конфликте [2].

В первом случае сценарий оказался предельно прост: в обстреле турецкой территории обвинили сирийскую правительственную армию, в связи с чем Турция решительно заявила, что намерена твердо пресекать любые попытки нападения на ее граждан, но при этом опасается пасть жертвой прямой военной агрессии со стороны асадовского режима. В тот же день США выступили с заявлением, смысл которого сводился к тому, что США не бросят своего союзника по НАТО в беде и готовы немедленно прийти к нему на помощь, невзирая на международные конвенции и резолюции СБ ООН. Нетрудно заметить, что этот сценарий полностью скопирован с более раннего — ливийского, по которому США якобы были вынуждены оказать военную помощь своим союзникам по НАТО, терпящим военное поражение от «диких бедуинов», незнакомых с цивилизованными традициями ведения войны. Вероятно, именно благодаря столь явно выраженной похожести этот сценарий так и не получил своего дальнейшего развития.

Нетрудно заметить, что обстрел турецкой территории неизвестными лицами, находившимися на территории Сирии, весьма удобный повод для начала военного вторжения ударной группировки НАТО и прямого вмешательства западных государств в гражданскую войну.

Турки приписывают нападение на их граждан, повлекшее жертвы среди мирного населения, сирийским правительственным войскам, верным Асаду. Между тем следует сказать, что сирийско-турецкая граница на момент инцидента уже не контролировалась правительственными войсками — еще два месяца до того она полностью перешла под контроль мятежников из Свободной армии Сирии, о чем они сами неоднократно заявляли. Так что кто именно там открыл огонь по турецкой территории — вопрос в целом неясный. По почерку этот инцидент скорее дело рук сирийской оппозиции, которой жизненно необходимо вмешательство в конфликт вооруженных сил Североатлантического альянса: в одиночку они с Асадом не справятся. Нет сомнений в том, что ради такой поддержки они готовы пойти на любые провокации.

Кроме того, напрашивается очевидная аналогия с инцидентом, с которого началась Вторая мировая война, — с расстрелом немецких граждан немецкими диверсантами, переодетыми в польскую военную форму. В случае с Сирией неизвестными лицами, обстрелявшими турецкую территорию, взят все тот же шаблон, как будто его скопировали из школьного учебника. История, к сожалению, имеет обыкновение повторяться.

Во втором случае в большой политической игре, ведущейся вокруг Сирии, была разыграна карта ближневосточного конфликта между Израилем и Палестиной. 15 ноября 2012 г. на Ближнем Востоке вспыхнул конфликт, имевший все шансы переродиться в новую большую войну: боевики радикального палестинского движения ХАМАС выпустили по Израилю около 400 ракет класса «земля — земля». Треть из них были перехвачены израильской ПРО, остальные попадали на головы израильтян, включая жителей столицы. В ответ израильтяне уничтожили некоторое количество палестинцев, в основном случайно оказавшихся в окрестностях арабо-израильской границы (СМИ говорили о 19 погибших), и объявили тотальную мобилизацию.

Пока политики гадали о причинах внезапной атаки в целом сравнительно неагрессивных (в последнее время) палестинцев на своих соседей-израильтян, сценарий новой большой войны стал приобретать вполне реальные очертания: мало кто сомневался, что Израиль обязательно ответит на атаки арабов наземной операцией в секторе Газа, перестреляет там массу случайных людей и тем самым вызовет конфликтную мобилизацию всего арабского мира.

Эти опасения имели под собой вполне реальные основания: Египет практически сразу же выразил свое крайнее недовольство военными приготовлениями Израиля и, по тону заявлений его президента, лидера египетской ячейки радикальной исламистской организации «Братья-мусульмане» М. Мурси, готов был вмешаться в конфликт в любой момент. Тем более что последний в борьбе за власть незадолго перед этими событиями весьма изобретательно «зачистил» верхушку египетской армии, которая остается в Египте единственной реальной силой, способной влиять на политическую жизнь страны.

Интересно, что на тот момент сложившаяся вокруг палестино-израильского конфликта ситуация вполне устраивала и режим Б. Асада, и режим исламских мулл в Иране. Более того, не исключено, что атака ХАМАС была спланирована именно Дамаском или Тегераном и управлялась из одного из указанных

центров. Впрочем, это давний испытанный способ конфликтной мобилизации в арабском мире: в борьбе против иноверцев арабы быстро забывают прежние обиды. Таким образом, если бы Израиль ответил на вызов ХАМАС, западная коалиция во главе с США, забуксовавшая со своей «арабской весной» в Сирии, получила бы в качестве военного противника консолидированный фронт исламских государств. Дальнейшее развитие ситуации стало полностью зависеть от того, насколько глубоко Израиль заглочит брошенную ему наживку [3].

Как теперь уже известно, Израиль наживку не заглочил, и его фактическое отступление на военном и политическом фронте ХАМАС воспринял как первую свою безусловную военную победу. Однако кто именно остановил израильскую военную машину: руководство страны или его американские партнеры, — до сих пор остается неясным. Возможно, Вашингтон свернул этот сценарий, понимая, что игра становится слишком сложной и многовариантной, а сама разыгрываемая комбинация обладает рядом слабых моментов, способных сыграть на руку Сирии и Ирану.

В третьем случае сценарий оказался далеко не нов: в его основу был положен порядком избитый шаблонный миф об угрозе со стороны авторитарных ближневосточных режимов, якобы обладающих оружием массового поражения (ОМП). Именно угроза применения ОМП режимом Саддама Хусейна (реальная или гипотетическая — сейчас трудно судить, ведь, как известно, наличие у Саддама ОМП не подтвердилось) стала основной причиной, оправдывающей вторжение США в Ирак в 2003 г.

В августе 2012 г. Барак Обама наконец-то признался, чего он боится больше всего: химического и биологического оружия президента Асада. «Мы начнем вторжение, — заявил Б. Обама, — как только сирийцы применяют химическое оружие» [4] или куда-то его вывезут. «Если мы увидим, что химическое оружие куда-то вывозится или используется, мы будем рассматривать это как переход за красную черту. И это заставит меня действовать уже по-другому», — пригрозил Б. Обама [Там же]. Но и в этом случае американцы собираются выждать, пока асадисты (сторонники Б. Асада) не истратят весь свой боезапас на «борцов за свободу». Тем из борцов, кто при этом выживет, будет дано почетное право идти впереди американских танков, расчищая путь к свободе.

Российские представители заявили, что никакой химии Россия в Сирию никогда не поставляла — ни боевой, ни бытовой, ни в имперский период своего существования, ни в эпоху демократических преобразований. Запад заметно огорчился такому повороту дела: как бороться с химией русских в принципе понятно, она для натовских военных почти что родная, а вот что там у Асада припрятано на самом деле — доподлинно неизвестно. Вытащат эти сирийцы из «закромов Родины» какой-нибудь гриб — и пол-Аль-Кайды нет.

Сирия входит в число стран, не присоединившихся к конвенции о запрещении химического оружия 1997 г. Однако она выступает категорически против его применения в современных конфликтах, за исключением военной интервенции, несущей угрозу самому существованию суверенного сирийского государства (с Асадом или без него).

Близость президентских выборов в 2012 г. побуждала Б. Обаму бояться сирийской химии все сильнее: лучшего момента для нагнетания всеобщей истерии было не найти, американская нация в этот период чувствительна как никогда к любым проявлениям коллективных страхов и фобий. Правительство Асада также это понимало и даже официально заявило о том, что трагедия сирийского народа предусмотрена сценарием избирательной компании действующего президента США. Тот этого даже не стал отрицать, переключив внимание мирового сообщества на своих статистов, которых теперь стало модно держать в большой политике, — Кондолизу Райс и Викторию Нуланд, которая незадолго до этого стала новым официальным представителем Государственного департамента США.

Последняя 21 августа 2012 г. выступила с заявлением, что Соединенные Штаты намерены и дальше действовать в Сирии в обход Совета Безопасности ООН, поскольку американцы сомневаются в способности некоторых его членов урегулировать разногласия и достичь единства мнений. «Мы будем осуществлять в Сирии настоящие политические изменения вместе с теми странами, которые хотят в этом участвовать, — публично заявила В. Нуланд, — и, если потребуется, вне рамок Объединенных Наций» [4].

Это уже не первый случай, когда «простая американская девушка» публично отчитывает старейшую международную организацию. В ответ на данное заявление глава российского МИД С. Лавров заявил, что отодвигать ООН в сторону как минимум преждевременно: Москва и Пекин считают недопустимыми нарушения норм международного права в ситуации с Сирией. По словам главы российского МИД, в своих действиях обе страны руководствуются «очень надежными критериями. Эти критерии заключаются в необходимости строго соблюдать нормы международного права, принципы, которые заложены в Уставе ООН, и не допускать их нарушения» [Там же].

Совместное выступление России и Китая по вопросам угрозы со стороны сирийского химического оружия привело к тому, что тема оружия массового уничтожения была временно изъята из политической повестки Соединенных Штатов и споры по этому поводу на время прекратились — вплоть до момента химической атаки на жилые кварталы пригорода Дамаска, Восточной Гуты, в августе 2013 г., повлекшей за собой многочисленные жертвы среди мирного населения. Это был тот поворотный момент в дискуссии о сирийской химической угрозе, который едва не стал для США и их союзников легитимным поводом для начала военной интервенции.

Согласно данным расследования ООН ночью 21 августа 2013 г. по населенным районам были выпущены несколько ракет с боеголовками, содержащими в общей сложности порядка 350 литров зарина. В настоящее время нет достоверной информации о том, какая именно из сторон конфликта ответственна за это преступление, — сирийские власти и оппозиция обвиняют в случившемся друг друга. Международные оценки событий также отличаются: США и еще 36 стран обвиняют в применении химического оружия правительственные силы Сирии, Россия и Иран обвиняют в атаке вооруженную оппозицию. Эксперты ООН, расследовавшие инцидент, подтвердили лишь

сам факт химической атаки и выяснили некоторые технические детали (количество и тип ОВ, способ доставки), однако виновных не выявили.

По состоянию на 19 сентября 2013 г. международным сообществом по предложению России была принята договоренность о присоединении Сирии к конвенции о запрещении химического оружия, передаче контроля над химическим оружием Сирии международному сообществу и уничтожению запасов ОМП Сирии к 2014 г. Сирийские власти подтвердили готовность выполнить данные обязательства, США, в свою очередь, подтвердили намерение воздержаться от военной интервенции в Сирию в случае выполнения предложенного Россией плана, но оставили за собой право на применение силы, если Дамаск нарушит взятые на себя обязательства [6].

Между тем предложенный Россией план по химическому разоружению Сирии дал не только позитивные результаты. Женевские договоренности по Сирии создали ситуацию динамической неустойчивости и продемонстрировали, что Россия готова пойти на существенные уступки Западу. По мнению известного военного аналитика А. И. Гущера, «Россия, пойдя навстречу США в ходе женевских переговоров, теперь ощущает на себе все издержки своей сговорчивости. Они выражаются прежде всего в том, что администрация Обамы теперь не довольствуется малым, а развивает наступление на сирийском направлении, выдвигая однозначные обвинения в адрес Асада относительно применения его войсками химического оружия» [9]. Более того, в Вашингтоне открыто заявили, что не видят для сирийского президента места в будущем руководстве страны. Одновременно США продолжают угрожать применением силы, если Дамаск будет саботировать уничтожение своего «отравляющего» оружия. «Российская элита, не желая идти на жесткий конфликт с Западом по поводу Сирии, стремится добиться компромисса хотя бы ценой существенных уступок. Одновременно она почти отказалась от поддержки Асада, свидетельством чему являются заявления В. В. Путина на Валдайском форуме, которыми он практически дистанцировался от сирийского противостояния, а также высказывания в адрес сирийского лидера главы президентской администрации Сергея Иванова на конференции “Глобальный стратегический выбор” в Швеции» [Там же].

США продолжают настаивать на виновности режима Асада и открыто говорят о своем стремлении любой ценой добиться его отстранения от власти. По их мнению, разоружение Сирии не снимает проблемы наказания Асада за якобы проведенную его войсками химическую атаку против мирного населения 21 августа 2013 г. «Это была бойня, искусно устроенная режимом, который, как известно, обладает одним из крупнейших незадекларированных запасов зарина. Считать иначе — значит сознательно закрывать глаза на представленные факты», — заявила постоянный американский представитель при ООН Саманта Пауэр на неформальном заседании Генассамблеи ООН, посвященном докладу инспекторов. Барак Обама также заявил, что «очень сложно представить себе прекращение гражданской войны (в Сирии), если Асад в действительности остается у власти» [8]. При этом Асада он назвал «диктатором-убийцей» [Там же]. Правда, как отмечает А. И. Гущер, для того, чтобы «рассе-

ять общественные опасения относительно прихода к власти в Сирии радикальных исламистов (что на самом деле практически неизбежно в случае падения режима Асада), Б. Обама заверил, что видит цель США в свержении Асада таким образом, чтобы в Сирии были защищены меньшинства и не смогли доминировать радикальные исламские элементы» [9].

Нежелание России ссориться с Западом по сирийскому вопросу отследили в Вашингтоне, и поэтому официальные лица США все чаще стали подчеркивать тот факт, что позиция Москвы идет «вразрез с позицией мирового сообщества». «Мы, конечно, видели комментарии министра иностранных дел Лаврова. Он плывет против течения, против международного общественного мнения и, что более важно, — против фактов», — заявила, в частности, представитель госдепартамента США Джен Псаки [7].

Что же может предпринять Башар Асад в сложившейся ситуации? На этот вопрос напрашивается несколько вполне очевидных ответов.

Во-первых, в интересах Асада сейчас перебить все боевые отряды оппозиции, пока они не получили поддержки в виде экспедиционных сил НАТО и государств Персидского залива. Мятежников сейчас сравнительно немного, они еще не вооружены тяжелым оружием (артиллерией, танками, комплексами ПВО и т. д.), за исключением боевых трофеев; в своем наступлении они полагаются не столько на собственную ударную силу, сколько на безграничные возможности по подкупу сирийских командиров, преграждающих им дорогу (так, как это было сначала в Ираке, а затем в Ливии).

Западу и НАТО повстанцы необходимы не как организованная боевая сила, а как некое политическое движение, которое можно выдать за представляющее интересы большинства сирийских граждан, угнетенных режимом Асада (кто там будет считать, сколько их на самом деле, этих представителей «сирийского народа», поддерживающих мятежников?), избрать из их числа «правительство национального освобождения», признать его официально как единственное легитимное правительство Сирии и затем получить от лица этого суррогатного правительства официальное приглашение вмешаться в конфликт. Сходная схема была разыграна американцами на Кубе, в Заливе свиней. Там, правда, бойцы Фиделя так быстро перебили всех высадившихся эмигрантов, что те даже не успели сформировать свое правительство, не говоря уже об установлении дипломатических отношений с Соединенными Штатами. У Асада сегодня та же ситуация: пока в руках мятежников остается хоть пядь сирийской земли, для Асада сохраняется угроза прямой иностранной интервенции.

Во-вторых, Асаду неплохо бы прояснить вопрос относительно того, кто же все-таки воюет на стороне мятежников и каков процент в их рядах собственно сирийских граждан. Есть подозрения, что этот процент невелик: известно, что примерно половина всех полевых командиров так называемой оппозиции — руководители секций Аль-Кайды, в отрядах полно исламистов из Египта, Ливии, других государств Африки и Ближнего Востока. Более того, наемники всюду вербуются американскими инструкторами в других горячих точках планеты, например в зоне суданского конфликта. Складывается ситуация, схожая

с первой и второй войнами в Чечне, когда на стороне чеченских сепаратистов воевали моджахеды со всего арабского востока, включая страны Персидского залива; встречались даже негры. Прояснение вопроса о том, кто же воюет на стороне сирийской оппозиции, может показать реальную картину событий и указать на истинных игроков, которые сегодня на острие американской внешней экспансии несут миру новый исламский порядок.

В-третьих, у Асада явно хромает пропаганда. В рядах мятежников на него наступает Аль-Кайда, еще совсем недавно олицетворявшая собой «мировое зло». На его месте давно пора бы объявить борьбу с мятежниками «контртеррористической операцией», показать тела убитых боевиков Аль-Кайды, выразить солидарность с США в борьбе с международным терроризмом и тем самым окончательно сбить с толку натовских стратегов. Именно этот сценарий в свое время был так удачно разыгран российскими политиками в Чечне, где Запад тоже пытался представить чеченских бандитов «борцами за национальное освобождение от кровавого кремлевского режима». Однако не вышло. Возможно, что не выйдет и в Сирии.

Интересно, что тема химического оружия получила свое новое звучание в марте 2013 г., когда власти Сирии обвинили оппозицию в обстреле позиций правительственных войск снарядами с химическими боезарядами, а официальный Белый дом сначала выступил с отрицанием этого факта — по формуле «мы не верим», а затем пригрозил лично во всем разобраться. «Я крайне скептически отношусь к подобным обвинениям в адрес повстанцев. Если окажется, что химоружие использовали правительственные войска, Башар Асад понесет за это ответственность», — подчеркнул президент США Барак Обама [5].

Тем самым угроза миру, связанная с утратой сирийским режимом контроля над запасами оружия массового поражения, была вновь актуализирована в сознании международного сообщества. Чем не прелюдия для военного вторжения? Угроза химической войны — весьма удобный, проверенный еще в иракской кампании 2003 г. повод для интервенции, цель которой — спасти мир от нависшей над ним угрозы химической войны. Разумеется, что ради достижения этой благой цели Сирия будет вынуждена пожертвовать своим суверенитетом, а Асад — личной властью.

Все это указывает на то, что в схемах современных цветных революций идет непрерывное эволюционирование форм и методов сопряжения психологических операций с поддерживающим их силовым ресурсом — вооруженными силами государств-демократизаторов, готовых при наличии удобного и внешне легитимного повода начать интервенцию. При этом англосаксами используется ограниченный набор шаблонных поводов, которые последовательно отработываются в конфликтах на Ближнем Востоке. При этом прежние идеологические штампы Администрации США, порядком уже надоевшие (такие, как угроза применения оружия массового поражения), в условиях революций «арабской весны» могут получить «вторую жизнь» и новое содержание.

1. Убит последний христианин сирийского Хомса // Мир и Политика. 2011. 1 нояб. [Электронный ресурс]. URL: <http://mir-politika.ru/1823-ubit-posledniy-hristianin-siriyskogo-homsa.html> (дата обращения: 25.10.2013 г.).
2. Сирия готова применить химическое оружие // Там же. 2012. 7 дек. [Электронный ресурс]. URL: <http://mir-politika.ru/2470-smi-siriya-gotova-primenit-himoruzhie.html> (дата обращения: 25.10.2013 г.).
3. ХАМАС в роли наживки // Там же. 17 нояб. [Электронный ресурс]. URL: <http://mir-politika.ru/2079-hamas-v-rol-i-nazhivki.html> (дата обращения: 25.10.2013 г.).
4. Обама испугался // Там же. 28 авг. [Электронный ресурс]. URL: <http://mir-politika.ru/1043-obama-ispugalsya.html> (дата обращения: 25.10.2013 г.).
5. Обама готовится обвинить Асада в применении химического оружия // Там же. 2013. 22 марта. [Электронный ресурс]. URL: <http://mir-politika.ru/4079-obama-gotovitsya-obvinit-asada-v-primenenii-himoruzhiya.html> (дата обращения: 25.10.2013 г.).
6. Россия убедила США не бомбить, а разоружить Дамаск — мятежники разочарованы. NEWSru.ua. 2013. 16 сент. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.newsru.ua/press/16sep2013/rozzbroenna.html> (дата обращения: 25.10.2013 г.).
7. Госдеп США: Лавров плывет против течения. REGNUM, 2013. 18 сент. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/1709045.html> (дата обращения: 25.10.2013 г.).
8. Обама: США намерены добиваться ухода Асада с политической сцены. Взгляд. 2013. 18 сент. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vz.ru/news/2013/9/18/650855.html> (дата обращения: 25.10.2013 г.).
9. *Гушер А. И.* Внешняя политика : аналит. обзор. М., 2013. 16–22 сент.

Рукопись поступила в редакцию 5 июля 2013 г.

УДК 165.62 + 130.121 + 141.2

Т. Х. Керимов

ВРЕМЯ И СОЗНАНИЕ ВРЕМЕНИ: ГРАНИЦЫ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Статья посвящена проблеме феноменологического описания внутреннего времени сознания. На основании исследования четырех требований феноменологии внутреннего сознания времени осуществляется критика наиболее трудных – неразрешимых – утверждений феноменологии, что приводит к переосмыслению предложенной Гуссерлем идеи времени и ставит под вопрос возможность трансцендентальной феноменологии. Это позволяет, опираясь на концепцию архиследа Ж. Деррида, осуществить деконструкцию традиционного понимания времени и сформулировать новое определение, свободное от необходимости представления вневременного тождества в качестве основания для внутреннего времени сознания.

Ключевые слова: время, сознание времени, феноменология, синтез времени, бесконечный регресс, абсолютный поток, принцип тождества, архи-след.

Интуитивное обоснование феноменологии времени

Согласно феноменологии возможность непосредственного доступа к миру, окружающей нас действительности покоится на тех актах сознания, благодаря которым мы и воспринимаем мир. Следовательно, необходимо исследовать и понять те характеристики сознания, через которые эта действительность оказывается доступной. Строго говоря, феноменология и начинается с обнаружения необходимой корреляции между способами данности человеку различных аспектов мира и сознанием о мире. Отсюда возможность особого типа исследования, направленного на изучение не самого предметного содержания человеческого отношения к миру, а его явления в сознании. Безусловно, подобное исследование может проводиться только путем рефлексивного анализа. Такой путь, по мнению Э. Гуссерля, наиболее плодотворен при выявлении

смысловых коррелятов самого фундаментального отношения к действительности — познавательного. Для этого необходимо только найти такие методологические приемы рефлексии над сознанием, при помощи которых можно было бы отвлечься от всех иных типов отношения и, значит, выявить в сознании ту смысловую зависимость, которая является конститутивной для сознания данного предмета.

Феноменология внутреннего сознания времени выдвигает некоторое число категоричных требований, сообщающих ей оригинальность в рамках философии времени. Каждому из этих требований соответствуют специфические трудности, весьма известные, высказываемые в том числе и самим Гуссерлем, и менее очевидные, по крайней мере для самих феноменологов, касающиеся самой возможности феноменологии времени и прежде всего ее притязаний на статус подлинной философии времени. Тем не менее следует более подробно раскрыть сущность требований феноменологии внутреннего сознания времени.

1. Феноменология не рассматривает объективное время: именно возможность существования объективного времени она и объясняет, так что объективное время с самого начала исключается из феноменологического анализа. На деле это означает, что, анализируя конституирование временных объектов, феноменолог не располагает их в объективном времени. Феноменолог не задается вопросом, как течет время. Этот вопрос уже предполагает то, что необходимо объяснить, а именно время, в котором течет время.

2. Феноменология не рассматривает субъективное время: именно возможность и различные способы восприятия времени субъектами она и должна объяснить, так что субъективное время с самого начала исключается из феноменологического анализа. Феноменология не анализирует время, протекающее в субъективной жизни субъекта и вне ее, поскольку такой анализ уже предполагает существование объективного времени. Речь не может идти о способах измерения временной длительности восприятия, скажем в часах или днях, поскольку это предполагает субъективное время, протекающее в объективном времени.

3. Феноменология рассматривает чистое имманентное время или чисто непосредственное восприятие потока времени безотносительно к любому онтологическому допущению о существовании объективного или субъективного времени.

4. Феноменология описывает только способы явления имманентных временных объектов и способы осознания этих явлений. Только через это описание она надеется выйти к осознанию временности и времени вообще. Только через сведение времени к самому себе обеспечивается мера строгой научности и требование имманентности в его понимании.

С уверенностью можно сказать, что в «Феноменологии внутреннего сознания времени» господствует логика «двойной связи». Наряду с другими трактовками времени Гуссерль выделяет феноменологическую трактовку и одновременно с этим требует для феноменологии особого статуса. Феноменологическая трактовка времени — всего лишь одна из возможных в ряду философских трактовок времени. И вместе с тем она требует для себя особого статуса.

Конечно, речь не идет о том, что феноменология времени есть единственно возможная философия времени, но тот факт, что феноменология противопоставляется психологическим и другим научно-теоретическим трактовкам, говорит о том, что другой более или менее удовлетворительной философской трактовки времени нет и быть не может. Но почему вдруг логика «двойной связи» и в чем ее суть?

Феноменологический анализ времени, именно потому что он является феноменологическим, исключает какие бы то ни было допущения относительно объективного времени. Прежде всего, Гуссерль решительно отказывается от любого научно-теоретического подхода ко времени, например психологического и натуралистического, поскольку эти подходы претендуют на некоторое объективное описание времени. Единственно правильным с этой точки зрения Гуссерль считает принципиальный отказ от интерпретации предданной человеку реальности времени в терминах науки и соответственно от исследований ее с позиций научно-теоретической установки. Итак, предположение об объективном всеобъемлющем времени отклоняется с самого начала. Более того, исключаются исследования психофизических соответствий объективных и субъективных оценок временных интервалов. Только феноменологическая трактовка позволяет философии избежать натуралистических и психологических предположений об объективном времени. Вывод очевиден: до тех пор пока натуралистические и психологические предположения об объективном времени не претендуют на собственно философское объяснение, они просто исключаются, когда же они претендуют на определенную философию времени, они критикуются.

Феноменология пытается объяснить то, что натурализм и психологизм принимают за само собой разумеющееся, а именно как конституируется объективное время. Но исключение и объяснение могут быть отделены друг от друга только аналитически. На самом деле уникальность феноменологии состоит в ее взаимодействии с тем, что предшествует любым объективным образованиям, поскольку последние не имеют никаких других оснований, кроме тех имманентных актов схватывания, которые и призвана обнаружить и описать феноменология. «Говоря феноменологически: объективность конституируется как раз не в “первичных содержаниях”, но в свойствах схватывания (*Auffassungscharakteren*) и в закономерностях, принадлежащих к сущности этих свойств. Полностью в этом разобраться и привести к ясному пониманию должна именно феноменология познания» [4, 10].

Представим себе, что нам вдруг захотелось спросить: в чем суть имманентных актов конституирования именно в смысле феноменологическом, поскольку так много ожиданий связывается с этим понятием? Постановкой подобного вопроса мы подходим к одному существенному моменту. Если феноменология на самом деле касается первичных форм времени как условий возможности любой другой философии времени, тогда привилегия феноменологии заключается в том, что она и объясняет (через конституирование) данные первичные формы, и оправдывает любую возможную философию времени, тестируя ее на предмет укорененности в первичных формах. Но странность

этой ситуации состоит в том, что феноменологическую трактовку феноменологических актов конституирования и схватывания может дать только феноменология. То, что объясняет и оправдывает привилегированный статус феноменологии, само остается непроявленным. Так мы приходим к неизбежному заключению: собственная предметность феноменологии времени остается неопределенной. Это движение, по феноменологическому методу оказывающееся круговым, показывает, что феноменологический опыт нельзя выделить и ограничить, его нельзя свести к чисто формальным изысканиям и в то же время его нельзя каким-то образом зафиксировать, поскольку он вовлекает в себя все, что мы делаем.

Гуссерль идет еще дальше: «Теоретико-познавательный вопрос о возможности опыта — это вопрос о сущности опыта, и прояснение его феноменологической возможности требует возврата к феноменологическим данным, из которых состоит феноменологически то, что дано в опыте (*das Erfahrene*)». И еще: «В этом вопросе о происхождении (времени) речь идет о первичных формообразованиях сознания-времени, в которых интуитивно и непосредственно конституируются первичные различия временного как изначальные источники всех очевидностей, относящихся ко времени» [4, 11]. Феноменология — это не просто один из методов (в ряду множества других), но единственный метод, востребованный тем, с чем она имеет дело. И это не просто гипотеза, а неоспоримый факт.

Допустим, вместе с Гуссерлем мы принимаем этот факт, а именно что только феноменология в состоянии дать более или менее удовлетворительную философскую трактовку времени. Но уже в начале § 7 названной работы Гуссерль задает два подозрительных вопроса. Он спрашивает: «каким образом следует понимать схватывание трансцендентных временных объектов, которые распространяются по длительности?..» и «каким образом наряду с “временными объектами”, имманентными и трансцендентными, конституируется само время, длительность и последовательность объектов?» [Там же, 24–25].

Совмещение этих двух вопросов — эпистемологического и конституционального — составляет действительную границу феноменологической трактовки времени. С одной стороны, время по праву является объектом познания, и когда Гуссерль спрашивает, каким образом время как таковое конституируется, он и пытается описать наше отношение ко времени и с этой целью обращается к первичным формам осознания времени. С другой стороны, время, или время сознания, играет решающую роль при схватывании временных объектов, так что никакое знание невозможно без понимания роли ретенции, протенции и памяти в переживании.

Отдавая дань господствующей установке своего времени, Гуссерль помещает теорию познания в центр собственного исследования, хотя под видом теории познания он на самом деле преследует сущностно онтологические интересы. Но что значит строить «феноменологическую теорию познания» и при этом преследовать онтологические интересы? Можно было бы, однако, показать, что сама возможность феноменологии времени вытекает из скрытого противоречия между двумя тенденциями, гносеологической и онтологической.

Достиг ли успеха Гуссерль в разрешении этого противоречия? В дальнейшем мы попытаемся показать, что ему так и не удастся придать времени статус объекта: именно потому, что, по его же собственному признанию, время входит в конституирование объекта познания. Более того, феноменологический поиск чистого, подлинного времени приводит Гуссерля к тому пределу, где сама идея времени как таковая оказывается подвешенной. Эта невозможность объективирования времени образует необходимый предел феноменологии внутреннего сознания времени.

Синтез времени и бесконечный регресс

Когда Гуссерль исследует данность феноменов сознанию, он обнаруживает, что сущностной характеристикой феномена вообще является временность. Он различает трансцендентные и имманентные временные объекты. Время суть нередуцируемая форма индивидуальных реальностей — как имманентных, так и трансцендентных объектов. Независимо от того, что именно интендируется — внешний объект, другой человек или внутренний имманентный феномен, — все они являются во времени. Это условие относится не только к данному интенциональному объекту, но и к акту интендирования этого объекта. Схватывание временных объектов требует акта познания, где обособленные во времени части синтезируются в некоторое единство. Гуссерля интересует именно временность этого акта познания. Гербарт и Лотце (повлиявшие на теорию Brentano) временность этого синтетического акта познания представляют как имеющую место в одном и том же неделимом моменте времени, в результате чего этот акт схватывания предполагает трансцендирование временных различий, иначе само представление растворилось бы во временной последовательности. Если бы сознание целого было не моментальным, а, скажем, продолжительным, тогда, возможно, оно потребовало бы последующего акта единения. Против этой «догмы моментальности сознания целого» выдвинул возражение У. Штерн, который полагал, что бывают случаи, когда схватывание единства темпорально протяженного объекта растягивается по тому же самому временному интервалу.

Гуссерля не удовлетворяет ни одна из названных теорий, поскольку они кажутся ему слишком наивными в силу отсутствия в них необходимых различий, которые присутствовали у Brentano. Возражая Ф. Гербарту и Р. Г. Лотце, Гуссерль говорит, что восприятие временного объекта само обладает временностью. Восприятие не имеет места в один момент. Например, слушание мелодии есть восприятие. Но все же когда мы пытаемся объяснить, как оно (восприятие-слушание мелодии) имеет место, то, как правило, склоняемся к отождествлению восприятия с воспоминанием и ожиданием. Всеми этими возражениями Гуссерль надеется показать настоятельную необходимость именно феноменологического описания первичных временных явлений.

Но если акт синтеза сам по себе является временным, тогда он не может быть дан как непосредственное единство. Он должен быть синтезирован другим актом, который, в свою очередь, синтезируется другим актом, и так до

бесконечности. В примечании к «Феноменологии внутреннего сознания времени» Гуссерль формулирует эту проблему следующим образом: «Если я живу в тональном явлении, то для меня присутствует здесь тон, и он имеет свою длительность или изменение. Если я обращаю внимание на тональное явление, то последнее присутствует здесь и имеет свою темпоральную протяженность, свою длительность или изменение. При этом тональное явление может означать различное. Оно может, скажем, означать акт внимания на непрерывность оттенков Теперь, Только-что и т. д. Теперь поток (абсолютный поток) опять должен быть предметным и снова иметь свое время. Так же и здесь снова стало бы необходимым сознание, конституирующее эту объективность, и сознание, конституирующее это время. В принципе мы могли бы снова рефлексировать, и так *in infinitum*. Был ли бы здесь безобидным бесконечный регресс?» [4, 131].

Гуссерль понимает, что причина этого бесконечного регресса кроется в движении темпорализации, которое разделяет каждое присутствие в его становлении или событийности. И по этой же причине никакой интенциональный акт не может быть «самоконституирующим». Именно в силу присущей ему временности интенциональный акт исключает тождество с самим собой и нуждается в другом акте.

Для того чтобы положить конец этому регрессу, Гуссерль вводит третий уровень внутреннего времени сознания — абсолютный поток. В противоположность интенциональным актам и их объектам поток — это «абсолютная субъективность», неконституируемая во времени, но непосредственно данная себе как «живое присутствие». Здесь возникает вопрос: каким образом конституирующая субъективность оказывается явленной себе самой? Если трансцендентальный субъект является самому себе, тогда он разделяется, и мы снова сталкиваемся с бесконечным регрессом. Гуссерль формулирует проблему следующим образом: «Каждый акт есть сознание чего-либо, однако каждый акт также осознается. Каждое переживание “ощущается”, имманентно “воспринимается”... Каждый акт может быть репродуцирован, к каждому “внутреннему” сознанию акта как [акту] восприятия (*Wahrnehmen*) принадлежит возможное репродуктивное сознание, возможное воспоминание например. Конечно, кажется, что это ведет к бесконечному регрессу» [Там же, 151].

По крайней мере структурно Гуссерль сталкивается с проблемой, которую сформулировал И. Кант в «Критике чистого разума», а именно с проблемой соотношения последовательности и синтеза. Хотя временное неумолимо разделяется на прошлое и будущее, никакого переживания времени не будет, если прошлое и будущее не связаны друг с другом. Стало быть, для осознания временной последовательности необходим синтез последовательных моментов. Например, мы слушаем отдельный тон. Если он просто исчезнет, мы никогда не будем иметь представления о мелодии, а воспримем всего лишь последовательность отделенных друг от друга тонов. Когда тона остаются неизменными, мы слышим аккорд одновременных тонов. Вопрос заключается в том, каким образом возможен синтез последовательности тонов. Кант пишет: «Без сомнения, если я мысленно провожу линию, или представляю себе время

от одного полудня до другого, или хочу лишь представить себе какое-нибудь число, я необходимо должен сначала мысленно брать одно из этих многообразных представлений, а затем следующее. Если же я постоянно забывал бы предшествующие представления (первые части линии, предшествующие части времени или последовательно представляющиеся единицы) и не воспроизводил их, переходя к следующим, то у меня никогда не возникло бы целое представление, не возникла бы ни одна из вышеназванных мыслей и даже не образовались бы чистейшие и первые основные представления о пространстве и времени» [5, 703].

С одной стороны, многообразие созерцаний — это не только множество, но и временная последовательность. С другой стороны, последовательность времени нельзя будет пережить, если дискретные моменты не связаны друг с другом и таким образом не синтезированы. Проблема для Канта заключается в том, как мыслить такой синтез и как примирить протяженность временности с формальным требованием фундаментального единства сознания.

Каким образом решается эта проблема? Кант противопоставляет постоянно меняющееся эмпирическое сознание трансцендентному единству апперцепции — «чистому, первоначальному, неизменному сознанию» [Там же, 706]. Это единство обязательно связано со временем, но оно не может быть временным само по себе. В противном случае мы имели бы интроверсию дурной бесконечности, потому что само основание синтетического единства сознания, будучи включенным во временную последовательность, потребовало бы другого основания синтеза и т. д. Чтобы избежать такого бесконечного регресса, Кант различает эмпирическую самость, существующую во времени, и чистую апперцепцию трансцендентального субъекта, т. е. «Я мыслю», которое, согласно Канту, «должно иметь возможность сопровождать все мои представления» [Там же, 191]. «Я мыслю» является спонтанным источником синтеза, который связывает многообразное в созерцании в одном самотождественном сознании. Такая апперцепция блокирует бесконечный регресс, поскольку она есть «самосознание, порождающее представление *я мыслю*, которое должно иметь возможность сопровождать все остальные представления и быть одним и тем же во всяком сознании; следовательно, это самосознание не может сопровождаться никаким иным [представлением]» [Там же].

Но Кант осторожен: трансцендентальное Я апперцепции отличается от субъекта как субстанции. Синтетическое единство апперцепции обеспечивает только сознание того, что «я существую», но познается «только как я себе *являюсь*, а не как я *существую*», потому что любое познание себя должно иметь место в соответствии с формой внутреннего чувства (т. е. времени). Поэтому Кант подчеркивает, что чистая апперцепция «есть только формальное условие, а именно логическое единство всякой мысли, в которой я отвлекаюсь от любого предмета» [5, 751]. Никакого познания субъекта как такового за пределами этой концепции трансцендентального Я как формальной необходимости не может быть.

Кант решает проблему синтеза с помощью «чистого, первоначального, неизменного сознания». Такое решение неприемлемо для Гуссерля. Сама воз-

возможность трансцендентальной феноменологии зиждется на возможности феноменологического анализа трансцендентальной субъективности, непереносимое условие которого — самоявленность этой субъективности. Следовательно, Гуссерль должен объяснить, каким образом абсолютный, самоконституирующий поток является для себя самого.

Конституирование абсолютного потока

Идея абсолютного потока сознания представляется через противопоставление двух принципиально различных уровней — «конститутивного потока» и «конституируемых единств». Время-сознание и «объективное время» суть конституируемые конститутивным потоком единства. В тридцать четвертом параграфе «Феноменологии внутреннего сознания времени» Гуссерль называет этот конститутивный уровень «абсолютным темпорально-конститутивным потоком сознания». Описание уровня балансирует на границе смысла и абсурда. Темпорально-конститутивные феномены суть, очевидно, принципиально другие предметности: «...Здесь отсутствует всякий объект, который изменяется; и поскольку в каждом процессе “нечто” протекает, здесь не идет речь о каком-либо процессе. Здесь нет ничего, что изменяется, и поэтому нельзя осмысленно говорить о чем-то, что длится. Таким образом, бессмысленно пытаться найти здесь нечто, что больше не изменяется в длительности» [4, 78]. И тем не менее, коль скоро это темпорально-конститутивный поток, мы должны говорить об изменении. Но как? В противоположность конституируемым единствам в темпорально-конститутивном потоке «мы находим с принципиальной необходимостью поток постоянного “изменения”, и этому изменению присуща определенная абсурдность, [а именно], что оно протекает точно так, как протекает, и не может протекать ни “быстрее”, ни “медленнее» [Там же]. Так в чем же заключается абсурдность изменения? По-видимому, в том, что об изменении мы не можем говорить в категориях изменения. Было бы, по-видимому, еще более абсурдным, если бы мы могли говорить об этом. Итак, у нас не хватает слов для описания темпорально-конститутивного потока.

Хотя Гуссерль и признает, что темпорально-конститутивный поток остается странным образом непостижимым и невозможным, однако он вводит новые вопросы, ответы на которые по большому счету ничего нового не добавляют к этому выводу, а, напротив, усиливают его. То, что следует далее, является скорее доказательством невозможности времени. Примечателен окончательный вывод его описания абсолютного потока: «Мы не можем сказать ничего другого, как: Этот поток есть нечто, что мы называем так по Конституируемому, но он не есть нечто темпорально “Объективное”. <...> Для всего этого не хватает названий» [Там же, 79].

При ближайшем рассмотрении описание самоприсутствия абсолютного потока покоится на двух взаимоисключающих моделях, которые Гуссерль пытается тем не менее примирить. С одной стороны, поток образует непосредственно данное единство, в противном случае нельзя было бы избежать регрессивного движения темпорализации. Поэтому Гуссерль часто подчеркивает,

что поток суть импрессиональное сознание, являющееся себе самому прежде любой ретенциальной модификации. Описание потока как импрессионального вполне согласуется с самоконститутивностью потока, подразумевающего совпадение с самим собой в мгновенно-актуальной точке Теперь. Однако именно это понятие самотождественного Теперь Гуссерль исключает. Он признает, что даже поток конституируется благодаря ретенции. Но это же означает, что ретенциальная интенциональность потока всегда уже темпоральна. Если бы поток не был темпоральным, т. е. не разделялся на отдельные фазы, тогда в его самосохранении не было бы никакой необходимости. Более того, из нередуцируемости времени следует, что каждый момент разделяется в самой его событийности. Как только время включается в структуру рефлексии, автоаффеция оборачивается гетероаффецией.

Как бы то ни было, хотя автоаффеция абсолютной субъективности ретенциальна, Гуссерль описывает ее как «продольную интенциональность», дотемпоральную, дорефлексивную и дообъективную: «интенциональность без объекта», призванную объяснить, каким образом субъект дается самому себе без опосредования и временной задержки. Это утверждение согласуется с традиционным требованием феноменологии, а именно: «Субъективное время конституируется в абсолютном вневременном сознании, которое не есть объект» [4, 128].

Тем не менее проблема заключается в том, чтобы объяснить возможность такой интенциональности: каким образом ретенциальное сознание ускользает от времени? Единственно возможный ответ — это полагание иного, нежели рефлексивное, глубинного сознания, в противном случае феноменология внутреннего сознания времени запутывается в бесконечном регрессе.

Бесконечный регресс есть не что иное, как движение темпорализации, которое подрывает саму идею присутствия в себе, так как каждый момент разделяется в своем становлении и ссылается на другие моменты, которые, в свою очередь, разделяются, и т. д. Движение темпорализации имеет место даже на глубинном уровне абсолютного потока. В этом отношении будет интересно обратиться к решающему § 39, где ретенция предстает как репрезентация, которая априорно разделяет субъекта: «Поток имманентного темпорально конституирующего сознания не только есть, но устроен таким удивительным и все же понятным образом, что в нем необходимо должна существовать самоявленность (*Selbsterscheinung*) потока, и отсюда сам поток должен быть постижим с необходимостью в протекании. Самоявленность потока не требует второго потока, но как феномен он конституируется в себе самом. Конституирующее и Конституируемое совпадают, и все же они не могут, естественно, совпадать в каждом аспекте. Фазы потока сознания, в которых феноменально конституируются фазы того же самого потока сознания, не могут быть идентичны этим конституируемым фазам, и они не таковы. То, что становится явлением в мгновенно-актуальной [точке] потока сознания, это суть прошедшие фазы потока сознания в ряду его ретенциальных моментов» [Там же, 88].

Абсолютный поток представляет собой фундаментальный уровень сознания времени. Будучи самоконститутивным, именно он призван отвести угрозу бесконечного регресса и обеспечить первичное единство темпорального

потока. Это решение предполагает самоявленность субъекта благодаря «продольной интенциональности», которая ускользает от темпоральной рефлексивности. Однако, как показывает собственный текст Гуссерля, абсолютный поток не совпадает с самим собой. Даже на глубинном уровне он неустанно разделяется темпоральной последовательностью. Субъект конституируется движением темпорализации. Если ссылка на вневременную инстанцию оказывается несостоятельной, тогда ретенция и протенция не образуют единство в «живом присутствии» субъективности. Скорее всего, эти функции свидетельствуют о конститутивных отсрочке и задержке *différance*.

Даже если не очевидно, что анализ абсолютного потока решает проблему бесконечного регресса, эта тонкая работа в рамках феноменологической парадигмы не должна быть недооценена: она свидетельствует об остром осознании тех трудностей, которые свойственны решению феноменологического типа. Само возникновение этих трудностей вполне заслуживает пристального внимания.

Не вдаваясь в подробности, следует выделить по меньшей мере два направления развития этого решения. Первое направление связано с расширением понятия присутствия. Согласно модели расширенного присутствия ретенция и протенция — это не прошлое и будущее в отношении к Теперь первичного впечатления. Скорее, эти три функции (первичное впечатление-ретенция-протенция) образуют «живое присутствие» как фундаментальную форму всякого опыта. Более того, Д. Захави и Р. Бернет определяют ретенцию и протенцию в качестве функций абсолютного потока [6, 85–87, 89–90; 7, 102–112]. Второе направление связано с радикальной трактовкой понятия импрессионального сознания, предложенной М. Анри в его «гилетической феноменологии». Анри упрекает Гуссерля в том, что в его интенциональной феноменологии импрессиональность конституируется во временном потоке. Вместо того чтобы мыслить импрессиональность как подлинно имманентную и не-экстатическую самоявленность, Гуссерль рассматривает ее как данность во внутреннем сознании времени, т. е. как данность в экстатически-центрированной структуре первичного впечатления-ретенции-протенции. В результате первичная самоявленность импрессионального сознания оказывается опосредованной ретенцией. «Материальная феноменология» описывает самоявленность субъективности как ее самотемпорализацию. Но здесь имеет место уникальная, абсолютно имманентная, темпорализация. Живое Я не имеет ни прошлого, ни будущего, ни настоящего. Оно представляет собой неизменное движение аффективного самопроявления [8, 23–40].

Мы не собираемся здесь оспаривать подобные трактовки гуссерлевского наследия, о которых важно было упомянуть, чтобы оценить все значение деконструкции феноменологического типа решения проблемы времени. Остается уточнить смысл этой деконструкции.

Архислед и синтез времени

Понятие времени играет двойственную роль в истории метафизики. Эта двойственность, в свою очередь, фундируется принципом тождества. С одной

стороны, время мыслится на основе настоящего. Из наличия настоящего выводятся все модификации времени. Прошлое понимается как то, что было настоящим, т. е. как прошлое настоящее, а будущее — как то, что будет настоящим, т. е. как будущее настоящее. С другой стороны, время несовместимо с присутствием как таковым. Временное исключает «как таковое» времени, всегда разделяется между «уже не» и «еще не». Хотя настоящее есть то, на основе чего можно мыслить время, такое понимание времени фактически отменяет прямо противоположную необходимость мыслить присутствие на основе времени. Здесь-то и приходит на помощь принцип тождества. В «Усия и грамма» Деррида проводит связь между проблемой временности и логикой тождества, анализируя трактовку времени в четвертой книге «Физики» Аристотеля. Аристотель указывает, что времени не было бы, если бы было только одно Теперь. Скорее, должно существовать по крайней мере два Теперь, чтобы было время, — предыдущее и последующее. «И действительно, мы и время распознаем, когда разграничиваем движение, определяя предыдущее и последующее, и тогда говорим, что протекло время, когда воспримем чувствами предыдущее и последующее в движении. Мы разграничиваем их тем, что воспринимаем один раз одно, другой раз другое, а между ними — нечто отличное от них; ибо когда мы мыслим крайние точки отличными от середины и душа отмечает два “теперь” — предыдущее и последующее, тогда это [именно] мы и называем временем, так как ограниченное [моментами] “теперь” и кажется нам временем. Это мы и положим в основание [последующих рассуждений]» [1, 148]. Время, таким образом, определяется как последовательность, где одно Теперь замещает другое Теперь. Однако Аристотель понимает, что время как последовательность противоречит его концепции тождества как присутствия в себе. Самотождественное Теперь не может уступить место другому Теперь, поскольку оно не может быть другим. Это наблюдение приводит Аристотель в тупик, так как развиваемая мыслителем логика тождества не может объяснить время как последовательность.

Деррида формулирует данную проблему следующим образом: «Рассмотрим, в самом деле, последовательность “теперь”. Предшествующее “теперь” должно, как говорят, быть разрушенным следующим “теперь”. Но, замечает тогда Аристотель, оно не может быть разрушено “в себе самом” (*en eautō*), т. е. в тот момент, когда оно есть (т. е. теперь, в акте). Оно также не может быть разрушено в другом “теперь” (*en alio*): в подобном случае оно не было бы разрушено как само это “теперь” и как “теперь”, которое было, оно есть (остается) недоступным действию следующего теперь» [3, 82]. То есть, пока мы придерживаемся понятия тождества как присутствия в себе, время как последовательность невозможно мыслить. «Теперь» не может быть сначала присутствующим, а затем затронутым его собственным исчезновением: «теперь» должно исчезнуть в самом его событии. Предполагаемое единичное «теперь» всегда уже разделяется движением темпорализации.

Какой вывод можно сделать из этой антиномии между делимым временем и неделимым присутствием? Столкнувшись с постоянным разделением временности, надо подвести время под не-временное присутствие в целях обеспе-

чения философской логики тождества. Таким образом, единственный способ деконструкции традиционного понимания времени — это деконструкция принципа тождества. Деконструкция традиционного понимания времени настаивает на изначальном разделении и тем самым позволяет нам мыслить радикальную нередуцируемость времени к тождеству. Очевидные парадоксы деконструктивной логики связаны с возможностью мыслить тождество без полагания его в качестве вневременной инстанции. В «*Differance*» Деррида описывает, каким образом настоящее с необходимостью разделяется в себе: «Быть самим собой присутствующее может лишь тогда, когда от того, что им не является, его отделяет интервал; но этот интервал, который конституирует его в присутствующее, должен также заодно разделить и присутствующее само по себе, наделяя его всем тем, что можно мыслить исходя из интервала, то есть, на нашем метафизическом языке, всякого рода сущим, в особенности субстанцией или субъектом. Данный динамически конституирующийся и разделяющийся интервал — это и есть то, что можно назвать *опространствлением*, становлением-пространством времени или становлением-временем пространства (*промедлением*)» [2, 184]. Суть в том, что даже самый минимальный момент времени разделяется в своем становлении на до и после, прошлое и будущее. Без этого интервала, опространствования не было бы времени, только самотождественное присутствие.

Таким образом, движение темпорализации не нужно понимать с точки зрения присутствия, вытекающего из прошлого присутствия и замещающегося будущим присутствием. «Прошлое» не относится к тому, что когда-то было настоящим, так как всякое прошлое с самого начала разделяется. Точно так же «будущее» не относится к тому, что когда-то будет настоящим, оно обозначает постоянное смещение, присущее всему, что происходит. Всякое то или иное присутствие разделяется в самом его событии, а не только в отношении к тому, что предшествует ему или следует за ним.

Вопрос заключается в том, возможно ли тождество, несмотря на такое разделение? Ответ на этот вопрос позволяет более строго мыслить время через первоначальный синтез, не основывая его в присутствии.

Конечно, мы не могли бы фиксировать разделение времени без синтеза, связывающего прошлое с будущим. Философия сознания времени, как мы видели, решает эту проблему, привязав синтез к присутствующему в себе субъекту, который связывает прошлое и будущее с помощью воспоминаний и ожиданий, которые даются в форме настоящего. Это решение проблемы, однако, подразумевает, что сознание времени само по себе является настоящим и тем самым выключенным из разделения времени, вневременным. Следовательно, если Деррида прав, когда он настаивает на априорной невозможности самотождественного присутствия, то тем более возникает настоятельная необходимость в синтезе времени, который нельзя обосновать формой присутствия.

Такой синтез призвано объяснить понятие следа. Деррида описывает этот синтез как «первоначальный синтез», в то же время настаивает, что его нужно понимать как «нередуцируемо непростой», поскольку он обозначает интервал

как предусловие любого тождества: «Данный динамически конституирующийся и разделяющийся интервал — это и есть то, что можно назвать *опространствлением*, становлением-пространством времени или становлением-временем пространства (*промедлением*). И именно эту конституцию присутствующего как “изначальный” и нередуцируемо непростой, следовательно, *stricto sensu*, незначительный, синтез впечатлений, следов ретенций и протенций (скопируем здесь временно феноменологическую и трансценденталистскую манеру говорить, которая обнаружит сейчас свою неадекватность) я предлагаю именовать архиписьмом, архиследом или различием. Последнее (есть) (сразу) опространствление (и) промедление» [2, 184].

С учетом того что «теперь» появляется, только чтобы исчезнуть, т. е. «теперь» проходит, оно вписывается как след для того, чтобы быть вообще. Это и есть пространственное становление времени. След обязательно пространственный, поскольку пространственность характеризуется способностью сохраняться вопреки временной последовательности. Пространственность, таким образом, выступает условием синтеза, поскольку дает возможность отслеживать отношение между прошлым и будущим. Пространственность, однако, никогда не может быть в себе, она никогда не может быть чистой одновременностью. Одновременность немыслима без темпорализации, которая соотносит одну пространственную точку с другой: «...Пространство *возможного сосуществования*, то, что мы как раз предположительно и знаем под именем “пространства”, возможность со-существования — это пространство невозможного сосуществования. Одновременность в действительности может проявиться *в качестве таковой*, быть одновременностью, т. е. *соотнесением* двух точек, только в синтезе, *сообщничестве* — или темпорально. Нельзя сказать, что определенная точка есть с другой точкой, и определенная точка (неважно — говорится это или нет) не может *быть* с другой точкой, не может быть *другой* точки, с которой и т. д., без определенной темпорализации. И она-то и удерживает вместе два различных “теперь”. “С” пространственного сосуществования может возникнуть только из “с” темпорализации. Что и показывает Гегель. Существует “с” времени, которое делает возможным “с” пространства, но которое не произвелось бы как “с” без возможности пространства. (В чистом *Außersichsein* нет ни *определенного* пространства, ни времени)» [3, 80]. Это временное становление пространства является необходимым условием не только соотнесения следа с другими следами, но и самого следа. След может быть прочитан только после того, как он вписан и, таким образом, маркирован отношением к будущему, которое овременяет пространство, — важный пункт для деконструкции логики тождества. Если опространствование времени является условием возможности синтеза, то овременение пространства является условием невозможности синтеза в неделимом присутствии. Синтез всегда есть след прошлого, который сохраняется для будущего. Таким образом, он никогда не может быть в себе, но, по существу, подвергается тому, что может его стереть.

2. *Деррида Ж.* Голос и феномен. СПб., 1999.
 3. *Деррида Ж.* Поля философии. М., 2012.
 4. *Гуссерль Э.* Феноменология внутреннего сознания времени // Собр. соч. М., 1994.
- Т. 1.
5. *Кант И.* Критика чистого разума // Соч. : в 6 т. М., 1964. Т. 3.
 6. *Zahavi D.* Self-awareness and alterity. A phenomenological Investigation. Evanston, 1999.
 7. *Bernet R.* Is the Present Ever Present? Phenomenology and the Metaphysics of Presence // Research in Phenomenology. 1982. № 12. P. 85–112.
 8. *Henry M.* Phénoménologie matérielle. P., 1990.

Рукопись поступила в редакцию 17 июня 2013 г.

УДК 316.6 + 130.121:165.62

В. Е. Кемеров

СОЦИАЛЬНЫЙ ХРОНОТОП И ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

Статья посвящена понятию социального хронотопа и его роли в развитии современного социально-гуманитарного знания. Показано действие этого понятия в формах современной социальной методологии и проектирования новой социальной онтологии. Автор характеризует главные особенности социального хронотопа как понятия взаимозависимости социального пространства и социального времени, человеческой деятельности и социальной динамики. Автор приходит к заключению, что понятие социального хронотопа стимулирует серьезные изменения в методологии современного социально-гуманитарного знания.

Ключевые слова: социальное пространство, социальное время, социальный хронотоп, социальная онтология, методология обществознания.

Мировоззренческий смысл концепции социального хронотопа

В рассмотрении бытия как процесса смещаются акценты. Если первоначально психика фиксирует внешние, телесные различия людей и вещей, если в попытках обнаружить некий порядок сознание связывает объекты с определенными пространственными измерениями, с местами объектов и субъектов, то онтология-динамика заставляет учитывать их распределение во времени, их участие в его протекании и изменениях. Это, собственно, и вынуждает строить многомерные онтологии, развивать хронотопические воззрения для трактовки бытия как процесса.

В обыденном сознании людей идея хронотопа так или иначе проявляется уже довольно давно, по крайней мере с середины XX в. Вместе с тем хронотопичность социального бытия осознается весьма туманно, проблема взаимосвязи пространства и времени причудливо преломляется в традиционных стерео-

типах, ее новизна затушевывается, а острота притупляется, что порождает не только повседневные проблемы, но и чревато пагубными практическими последствиями.

Парадоксальное присутствие проблемы хронотопа *в повседневном* поведении и мышлении обнаруживается на различных уровнях понимания социальности.

Так, скажем, позиция личности, как правило, отождествляется с *местом*, которое человек занимает в обществе. Причем *место* — и это характерно для России — понимается буквально: как физическое пространство, на котором закрепился индивид, как площадь, кабинет, стол, кресло. Представление о бюрократе, например, прежде всего фиксирует то пространство, то место, ту ячейку геометрически представляемой композиции, из которой бюрократ действует посредством рычагов и механизмов. Это не менеджер, который вынужден управлять временем и распределенными в нем действиями людей и тем самым подтверждать наличие своей позиции, ее обоснованность. Это бюрократ, т. е. человек, владеющий местом и присущими этому месту средствами и инструментами. Работа со временем и связанные с ней личностные качества — все это реифицируется, превращается в свойства пространства, присвоенные индивидом.

Когда обыденное сознание оперирует представлениями о социальных системах, например об отдельных странах, оно прежде всего характеризует их через понятия географические, геометрические, физические, пространственные. На первый план выходят размеры, положение, выход (или отсутствие выхода) к океану, наличие (отсутствие) полезных ископаемых. Отсюда и суждения о силе, мощи, богатстве, потенциале системы. Время присутствует косвенным образом, через историю, понятую тоже в отношении к фиксированному пространству: оно проступает либо как традиция, либо как внешнее по отношению к особенностям системы измерение.

Сама идея современности оказывается парадоксальной. Большинство людей сознает, что они живут в быстроменяющемся мире. Но лишь немногие рассматривают эту эволюцию как изменения в связях собственного бытия, как изменения характера бытия своей страны, как становление новых способов человеческого взаимодействия. Современность в таком случае присутствует прежде всего пространственно, т. е. как неизбежность сосуществования в плотном контакте различных социальных систем. Они в этом представлении современны не потому, что вырабатывают и используют общую метрику социальных процессов, а потому, что существуют одновременно, будучи «вписанными» в уже заполненное (и в этом смысле — исчерпанное) пространство социального мира¹.

Можно говорить не о социальном хронотопе, а о *повседневной топохронии*, в которой временные определения либо погружены в пространственные, либо

¹ «...Можно принять, что с помощью новых энергий и технологий земное пространство и время теряют все в большей степени свои традиционные физические характеристики и получают новые социальные характеристики, возводя таким образом цивилизацию в качественно новое состояние, открывая перед ней новые возможности, а также новые угрозы» [4, 160–161].

дистанцированы от них. Сохраняется в этом подходе и традиция трактовки форм времени через формы пространства. С этим положением нетрудно было бы смириться, если бы не те изменения в жизни человеческого сообщества, которые во второй половине XX столетия коснулись практически всех. Пространство человеческого сообщества преобразуется. Но ведь оно меняется не физически. Не географически. Континенты, регионы, локальные цивилизации остались на прежних местах. Однако речь все более — об уплотнении контактов между ними, о проблеме образования общего, единого или глобального социального пространства. Речь, по сути, должна бы идти не только и не столько о пространстве, сколько о времени — об изменениях, сближающих различные социальные системы, о времени, качественно меняющемся и под видом общего социального пространства фактически продвигающем совокупность одновременно существующих и взаимодействующих в режиме on-line социальных систем.

Так *что* же или *кто* обусловил эти изменения времени (и пространства)? Кто является носителем и субъектом этих изменений? Данный вопрос имеет неотложное значение и для практической деятельности, и для функционирующего мировоззрения людей. Но внятного ответа и самого осознания вопроса нет. И на это — свои причины.

Для ясного осознания вопроса необходимо пересматривать стереотипы мышления, привычно погружающего людей во внешние для них времена и пространства.

Прояснить ситуацию с проблемой хронотопа могла бы, кажется, *методология* общественнознания, использующая арсенал современных научно-теоретических средств и модели работы со временем и пространством, которые формировались социально-гуманитарными дисциплинами в XX в. Однако и в этой области ситуация складывается довольно противоречивая. Интерес к хронотопической проблематике за последние пятьдесят лет значительно вырос. А вот методологическая определенность в постановке проблемы социального хронотопа отсутствует. Э. Гидденс характеризует эту ситуацию достаточно резко: «Не принимая в расчет последние работы географов, можно смело утверждать, что ученые-обществоведы потерпели неудачу в попытках представить и проанализировать формы организации социальных систем во времени и пространстве»².

Внешним для общественнознания и социальной философии стимулом разработки концепции хронотопа являются физические идеи начала XX в., связывающие движение, пространство и время, намечающие задачи исследования пространства и времени как форм бытия конкретных систем и их взаимодействия. Существенным подкреплением этого стимула оказываются концепции активных, самоорганизующихся, самоизменяющихся систем (Л. фон Берталанфи, П. Анохин, И. Пригожин), дополняемые конкретными исследованиями пространства-времени систем в геологии, географии, биологии, психоло-

² Хотя с момента появления этого высказывания прошло 20 лет, упрек Гидденса остается в силе. Появились новые работы по теме, но не осмыслено влияние хронотопической тематики на методологию общественнознания и современной философии [5, 174].

гии. Поворот ряда наук к качественному анализу сложных систем связывает пространство и время с организацией систем, с особыми отношениями между их элементами, с мерностью воспроизводства и смены этих элементов, взаимообусловленностью их функционирования. Эти идеи являются весьма эвристичными для разработки концепции социального хронотопа, но они не подлежат простому переносу в трактовки социального бытия, поскольку не соотносятся с его содержательным исследованием.

Поле социальности

Общество как поле деятельности различных, но взаимообусловленных субъектов представляет собой пространство, но не физическое пространство, в которое помещены субъекты, а пространство, образуемое ими, воспроизводимое их взаимообусловленным бытием.

Слово «поле» можно взять в кавычки, определив, что оно является метафорическим выражением схемы, рисующей человеческие взаимодействия так, как будто они происходят на плоскости. И тут же придется оговориться, что эта плоскость есть условие выражения, открывающего полисубъектную динамику, и вместе с тем есть условность, скрывающая свое происхождение из сложения и умножения сил взаимодействующих субъектов. Иначе говоря, она оказывается «полем», *относительно совокупности операций сложения и умножения субъектных сил.*

Но поскольку речь идет о воспроизводстве социального бытия, постольку в схему должна быть включена динамика повторов, а затем и динамика изменений. Стало быть, в схеме плоскость каким-то образом должна быть достроена объемом, а двумерное изображение становится трехмерным. Субъектные действия в совокупном «поле» оказываются взаимодействиями, а в «объеме» они обнаруживаются как элементы разных рядов, направлений, «потоков». Вместе с объемным схематизмом, выявляющим третье измерение — перспективу динамики, выявляется и четвертое измерение, определяющее смену субъектами друг друга, смену полями друг друга, т. е. выявляется время. С учетом этого «поле» деятельности может быть определено как векторное поле, в котором каждой субъектной позиции сопоставляются вектор действия, «линия» воспроизводства или изменения. На плоском срезе объемного схематизма разные протекающие во времени потоки деятельности могут обнаруживаться как непосредственно сочетающиеся. Эффект непосредственности создается за счет того, что схема «поля» отвлекается от временной динамики, а динамика взаимодействия или воспроизводства передается как одновременность. Но если вводится параметр времени — а это необходимо, когда сочетание потоков деятельности меняется, — мы, по сути, имеем дело с переменным векторным полем, полем, постоянно смещающимся, дающим моментальные отображения сочетаний полисубъектной деятельности.

Поле скрывает свою временность, но оно заряжено деятельностью, силами и взаимодействиями различных субъектов. Смысл поля как методологической схемы как раз в том, чтобы через статику выразить динамику, соединить

циклически сопряженные моменты субъектных взаимодействий и процессуальную динамику воспроизведения и изменения субъектами складывающихся структур. Отсюда и возможность рассматривать поле как пространство объективных связей между позициями и как пространство, порождаемое взаимодействиями различных агентов (П. Бурдье) [2, 3].

Само понимание субъекта (субъектов) развертывается в интервале между представлением, определяющим его в соответствии с позицией, и представлением его как силы, позиции воспроизводящей и изменяющей. Субъект реализуется в синтезе освоения позиции и ее преобразования, он выступает циклическим единством кинематики и кинетики деятельности. Отсюда и возможности представлять общество как плоскость, на которой запечатлена социальная полисубъектность, вписанная в логику вещей, и понимать его как совокупное напряжение субъектных сил, в котором воспроизводятся и порождаются социальные формы.

Проблема субъектности социального хронотопа

Вопрос о субъектах — носителях социального хронотопа постепенно нарастал в философии и общественном знании первой половины XX в. Исходным пунктом оказалась философская критика абсолютного пространства-времени; следующим шагом был отказ рассматривать динамику общества по пространственно-временным меркам природы, далее естественными оказались попытки понять собственную динамику отдельных социальных систем, разнообразие пространственно-временных континуумов в различных социокультурных образованиях. Сама эта тенденция отхода от классических представлений об абсолютном пространстве/времени требовала специального социально-философского и социально-гуманитарного объяснения. Но до этого исследование не доходило, оставаясь на уровне констатации различных социальных хронотопов и суждений о выраженности особенностей социальных и культурных систем в этих различиях. Время/пространство все еще носит бессубъектный, обезличенный, наиндивидуальный характер, представляется внешней для людей и отчужденной формой, хотя и формой, принадлежащей обществу.

Привычка мыслить хронотоп бессубъектно объясняется инерцией действия классической методологии, которая, вопреки ожесточенной критике обретавшего самостоятельность социально-гуманитарного познания, продолжала действовать в нем на всех уровнях [7, 11, 12]. Необходимость «рисовать» картину общества, начиная с крупных форм: систем, структур, классов, групп, а затем уже подводить под эти системы или сводить к этим формам бытие человеческих индивидов надолго определяет приемы исследования научного общественно-знания и преобразуется в нем в особого рода методологический штамп [9].

Современные социальные теоретики и социологи, конечно, признают, что мыслить социальное бытие, а стало быть и социальный хронотоп, без индивидов и малоинтересно, и непродуктивно. Но присутствие индивидов в социальных системах и структурах зачастую трактуется вполне в духе XIX в. Так, например, В. Ильин, рассуждая о взаимосвязанности индивидов и отноше-

ний, которые они создают и поддерживают, настаивает на возможности их раздельного рассмотрения. Причем в качестве аргумента он использует следующую метафору: люди уподобляются электрическим проводникам, по которым проходит электрический ток; и так же как не стоит отождествлять электрический ток с проводниками, так, собственно, считает он, и не стоит отождествлять людей с их социальными структурами, системами и пространствами... [13]. Вопрос, по сути, не о том, можно ли структуры общества рассматривать отдельно от людей или нет. Нетрудно представить достаточно ситуаций, когда в исследовательских целях мы абстрагируемся от индивидов и рассматриваем структуры, существующие как бы сами по себе. Вопрос — о другом: насколько точна предложенная метафора для рассмотрения социального хронотопа или социального пространства. Дело в том, что люди являются не только «проводниками» социального хронотопа, но и тем «током», который этот хронотоп создает и поддерживает. Они не только элементарные формы, проводящие социальную энергию, но и «ядерные» силы, эту энергию создающие, воспроизводящие и меняющие. Отсюда ясно, что без взаимодействия людей никакой социальный хронотоп невозможен и нет никакого смысла говорить о социальном пространстве и социальном времени. Неясно пока другое, как возможно действие социальных систем и соответствующих социальных теорий, в которых люди как будто отсутствуют или присутствуют в каких-то нехарактерных для их существования формах. Это часть важного социально-философского вопроса: как и почему возможно мышление об обществе, уклоняющееся от конкретных характеристик человеческих индивидов?..

Судя по всему, особая роль проблемы социального хронотопа начинает осознаваться в связи с тем, что во второй половине XX столетия существенно меняются формы пространственно-временной организации социальных взаимодействий на всех уровнях — и на уровне больших социальных систем, и на уровне крупных комбинированных социальных субъектов, и на уровне непосредственных межличностных человеческих контактов. Какие из этих изменений в предварительном плане можно выделить?..

Во-первых, можно отметить тенденции развития качественной деятельности людей, выводящие их из-под господства больших социальных структур; социальная значимость индивидов все менее определяется их адаптированностью к структурам и все более — их личностным вкладом в практические результаты деятельности. Соответственно заметнее становится воздействие индивидов на функционирование, изменение и преобразование социальных структур. Пространственно-временная организация, внутренне присущая этим структурам, обеспечивающая их устойчивость и сохранение, таким образом выводится из автоматического режима и тоже обнаруживает свою зависимость от индивидов, характера и содержания их взаимодействий. Происходит своего рода отрыв человеческих взаимодействий от фиксированных временных и пространственных стандартов. Внешний пространственно-временной «каркас» человеческой деятельности утрачивает свой квазивещественный, квазинатуралистический, объективно-принудительный характер и обнаруживает признаки пространяемых самими индивидами социальных связей.

Заметным значение этого момента становится тогда, когда мы учитываем согласованную деятельность, производимую в сколь угодно удаленных друг от друга точках пространства. Так называемые «невидимые колледжи» являются тому лучшим примером. Совместно-разделенная деятельность ученых выстраивается в определенную пространственно-временную структуру не на основе их непосредственной совместности (пространства), а на условиях определенной последовательности и одновременности действий, определяемых порядком решения общей проблемы. Общее пространство образуется не непосредственными взаимодействиями людей и не их подчинением какой-то фиксированной физически структуре. Оно предстает сочетанием последовательных и одновременных действий, каждое из которых оказывается и элементом времени, и элементом пространства. Подобные примеры мы можем привести, обращаясь к современным формам финансовой, производственной, военной, образовательной деятельности и т. д.

Субъекты-индивиды появляются в фокусе хронотопической проблематики не потому, что большие структуры общества теряют свое значение. Дело в другом: изменение, преобразование, становление новых форм социального хронотопа отчетливее всего обнаруживается на уровне совместно-разделенной деятельности человеческих индивидов. Именно на этом уровне *становление хронотопа* открывается в актах и контактах социальных взаимодействий, именно на этом уровне определяется значение *фазы становления и для воспроизводства* социальных форм, которое зачастую представляется автоматическим, обезличенным, квазиприродным процессом.

Социальный хронотоп, как и другие структуры, начинает утрачивать свою «внешность» по отношению к бытию индивидов. Он в своей реализации (и в своих) изменениях оказывается зависимым от них. Поскольку все более значимым оказывается воздействие людей на формы последовательности и сопряженности их действий, на выбор этих форм, на определение их конфигурации, хронотоп в некотором смысле осуществляется «внутри» человеческих взаимодействий. «Внутри» не в плане того, что он превращается в некую субъективную, психологическую реальность, а в том смысле, что он, включая и эту психологическую реальность, воспроизводится и обновляется в действиях, распределенных между субъектами, в действиях, зависящих от сил и способностей субъектов, от связи этих сил и способностей, от их воплощения в определенные предметные результаты.

В условиях такого функционирования социального хронотопа социальное время как бы растягивает социальное пространство, выводит его за рамки непосредственной социальной совместности индивидов³. Выполняя опреде-

³ «Пространство-время означает сейчас открытость, просвечивающую во взаимном протяжении наступающего, осуществившегося и настоящего. Одна эта открытость и только она впервые вмещает привычно известное нам пространство во всей возможной для него широте... Подлежащее такому осмыслению присутствие мы не можем отнести к одному из трех измерений времени, а именно, как это напрашивается, к настоящему. Скорее единство трех измерений времени покоится на игре каждого в пользу другого. Эта взаимная игра оказывается особенным, в собственном времени разыгрывающимся протяжением, т. е. «как бы» четвертым измерением — не только «как бы», но и по сути дела» [15, 399–400].

ленное действие в запроецированной последовательности, человек может образовывать пространство с людьми, находящимися далеко за пределами прямых контактов с ним; согласованность кооперируемых действий, а не их сопричастие образует конкретное поле социального пространства. В этом плане субъект социального хронотопа реализует социальное время и социальное пространство как разные, но взаимосвязанные аспекты бытия, разные связи с людьми, с предметностями, оформляющимися и воспроизводящимися совместно-разделенной деятельностью.

В этом плане неоднородность социального времени может быть понята не только как его разорванность, как присущность разным социальным системам и разным ритмам социального бытия, но и как его распределенность между разными социальными субъектами или системами, разделенными в социальном пространстве, но связанными различиями их деятельностей, последовательностью, целью и результатом. В этом смысле время находится не вне людей и не между ними, а в их деятельностях и в их прямых и косвенных связях, в определенных порядках этих связей, опять же разделенных между субъектами.

Хронотоп как социальная форма

Развитие темы социального хронотопа явственно сопряжено с осмыслением темы социального времени. Если для традиции и для классики было характерно осознание времени в формах пространства, его натурализация, овещнение и овнешнение (по отношению к людям), то в нынешней ситуации важной, а потому и более понятной становится задача осмысления пространства в формах времени, в особенности времени социального. Возрастает объем вопросов, направленных на уяснение того, как социальные субъекты поддерживают согласованную структуру операций в условиях дальнего действия, чем связаны их действия в отсутствие механических рычагов, вынуждающих их работать согласованно. Пространство оказывается представленным через понятия структуры, одновременности, организации, последовательности, порядка производства.

Другая группа вопросов возникает на основе понимания того, что социальное пространство как своего рода освоение людьми пространства физического, географического, земного наталкивается на пределы физическим же пространством и полагаемые. Иными словами, экстенсивное развертывание социального пространства, еще не будучи толком осмыслено, исчерпывает свои ресурсы. Собственно, пространство и являлось главным природным ресурсом человечества, включавшим все остальные. Поэтому тему исчерпания природных ресурсов — сырья, энергии, атмосферы — следовало бы раскрывать, начиная с рассмотрения исчерпанности экстенсивного подхода к пространству.

Интенсивный подход к пространству как раз и предполагает рассмотрение его в зависимости от времени, как пространственного воплощения времени, как превращения социального времени в социальное пространство. Возникает тема взаимообратимости социального времени и социального пространства;

эта взаимообратимость становится понятной, если мы учтем, что социальное время и социальное пространство являются разными аспектами совместной, но разделенной между людьми деятельности.

Интенсивный подход к пространству стимулируется еще и тем, что истощенность экстенсивного его освоения заставляет искать ресурсы социального воспроизводства уже не в природных условиях, а в человеческой деятельности, в ее структурах и преобразовании этих структур.

Таким образом, воспроизводство и развитие социального пространства достигается не распространением человеческой деятельности на природные объекты, а изменением ее моделей, порядков, организаций. Но изменение этих порядков означает преобразование последовательностей человеческих действий, т. е. изменение временных цепочек, в которые выстраиваются связи социальных субъектов. Пространство раскрывается как время, социальное время реализуется как социальное пространство. Социальное пространство и социальное время как разные аспекты человеческой полисубъектной деятельности интегрируются в бытии этих субъектов и оказываются формами их связи друг с другом [8].

Социальный хронотоп — это социальная форма. Но форма особого рода: она характеризует человеческие общества и взаимодействия как процессы, причем как процессы, в которых субъекты могут быть и непосредственно связаны и разделены во времени и пространстве. В этом аспекте социальный хронотоп оказывается характеристикой опосредованных и непосредственных социальных связей, образуемых сложным сочетанием и переплетением подвижных человеческих взаимодействий. Социальный хронотоп — социальная связь, но связь многомерная, поскольку он сочетает разные линии взаимозависимости между людьми. Социальный хронотоп — форма, но форма динамическая, существующая и проявляющаяся в процессах социального воспроизводства, возникающая в процессе обновления отношений между людьми, создания ими новых структур и институций. Динамизм социального хронотопа как формы определяется его укорененностью и распределенностью во взаимодействиях людей и их самореализации. Вне отношения к этим деятельностиам социальный хронотоп существовать не может.

Трактовка социального хронотопа как динамической связи между социальными субъектами накладывает отпечаток на понимание и представление других социальных форм.

Первоначально социальный хронотоп рассматривается как важная добавка к традиционным социально-онтологическим схемам. Но развертывание идеи социального хронотопа так или иначе затрагивает все важнейшие аспекты современного понимания социальной онтологии. Развернутая концепция социального хронотопа влияет и на принципы обоснования социальной онтологии, и на признание ее многомерности, и на введение субъектного измерения в истолкование всех схем онтологии. Преодоление традиционных противопоставлений социального и индивидуального, внешнего и внутреннего, объектного и субъектного уже определенным образом указывает на те изменения, которые происходят в современных онтологических представлениях. Принципиальным

же является то, что идея хронотопа придает онтологии динамический характер, побуждает трактовать общество как процесс и доводить понимание процесса до порождающей его формы и энергии человеческой субъектности.

Что это, по сути, означает? Принятие идеи социального хронотопа, как принципиальной в методологическом и мировоззренческом смысле, побуждает нас рассматривать системы, структуры, субъектов, объекты социального бытия как динамические формы, как процессы. Иными словами, мы начинаем представлять субъектов (системы, структуры, их связи) не наряду с социальными процессами, но как составляющие процессуального бытия, как различные компоненты и формы этого процессуального бытия. Структура оказывается не внешней формой, в которую помещаются субъекты и объекты, а формой процессуальной взаимозависимости этих субъектов во времени и пространстве. Социальный хронотоп выявляется как форма, связывающая разные аспекты *процессуальности* социального бытия. Это своего рода «клей», обеспечивающий взаимосвязь разных компонентов социального бытия, демонстрирующий свое значение тем заметнее, чем более разделенными, «отдаленными» в пространстве друг от друга оказываются субъекты, чем более опосредованными между ними становятся отношения и зависимости.

Вопрос о процессуальности социального бытия порождается самой дискретностью, т. е. прерывностью человеческой реальности, поиском практических и теоретических «указателей» на силы или формы, «стягивающие» отдельные фрагменты жизни общества в некое целое. Именно в свете этого вопроса становится понятным, что фрагменты социального бытия существуют не сами по себе, а как обособления и отдельные моменты социальных процессов. В этих процессах они, собственно, и обнаруживают свое нефизическое, т. е. социальное, качество.

Для понимания социального процесса особое значение имеет понятие деятельности. В условиях, когда господствуют формы непосредственной зависимости между людьми, когда их социальная связь выражена в простой кооперации и совместности, особой потребности в понимании *процесса* социального бытия не возникает. Но когда непосредственные зависимости людей начинают уступать свое место опосредованным связям (отношениям) их *во времени и пространстве*, тогда возникает и практическая, и теоретическая необходимость в осмыслении процессности социального бытия, а само понятие социального процесса начинает оказывать сильное воздействие на характер и содержание ключевых понятий обществознания.

Когда в характеристику социального бытия вводится концепция социального хронотопа, как принципиальная с методологической точки зрения, это, по сути, означает, что мы начинаем понимать социальное бытие не только как процесс «в общем виде» в духе классических представлений. Это означает, что мы изначально пытаемся представить социальное бытие как взаимосвязь процессов, как структуру процессов, как их некую «полифоническую» совокупность.

Социальная онтология перестает быть картиной социального мира в буквальном смысле; она может описываться как «картина» только метафорически.

Возникает проблема построения модели социальной динамики, модели (или совокупности моделей) взаимосвязи социальных процессов, сочетающих становление, воспроизведение, изменение и развитие различных социальных форм.

Такая модель, конечно, не может быть одномерным пространственным изображением социального бытия. По существу она (модель или картина) не была таковой и раньше, ибо предполагала различные представления общества и представления различных обществ. Но в основу понимания этой картины или совокупности онтологических представлений тем не менее полагалось представление общества как объекта, как системы особых квазивещественных или квазинатуральных условий, в рамках которых могли быть поняты и люди, и их действия.

Онтология-динамика

С введением концепции хронотопа в рассмотрение основ социальной онтологии процессуальность, динамика, временность становятся условиями трактовки структурности, устойчивости, пространственности социального бытия. Соответственно деятельность людей становится условием трактовки обстоятельств их бытия, систем их взаимодействия, средств их существования и самого процесса изменения связей между этими системами, взаимодействиями и средствами.

Если говорить о построении социальной онтологии из имеющихся уже в распоряжении средств, то этими средствами оказываются философско-методологические понятия, приближающие нас к пониманию социального бытия как процесса (процессов). Это понятия деятельности, социального воспроизводства, социального взаимодействия, становления, изменения, развития и т. п. Но данные понятия, попадая в сферу развертывания концепции социального хронотопа, утрачивают свою абстрактную форму, т. е. отвлеченность от бытия субъектов, от конкретно-социальных, исторических условий. Так, например, понятие деятельности, имеющее принципиальное значение для трактовки социального бытия как процесса, не может быть использовано в рамках хронотопической концепции как понятие, характеризующее взаимодействия абстрактного субъекта с абстрактным же объектом или как воздействие эмпирического индивида на отдельную вещь.

В рамках хронотопического подхода деятельность представлена в своей разделенности между различными субъектами, позволяющей совместным усилиям людей достигать эффектов, недостижимых при простом сложении их сил. Иначе говоря, деятельность предстает полисубъектным процессом, придающим черты полисубъектности и всей социальной онтологии [10].

Деятельность субъектна, дискретна, индивидуализирована и вместе с тем онтологична, континуальна, социальна, так как связывает различные действия, функции, акты самореализации разных индивидов.

Хронотопический подход акцентирует внимание на зависимости социальных форм от таким образом трактуемой (и реализуемой) деятельности людей.

Эти формы перестают быть внешними объектами, диктующими людям условия жизни и общения, но и сами они обнаруживают свою воспроизводимость, т. е. устойчивость бытия, в деятельности людей. Люди же в деятельности подтверждают актами созидания и воспроизведения условий свое бытийное, онтологическое, объектное значение, т. е. выступают главными элементами, компонентами, «ядерными» силами социального бытия, «ядерными» формами социальной онтологии.

Объекты-вещи в их отдельности и в их различных конфигурациях также обнаруживают свою зависимость от полисубъектной деятельности людей: они обретают и обнаруживают социальные значения в процессах общения и самореализации людей, выполняют функции условий, средств и результатов деятельности и именно потому раскрываются в полисубъектных связях социального бытия. Таким образом, вещные условия, так называемое «объективное положение» вещей, утрачивают свой квазинатуралистический характер, что означает: на первый план в социальной онтологии выходят ее субъектное содержание и оформление.

Поскольку субъекты взаимодействуют и реализуются хронотопически, т. е. через временные и пространственные связи, они именно посредством хронотопа (хронотопов) образуют разные субъектные композиции, которые могут характеризоваться как «сборные субъекты», группы, классы и т. п. Понятно, что хронотопы, а следовательно и субъектные композиции, могут оформляться по-разному. В этом плане и большие системы общества могут пониматься как разные хронотопы, а само большое общество, в форме государства например, может трактоваться как хронотоп хронотопов.

Далее возникает задача создания типологии хронотопов. Решение этой задачи позволит избежать предельно абстрактных характеристик социальной онтологии, а стало быть, сохранить установку на ее процессность и динамику. В другом аспекте создание такой типологии позволит дать более конкретное представление о субъектном содержании и оформлении социальной онтологии.

Выделение типов хронотопических связей дает возможность внести динамический аспект в понимании основных типов социальности. Поскольку модель социального хронотопа приближается к особым типам социальных связей, она неизбежно вступает в плотный контакт с конкретно-научным и конкретно-историческим материалом. Сама история оказывается тогда представлена хронотопически как связь различных хронотопов (типов общества) во времени и как взаимодействие различных хронотопов (обществ, культур, цивилизаций) в пространстве⁴.

В *постиндустриальном типе*, идущем на смену *индустриальному*, радикально меняется сама стратегия рассмотрения и использования хронотопа. Это связано по крайней мере с двумя обстоятельствами.

⁴ «Кто сказал, что История — это только и исключительно попытки осмыслить Прошлое и что так будет всегда? Нельзя ли на это возразить, что исторические музеи стали в последние десятилетия так невероятно популярны именно потому, что вышли за рамки задачи концептуализации прошлого и превращения его в Историю?..» [6, 47].

Социальное пространство развернуто в пределах Земли, и дальнейшее его распространение не предполагается. Если история не закончилась, она будет протекать в формах использования времени, его наполнения, интенсификации, синтезирования качественных форм человеческой деятельности и взаимодействий⁵.

В образующемся общем социальном пространстве синхронно существуют общества/государства, культуры/цивилизации, т. е. пространства, относящиеся к разным социальным и, стало быть, хронотопическим типам. В практическом смысле возникают проблемы конфликта и согласования разных типов хронотопов. В плане теоретико-методологическом определяется задача трактовки социального хронотопа как многомерной системы, сочетающей различные региональные хронотопы с их особыми ценностно-нормативными «механизмами» и глобальный хронотоп, делающий возможными политические, правовые, транспортные, культурные, информационные коммуникации в масштабах человеческого сообщества⁶.

1. *Бауман З.* Текущая современность. СПб., 2008.

2. *Бурдьё П.* Поле науки [Электронный ресурс]. URL: <http://Bourdieu.name/content//pole-nauki> (дата обращения: 07.06.2013).

3. *Бурдьё П.* Социальное пространство и генезис классов // Бурдьё П. Социология политики. М., 1993.

4. *Ганчев П.* Глобализация цивилизации и необходимость новой формы философии // *Вопр. философии.* 2007. № 8.

5. *Гидденс Э.* Устроение общества. М., 2003.

6. *Гумбрехт Г.-У.* Современная история в настоящем меняющегося хронотопа // *НЛО.* 2007. № 83.

7. *Кемеров В. Е.* Время социальное и пространство социальное // *Современный философский словарь.* Лондон, 1998.

8. *Кемеров В. Е.* История // *Новая философская энциклопедия.* М., 2010. Т. 2.

9. *Кемеров В. Е.* Меняющаяся роль социальной философии и антиредукционистские стратегии // *Вопр. философии.* 2006. № 2.

10. *Кемеров В. Е.* Общество, социальность, полисубъектность. М., 2012.

11. *Кемеров В. Е.* Обществознание // *Современный философский словарь.* Лондон, 1998.

12. *Кемеров В. Е.* Социальная философия. М., 2004.

13. Социальное пространство // *Ильин В.* Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ (1917–1996) [Электронный ресурс]. URL: <http://socnet.narod.ru/library/authors/Ilyin/syrata/html> (дата обращения: 07.06.2013).

14. *Тоффлер А.* Футурошок. СПб., 1997.

⁵ «Рассматриваемое изменение — новая неуместность пространства, замаскированная под полное уничтожение времени. В мире “программного обеспечения” с перемещениями со скоростью света пространство может быть аннулировано. Пространство больше не устанавливает пределы действиям и их последствиям и имеет мало значения, если вообще имеет. Как сказали бы военные эксперты, оно утратило свою “стратегическую важность”» [1, 128].

⁶ «Нам нужно распространять динамические несверхъестественные образы временной жизни: какова она будет... в приближающемся будущем» [14, 346]. «Разрушение контроля в сегодняшнем обществе непосредственно связано с нашими неадекватными представлениями о вероятном будущем» [Там же, 377].

15. Хайдеггер М. Время и бытие // Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления / пер. В. Б. Библихина. М., 1993.

Рукопись поступила в редакцию 7 июня 2013 г.

УДК 378.4(470.5) + 378.18

**А. В. Меренков
Н. Л. Антонова
Е. С. Дорожинская**

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

На материалах социологических исследований выявляются основные проблемы адаптации студентов, прибывших на учебу в УрФУ из стран ближнего и дальнего зарубежья, определяются трудности в организации учебной, бытовой, досуговой жизнедеятельности студентов, рассматриваются варианты совершенствования системы организации адаптации иностранных студентов в данном университете.

Ключевые слова: иностранные студенты, адаптация, адаптация иностранных студентов, Уральский федеральный университет.

В современном мире интенсивно развиваются межгосударственные образовательные контакты, увеличивается число молодых людей, получающих высшее образование за пределами своего государства. В 2012 учебном году в Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ) было зачислено около 300 иностранных студентов, 70 из них приехали из стран дальнего зарубежья. В университете сегодня учатся молодые люди из 36 государств мира [1]. Рост численности иностранных студентов в вузе актуализирует проблемы, касающиеся их успешной адаптации к учебе, освоения социокультурных норм и ценностей, связанных с особенностями проживания в одном из крупных городов России.

Социальная адаптация иностранных студентов представляет собой особый вид изменения стереотипов их поведения, выработанных в процессе социализации в иной культурной среде. При этом происходит определенное изменение и культуры самой общности с целью обеспечения успешного включения личности в ее повседневную жизнь.

Разделяя позицию П. М. Козыревой о том, что социальная адаптация выступает формой активного отношения субъекта к окружающей действительности и направлена на преобразование объективно существующих структур и личностного потенциала [2], мы полагаем, что всегда имеются определенные трудности. Их причиной является столкновение разных культур, которые характеризуют устойчивость поведения адаптанта и принимающего сообщества. Человек в процессе социализации приобретает как некие общие для многих

социальных групп, этносов ориентации и установки на поведение в учебной, бытовой, досуговой деятельности, так и те, которые представляют собой особенное, единичное, присущее только конкретной культуре. При общении носителей разных культур, с одной стороны, наличие общих представлений о должном поведении сразу обеспечивает согласованность действий, с другой стороны, те или иные различия в стереотипах сознания вызывают трудности в достижении желаемых результатов. Возникают скрытые или явные конфликты, препятствующие взаимной адаптации личности и социальных групп, с которыми она взаимодействует.

Адаптация иностранных студентов определяется спецификой их жизнедеятельности в стране, где они получают профессиональное образование. Ведущим процессом является освоение новых требований к учебной работе на лекциях, семинарах, при самостоятельной подготовке к занятиям, написании курсовых проектов, сдаче зачетов и экзаменов. В каждой стране могут существовать свои *особенности организации учебной деятельности*, определяемые содержанием государственных стандартов, традициями ведения занятий, общения преподавателя со студентами, работников вуза с обучающимися. У иностранных студентов возникает необходимость, во-первых, отказаться от некоторых прежних форм поведения в учебном процессе; во-вторых, принять новые нормы, правила освоения учебного материала. Появляются определенные трудности, которые преодолеваются конкретными студентами под влиянием как внешних факторов, так и собственных усилий.

Большое воздействие на успешную адаптацию студентов, обучающихся в России, оказывает *знание русского языка*, степень владения которым у прибывших на учебу разная. Могут возникать значительные психологические трудности, связанные с теми языковыми проблемами, которые появляются при общении как с преподавателями вуза, однокурсниками, так и с незнакомыми людьми в общественных местах.

В каждой стране существуют свои особенности культуры *организации повседневного быта*. Иностранным студентам приходится, проживая в общежитии, осваивать отличающиеся от привычных для них нормы, правила приобретения продуктов питания, приготовления пищи, общения с теми, с кем они живут в одном помещении. Приходится отказываться от некоторых элементов национальной культуры быта и приобретать навыки иного поведения, обеспечивающего успешное включение в новую жизнь.

В процессе адаптации могут возникнуть и проблемы *поведения в свободное время*. То, что привычно для иностранца у себя на родине, может вызвать негативную реакцию местного населения. Поэтому необходимо, с одной стороны, ознакомление с традициями и обычаями проведения досуга российской молодежью, в частности студентами УрФУ, с другой стороны, приобщение принимающего сообщества к культуре тех стран, из которых приезжают иностранные студенты.

Так как жизнь в другой стране предполагает общение иностранных студентов на улице, в транспорте, магазинах, театрах с незнакомыми людьми, то возникает потребность в социально одобряемом поведении. Эта задача решается

путем их адаптации к *местным традициям общения* с разными людьми в общественных местах.

Все эти типичные сферы повседневной жизни требуют от каждого иностранного студента определенного *саморазвития, самообразования, самовоспитания*. Тогда период получения профессионального образования в России, Екатеринбурге, в УрФУ даст максимально положительный результат, обеспечивающий будущую успешную трудовую жизнь, карьерный рост выпускника у себя на родине. По крайней мере, к этому стремятся все работники вуза, взаимодействующие с иностранными студентами, влияя на их адаптацию к учебе, быту, досугу в стране пребывания.

С целью определения проблем адаптации иностранных студентов к учебе в УрФУ, жизни в России нами в 2012/13 учебном году было проведено социологическое исследование. В опросе приняли участие студенты из стран дальнего и ближнего зарубежья: Монголии, Таиланда, Кореи, Японии, Казахстана, Азербайджана, Китая и др.¹

Оказалось, что первой по значимости проблемой адаптации является недостаточное знание русского языка: 61 % студентов указали необходимость общаться на русском языке главной трудностью в адаптационном процессе и только каждый четвертый уверен, что в полной мере овладел навыками устной и письменной речи. Сама проблема знания языка страны пребывания является типичной, так как обучение в другой стране всегда требует достаточно высокой языковой подготовки. Иностранные студенты учатся в тех же группах, что и представители коренного населения. Преподаватели не обязаны знать язык той страны, из которой прибыл студент.

Исследование подтвердило наше предположение о том, что студенты из ближнего зарубежья отличаются лучшим знанием русского языка, что существенно облегчает их обучение и привыкание к местной культуре быта, отдыха (табл. 1).

Лучше владеют русским языком студенты из Украины, Казахстана, Узбекистана, Кореи, Японии, Палестины. Причиной является обучение в течение года на подготовительных курсах либо у себя на родине, либо в России. Те, кто живет в странах, прежде входивших с СССР, имеют определенную практику общения на русском языке с проживающими в этих государствах его носителями, в частности бывшими выпускниками Уральского политехнического университета и Уральского государственного университета, на базе которых четыре года назад был создан федеральный университет.

Кроме фактора, связанного с языковой подготовкой, на процесс адаптации иностранных студентов влияет уровень ориентации на получение профессионального образования именно в России, в частности в УрФУ. Если выбор молодых людей был вынужденным (желаемая страна или вуз не предоставили места для обучения), положительная установка на быструю адаптацию к учебе в новых условиях в этом случае может не возникнуть. Человек будет

¹ Методом анкетирования было опрошено 340 студентов разных курсов и направлений подготовки.

считать себя жертвой обстоятельств, ему придется ломать те негативные стереотипы, которые имеются по поводу нашей страны, учебного заведения. От работников вуза потребуются больше усилий для того, чтобы такой студент сформировал позитивную установку на учебу в УрФУ. Если же выбор страны обучения, вуза осуществлялся добровольно, то личность мобилизует внутренние силы на преодоление возникающих в процессе адаптации проблем.

Таблица 1

Степень владения иностранными студентами русским языком, % опрошенных

Степень владения языком	Студенты	
	из стран ближнего зарубежья	из стран дальнего зарубежья
Могу читать, но с трудом понимаю речь	10	25
Читаю и понимаю речь	28	23
Читаю, понимаю и могу легко говорить	55	38
Только начинаю изучать язык	7	14

Данные опроса показали, что около четверти студентов из стран дальнего зарубежья приехали по направлению своих правительств, которые, видимо, заинтересованы в том, чтобы у них были специалисты, во-первых, знающие русский язык; во-вторых, умеющие работать на той технике, которую наши предприятия продают этим странам; в-третьих, способные в дальнейшем, вернувшись на родину высококвалифицированными специалистами, вести активную деловую деятельность с Россией. Некоторые отметили, что учиться в другой стране, кроме России, у них не было возможностей, что указывает на вынужденный для них характер обучения в УрФУ.

Следует обратить внимание на то, что около половины опрошенных отметили, что они *хотели учиться именно в России в достаточно известном вузе*. Следовательно, у них была начальная положительная установка на место получения профессии, которая позволяет успешнее адаптироваться к новым условиям проживания и учебы. Важно сохранять и развивать такое отношение к нашей стране, подробнее раскрывая особенности ее истории, традиций, обычаев, современной культуры. 22 % студентов уже имели *высокое мнение именно об УрФУ* при выборе места обучения. Это, видимо, вызвано общением с бывшими выпускниками УПИ, УрГУ, качеством того образования, которое они получили.

Опрос студентов, прибывших на учебу из стран ближнего зарубежья, показал, что около 18 % из них прибыли по направлению своих стран, а не добровольно. У них, скорее всего, отсутствует установка на быструю и успешную адаптацию к учебе в вузе и жизни в другой стране. С ними нужна такая же работа, как с теми, кто прибыл из стран дальнего зарубежья, по формированию положительного отношения к учебе именно в России.

В то же время большинство студентов (56 %) из стран ближнего зарубежья специально поехали в Россию, чтобы учиться в УрФУ. Причина в том, что их

родственники, знакомые в советское время получили образование в тех вузах, на базе которых недавно возник новый университет. Они сохранили приятные воспоминания об этом времени, знают о том, что обучающиеся получают качественное образование, обеспечивающее, в частности, в будущем карьерный рост.

На адаптацию к стране обучения существенно влияет содержание знаний о ней у студентов (табл. 2).

Таблица 2

**Информированность иностранных студентов о России
до приезда на учебу в УрФУ, % опрошенных***

Содержание информации	Студенты	
	из стран ближнего зарубежья	из стран дальнего зарубежья
Основные этапы истории страны	54	20
Организация обучения в вузах России	52	11
Правила поведения в магазинах, столовых	50	14
Современное политическое и экономическое положение страны	36	10
Организация учебы в УрФУ	28	21
Особенности норм, правил общения на улице	18	7
Особенности общения с представителями разных этносов	18	2
Организация быта студентов	16	11
Содержание образовательной программы	10	14
Отсутствие информации	10	38

* Сумма превышает 100 %, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что значительная часть студентов из дальнего зарубежья фактически ничего не знали о той стране, где им придется в течение нескольких лет жить и учиться. Ни в школе, ни на подготовительных курсах не уделялось достаточного внимания освоению знаний о нашей стране, ее истории, культуре. Причиной является, видимо, несколько пренебрежительное отношение направляющей стороны к данному вопросу. *Отсутствие каких-либо знаний о стране обучения существенно осложняет и удлинняет период адаптации иностранных студентов.* Они не имеют начальных представлений о климате, истории, традициях России и Урала. Им приходится учиться на своих ошибках, вызванных слабой социокультурной подготовкой. Неизбежно возникают какие-то конфликты с однокурсниками, населением в общественных местах, в учреждениях здравоохранения, местах отдыха, появляются психологические проблемы перестройки сознания на повседневную жизнь в существенно иных условиях жизни и учебы.

Опрос показал, что велика доля тех, кто не владеет информацией о содержании предстоящей профессиональной подготовки, об организации учебы в нашей стране, в частности в УрФУ. Поэтому практически по всем элементам адаптации нужна специальная помощь куратора, других работников вуза, руководителей общежитий, сокурсников.

Как и ожидалось, многие студенты, прибывшие из стран ближнего зарубежья, знают исторические особенности развития России как государства. Немножко хуже обстоит положение со знанием нынешнего социально-экономического положения. Требуется организовать информирование этих студентов по данному вопросу. Также явно не хватает знаний об организации учебы в российских вузах, содержании образовательных программ, особенностях бытовой культуры местного населения.

Ошибочным является мнение о том, что данная группа иностранцев не нуждается в постоянной работе, направленной на успешную их адаптацию к жизни, учебе в России. Будто бы то, что они из ближнего зарубежья, снимает остроту данной проблемы. По отдельным вопросам, выявленным в ходе опроса, эти молодые люди нуждаются не в меньшей поддержке, чем выходцы из стран дальнего зарубежья.

Выяснилась оценка студентами профессорско-преподавательского состава университета: определяя качество преподавания в целом как высокое (41 % студентов ставят отличную оценку), каждый шестой опрошенный полагает, что преподаватели в ряде случаев занижают свои требования к иностранным студентам, понимая, что они находятся в иноязычной образовательной среде.

Быт и досуг иностранных студентов являются теми сферами повседневной жизни, в которых периодически возникают проблемы адаптации к российским условиям. По результатам опроса выявлено, что 92 % студентов проживают в общежитии, при этом лишь 3 % удовлетворены условиями организации своего быта. Основными факторами неудовлетворенности являются санитарно-гигиенические условия (46 %), большая численность студентов, проживающих в одной комнате (38 %), шум (22 %), деятельность сотрудников общежития (комендантов, охраны, уборщиц — 15 %), наличие неприятных соседей (14 %).

Вместе с тем следует отметить, что особенности организации российского студенческого быта постепенно становятся нормой для иностранных студентов. Через некоторое время они включают в свои повседневные практики местные привычки в еде и напитках (кипяток с медом, чай с лимоном и сахаром, соленые огурцы), стиль в одежде (открытая, откровенная одежда). Чаще всего такие изменения характерны для выходцев из стран Европы, Африки.

В то же время сохраняются те стереотипы национального поведения, которые формировались с раннего детства. Это выражается прежде всего в приготовлении и принятии определенной пищи. Студенты выбирают блюда национальной кухни, которые готовят сами, получая посылки со специями из дома. Столовые, кафе и рестораны не пользуются особым спросом, поскольку требуют значительных финансовых затрат. Каждый третий опрошенный от-

метил высокую стоимость продуктов питания, а каждый четвертый определил свой материальный статус следующим тезисом: «*Деньг хватает только на приобретение продуктов*». Следовательно, адаптация иностранных студентов в организации быта определяется как ориентацией на сохранение определенных национальных традиций, так и материальными возможностями освоения новых практик удовлетворения базовых потребностей человека.

Изучение особенностей организации досуга показало, что, видимо, в этой сфере складывается единая для учащейся молодежи многих стран мира система деятельности, направленная на подготовку к занятиям, восстановление жизненных сил, общение с друзьями, в частности через Интернет. 68 % респондентов проводят свободное время за компьютером, 51 % — за прослушиванием любимой музыки. Около 40 % постоянно общаются в социальных сетях с друзьями, которые остались на родине, родственниками. Российские студенты, проживающие в общежитиях, организуют свой досуг примерно таким же образом. В процессе совместной учебы и проживания возникают общие интересы между двумя группами обучающихся, которые характеризуются, по мнению 23 % иностранных студентов, доброжелательностью, а по мнению 38 % — настроены на помощь при возникновении проблемных ситуаций.

В то же время процесс адаптации прибывших на обучение в УрФУ из других стран осложняется из-за конфликтов с медицинскими работниками вуза (43 %), при общении с незнакомыми людьми на улицах города (35 %), продавцами в магазинах, кондукторами в транспорте (28 %). Основная причина, по мнению иностранцев, заключается в том, что в них сразу видят представителей нетрадиционных для России этнических групп. Каждый третий респондент указал на словесные оскорбления, а 7 % — на физические формы насилия. Это указывает на проблему развития культуры населения того города, в котором находится один из крупнейших вузов страны, готовящий специалистов не только для нашей страны, но и для многих государств мира. Видимо, требуется особая работа органов исполнительной власти, СМИ, учреждений общего и профессионального образования по воспитанию толерантности, культуры общения местного населения с иностранными студентами.

Кого видят иностранные студенты в качестве субъектов, способных оказать помощь в адаптационном процессе? Каждый третий ждет поддержки от однокурсников, каждый пятый — от преподавателей русского языка. В данном случае наиболее важным фактором совершенствования адаптационного процесса является развитие особой коммуникативной среды университета, которая бы соответствовала ожиданиям иностранных студентов.

Анализ результатов исследования показал, что к 3–4 курсу большинство студентов (70 %) комфортно чувствуют себя как в университете, так и за его пределами. У них крайне редко возникают конфликты с принимающим сообществом, они не нуждаются в помощи сотрудников (подразделений) вуза, активно проводят свободное время, посещая кино, театры.

Для ускоренного решения проблем адаптации иностранных студентов в УрФУ необходимо, во-первых, совершенствование системы обучения русскому языку; во-вторых, преподавание специального страноведческого курса для

просвещения в сфере традиций, обычаев местного населения, особенностей взаимодействия с разными людьми во время занятий, в общественных местах, в общежитии; в-третьих, создание условий для индивидуальной помощи каждому иностранному студенту при возникновении тех или иных проблем в адаптации к учебной, бытовой, досуговой деятельности. Успешная адаптация обеспечивает как высокую результативность профессиональной подготовки, так и формирование доброжелательного отношения к России, Уральскому федеральному университету после возвращения иностранных студентов на родину.

1. Пресс-центр УрФУ: Первокурсникам УрФУ помогут запомнить расположение общежитий и медсанчасти : сайт Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2012. URL: <http://urfu.ru/home/press/news/article/pervokursnikam-urfu-pomogut-zapomnit-raspolozhenie-o/> (дата обращения: 12.06.2013).

2. *Козырева П. М.* Социальная адаптация населения России в постсоветский период // Социол. исслед. 2011. № 6. С. 25.

Рукопись поступила в редакцию 12 июня 2013 г.

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.3. – 055.1:355.257.3 + 316.614 + 316.66

В. В. Макурова
Т. С. Мочалова

ДОМИНИРОВАНИЕ КАК ЛИЧНОСТНАЯ ЧЕРТА У МУЖЧИН, ПРОШЕДШИХ СЛУЖБУ В АРМИИ

В статье рассмотрены психологическая модель личности мужчины, прошедшего службу в армии, и психологические препятствия его ресоциализации. Проведено сравнение двух групп мужчин (прошедших и непрошедших службу) на наличие личностных черт, присущих «доминирующей дефицитарной личности».

К л ю ч е в ы е с л о в а: психологическое доминирование, доминирование в негативном значении, доминирующая дефицитарная личность, независимый – доминирующий стиль поведения, недоверчивый–скептический стиль поведения, заниженная самооценка.

Одной из проблемных областей деятельности практического психолога является ресоциализация бывших военнослужащих. Речь идет не только о тех, кто прошел «горячие точки». Смягченные и отсроченные последствия воинской службы, по мнению Т. И. Ереминой и Н. П. Крюкова, оказываются гораздо серьезнее, чем изменения личности во время службы. Отсроченные последствия влияют не только на физическое здоровье военнослужащих, но и на их психологическую уравновешенность, мировоззрение, ценностные ориентации, приводят к формированию специфических семейных отношений и особых жизненных сценариев [4].

Опыт службы в армии переносится личностью на другие виды деятельности. Нарушение способности поддерживать оптимальные социальные контакты приводит к потере интереса к общественной жизни, снижению активности при решении собственных проблем [10, 74]. В психологической литературе обсуждаются проблемы ранних браков бывших солдат, когда имеет место желание

создать семью как среду сохранения себя в качестве авторитета. Так возникают неблагополучные семьи: отношения «доминирования — подчинения» являются в них основой межличностного взаимодействия супругов.

После службы необходимо менять поведение, установки, ценности, осваивать образцы жизни, приемлемые в данном обществе. Рано или поздно поведение, обусловленное дезадаптивными паттернами, становится неэффективным, что приводит к постоянным фрустрациям. Эмоциональное напряжение, возникающее вследствие этого, ведет к тому, что индивид находится в состоянии хронического стресса. Выходом из этого состояния являются антисоциальные поступки, неврозы или алкоголизм.

Особенности жизни в армии часто приводят к кризису идентичности, утрате целостности личности. На сложности в самореализации мужчин, прошедших службу в армии, указывают исследования И. Л. Банникова, С. Л. Евенко, А. Г. Маклакова, С. В. Чермянина, Е. Б. Шустова, Е. Ю. Озеровой, Е. В. Сафоновой и др., проводившиеся в разные годы [1–3, 6, 9, 11].

Теоретической основой модели личности мужчины, прошедшего службу в армии, служат работы А. Маслоу, Л. Н. Собчик, Л. А. Китаева-Смыка, А. Ю. Солнышкова [5, 7, 12, 13].

А. Ю. Солнышков пишет о том, что служба в армии приводит к формированию у солдат такой личностной черты, как доминирование над другими, а это способствует возникновению агрессивности, эгоизма, подозрительности, нескритичности по отношению к себе наряду с высокой критичностью по отношению к другим, а также черт, которые в своем сочетании представляют модель «доминирующей дефицитарной личности», описанную А. Маслоу и дополненную А. Адлером [7]. Главная задача доминирующей личности — подчинить себе другого, заставить его поступать в своих интересах.

Изучавший военный стресс Л. А. Китаев-Смык разделяет солдат с деструктивными личностными изменениями на «надломившихся», «дурашливых» и «остервеневших». «Надломившиеся» постоянно переживают чувство страха, собственной неполноценности, склонны к жестокости, неуравновешенности и господству над другими. «Дурашливые» имеют склонность к инфантильным поступкам, неуместным шуткам, а «остервеневшие» выработали в себе за время службы гиперагрессивность [5]. В структуре личности «надломившихся» и «остервеневших» несомненно присутствуют черты доминирующей дефицитарной личности.

На основании исследований Л. Н. Собчик выделяют доминирование в положительном и негативном значении [12]. В положительном значении доминирование приближается к феномену лидерства: умение быть хорошим наставником, организатором, умение вести за собой других людей. Доминирование в негативном смысле — это эксплуатация и использование людей в личных интересах.

Рассмотрим феномен психологического доминирования в армии, для чего введем понятие «доминирующая дефицитарная личность». Для изучения такой личности в нашем исследовании было использовано понятие «доминирование» в негативном значении. На основе исследований Л. Н. Собчик выделяются

сопутствующие черты доминирующей личности — эгоизм, подозрительность, агрессивность, самодовольство, интравертированность, конфликтность и т. д.

Создание предварительной психологической модели личности мужчин, служивших в армии, явилось целью нашего исследования. Достижению поставленной цели послужило решение следующих задач эмпирического исследования:

1) выделение у мужчин, проходивших срочную службу в армии, преобладающих стилей отношений с людьми и обуславливающих их личностных черт в сравнении с группой неслуживших;

2) сравнение уровня самооценки у мужчин, прошедших и непрошедших службу в армии;

3) сравнение направленности личности у мужчин, прошедших и непрошедших службу в армии.

Гипотезой данного исследования послужило следующее предположение: у мужчин, прошедших воинскую службу, в структуре личности присутствует такая черта, как доминирование в негативном значении. Данная гипотеза основывается на исследованиях А. Ю. Солнышкова, Л. Н. Собчика, А. Маслоу и других авторов

Предполагается, что среди прошедших воинскую службу, в сравнении с группой неслуживших, больше таких мужчин, у которых по методике «Диагностика межличностных отношений» Л. Н. Собчик преобладающим является независимый-доминирующий стиль поведения (П). По мнению Л. Н. Собчик, этот стиль поведения обуславливает доминирование в негативном значении.

Частные гипотезы исследования:

1. У мужчин, служивших в армии, в отличие от неслуживших, в структуре личности более выражены такие черты, как агрессивность и подозрительность.

2. Среди служивших в армии больше мужчин с заниженной самооценкой, чем в группе неслуживших.

3. Мужчины, прошедшие службу в армии, в отличие от неслуживших, более ориентированы на себя, а не на дело или общение.

Предметом исследования явились личностные черты мужчин, их стили отношений с окружающими людьми, самооценка и направленность личности.

Объектом исследования стали мужчины на одном из предприятий г. Лесного Свердловской области в возрасте от 20 до 45 лет.

В выборку вошли 60 человек. Из них 32 человека — мужчины, работающие на производственном предприятии и не прошедшие службу в армии (53 %); 28 человек — мужчины, работающие на производственном предприятии и прошедшие службу в армии (47 %).

Методики, использованные в эмпирическом исследовании: «Диагностика межличностных отношений» Л. Н. Собчик, методика самооценки личности С. А. Будасси, методика «Диагностика направленности личности» Б. Басса.

В ходе исследования были получены следующие результаты.

По методике «Диагностика межличностных отношений» (ДМО) Л. Н. Собчик значимые различия между двумя группами подтвердились по параметру

II — «независимый-доминирующий». Близки к достоверным оказались различия между группами по параметру IV — «недоверчивый-скептический (подозрительный)». Группы служивших и неслуживших отличались друг от друга также по факторам доминирования и дружелюбия (см. таблицу).

Достоверность различий по критерию Манна Уитни между мужчинами, служившими в армии и не служившими, по методике ДМО

Стиль поведения	Σx	Σx	U	Достоверность/ недостоверность
	Неслужившие	Служившие		
I. Властный-лидирующий	918	912	506	Недостоверны
II. Независимый-доминирующий	695	1136	166	Достоверны
III. Прямолинейный-агрессивный	840	991	311,5	Недостоверны
IV. Недоверчивый-скептический	809	1022	281	Недостоверны
V. Покорно-застенчивый	1106	724	318	Недостоверны
VI. Зависимый-послушный	1106	724	318	Недостоверны
VII. Сотрудничающий- конвенциональный	963	867	461	Недостоверны
VIII. Ответственно-великодушный	1096	734	326	Недостоверны
IX. Фактор «Доминирование»	788	1042	260	Достоверны
X. Фактор «Дружелюбие»	1271	559	153	Достоверны

Коэффициент различий Манна Уитни $U = nx \cdot ny + ((nx + (nx + 1)) / 2) - \Sigma x$, где nx — количество человек в группе x ; ny — количество человек в группе y ; Σx — наибольшая сумма рангов = 1830.

Для выборок $n_1 + 32$ и $n_2 = 28$ $U_{кр} = 262$.

При $U < U_{кр}$ различия между группами статистически достоверны.

По параметрам I — «властный-лидирующий (авторитарный)», III — «прямолинейный-агрессивный (агрессивный)», V — «покорно-застенчивый (подчиняемый)», VI — «зависимый-послушный (зависимый)», VII — «сотрудничающий-конвенциональный (дружелюбный)», VIII — «ответственно-великодушный (альтруистический)» значимых различий между группами нет.

Среди служивших мужчин больше тех, которые в отношениях с окружающими чаще используют независимо-доминирующий стиль поведения. Это свидетельствует о наличии в структуре их личности такой черты, как доминирование в негативном значении [12]. Их доминирование как ведущая черта личности проявляется в использовании и эксплуатации людей в личных интересах, в стремлении к власти, господству, в желании приказывать и командовать другими. Субъекты с преобладанием данного стиля поведения при высоких показателях (9–12 баллов) самодовольны, нарциссичны, у них ярко выражено чувство собственного превосходства над окружающими с тенденцией иметь особое мнение, отличное от большинства; они имеют тенденцию (при показателях более 12 баллов) занимать обособленную позицию в группе.

У 10 человек (34 %) из 29 служивших показатели высокие — больше 9 баллов, что, вероятнее всего, говорит о трудностях адаптации; у одного человека доходит до патологии поведения (14 баллов). У 31 человека (97 %) из группы неслуживших показатели по параметру «независимый-доминирующий» соответствуют норме — менее 8 баллов.

Близки к достоверным различия между группами по параметру IV — «недоверчивый-скептический (подозрительный)». В группе служивших показатели больше 9 баллов у 5 человек (17 %), в группе неслуживших — только у 1 человека (3 %). Высокие показатели по этому параметру говорят об обидчивости, недоверчивости в отношениях с окружающими с выраженной склонностью к критицизму, недовольству другими, подозрительности.

Любопытно, что по показателям I — «властный-лидирующий (авторитарный)» и III — «прямолинейный-агрессивный (агрессивный)» хотя и не было обнаружено достоверных различий между группами, высокие показатели чаще встречаются у служивших, чем у неслуживших. Так, например, по показателю I — «властный-лидирующий (авторитарный)» среди служивших высокие показатели у 8 человек (28 %) (разброс от 9 до 154 баллов), среди неслуживших — только у 4 человек (12,5 %) (9–10 баллов). Умеренные показатели по параметру I говорят о наличии в структуре личности такой черты, как доминирование в положительном значении, т. е. умение быть хорошим лидером, наставником, организатором, умение вести за собой других людей, наличие качеств руководителя. Показательно, что среди неслуживших умеренные показатели встречаются у 87 % человек, а среди служивших этот процент меньше — 72. Среди бывших военнослужащих, в отличие от группы неслуживших, больше тех, у кого в настоящее время есть проблемы с адаптацией, проблемы в отношениях с другими людьми из-за стремления к доминированию. В этом смысле высокие баллы по параметру I (властный-лидирующий) скорее приближаются к доминированию в негативном значении, поскольку на первый план выходит стремление к власти, а не к проявлению лидерских качеств.

По параметру III — «агрессивный» среди группы служивших высокие показатели (больше 9 баллов) встречаются у 9 человек (32 %), среди неслуживших — только у 1 человека (3 %). Служившие мужчины более упорны, чаще проявляют недружелюбие, несдержанность и вспыльчивость в отношениях с коллегами по работе и с близкими людьми.

По параметру VIII — «ответственно-великодушный (альтруистический)» статистически значимых различий между группами также не обнаружено. Однако высокие показатели чаще встречаются у неслуживших (11 человек — 34 %), в отличие от служивших (6 человек — 21 %). «Ответственно-великодушный» — это вариант межличностного поведения, который проявляется в выраженной готовности помогать окружающим, в развитом чувстве ответственности (до 8 баллов). Высокие баллы выявляют мягкосердечность, сверхобязательность, подчеркнутый альтруизм [12].

По факторам «доминирование» и «дружелюбие» были подтверждены достоверные различия между группами. Служившие больше стремятся к доминированию в отношениях с другими, к тому же они менее дружелюбны и

более агрессивны по сравнению с неслужившими. Показательно, что семейное положение, должностной статус никак не влияют на распределение баллов среди групп, т. е. они не влияют на высокие и умеренные показатели, полученные по методике ДМО. Срок, прошедший после окончания службы, у большинства служивших находился в промежутках от 1 до 3 лет (67 %) и от 3 до 5 лет (27 %) и тоже не влиял на распределение баллов. А вот возраст и наличие детей связаны с полученными баллами по методике ДМО. Высокие показатели практически по всем параметрам встречаются у служивших и неслуживших людей в возрастном промежутке от 20 до 29 лет. Это говорит о трудностях адаптации в производственном коллективе, в семье у молодых людей: они импульсивны, часто действуют сиюминутно, не задумываясь о последствиях. Возможно, это связано и с особенностями выборки. Большинство опрошенных как раз находятся в возрастном промежутке от 20 до 29 лет. Напротив, у людей, у которых есть дети, показатели по всем параметрам более умеренные, причем нет разницы, служили они или нет. Такие люди менее агрессивны и прямолинейны в своих высказываниях, более дружелюбны, чаще склонны к сотрудничеству, а не к доминированию при разрешении конфликтных ситуаций со значимыми другими.

У многих служивших из выборки есть проблемы с адаптацией, прежде всего страдает сфера межличностных отношений. Высокие показатели по параметрам I — «властный-лидирующий (авторитарный)», II — «независимый-доминирующий», III — «прямолинейный-агрессивный (агрессивный)», IV — «недоверчивый-скептический (подозрительный)» встречаются практически только в данном сочетании. То есть среди служивших есть те, у кого показатели высокие по всем параметрам, и те, у кого только умеренные показатели.

В бланке вопросов был и такой: «Оказала ли на вас влияние служба в армии? Если да, то какое?». На этот вопрос из 28 служащих ответили 17 (61 %). Большинство использовали стандартные ответы. Самый популярный: «Стал настоящим мужчиной» (43 % — 7 человек); 24 % (4 человека) написали, что армия не дала им ничего, «никак не повлияла»; 24 % (4 человека) отметили дисциплину и ответственность как качества, развитию которых способствовала служба в армии; 12 % (2 человека) положительное влияние армии увидели в общении, в друзьях и взаимовыручке; 6 % (1 человек) научились в армии подчиняться. И только 12 % (2 человека) отметили, что армия их испортила: «Если бы я знал раньше, что такое армия, не пошел бы туда никогда. Внука своего точно не отдам», «Да ну ее, эту армию». Ответы испытуемых разнятся с тем, что мы получаем в итоге тестирования. Возможно, здесь проявился феномен социального фасада или социальной желательности, когда человек хочет выглядеть таким, каким, по его мнению, желают видеть его другие. Стандартные ответы на вопрос говорят о том, что человек глубоко не задумывался над этим вопросом, так как это для него не актуально в данный момент.

По методике самооценки личности С. А. Будасси были получены следующие результаты. Между группой служивших и неслуживших обнаружены достоверные различия в самооценке испытуемых ($U = 243$, при $U_{кр} = 262$).

Среди бывших военнослужащих заниженная самооценка встречается гораздо чаще (21 %), чем среди непроходивших службу (1 человек — 3 %).

Высокая и низкая самооценка нарушает процесс самоуправления, искажает самоконтроль. Особенно это заметно в общении, когда лица с завышенной или заниженной самооценкой выступают причиной конфликтов. При завышенной самооценке конфликты возникают из-за пренебрежительного отношения к другим людям и неуважительного обращения с ними, слишком резких и необоснованных высказываний в их адрес, нетерпимости к чужому мнению, проявления высокомерия и зазнайства. Низкая критичность к себе мешает им даже замечать, что они оскорбляют других высокомерием.

При заниженной самооценке конфликты могут возникать из-за чрезмерной критичности к другим людям. Они не прощают другим промахов или ошибок, склонны постоянно подчеркивать чужие недостатки. Это становится причиной конфликтов в силу того, что немногие могут терпеть постоянные окрики и распоряжения в приказном тоне. Когда в тебе видят только плохое и постоянно указывают на это, то возникает неприязнь к источнику таких оценок, мыслей, действий.

Оптимальная самооценка встречается у большинства служивших и неслуживших. Однако, если сравнивать оставшихся, то среди служивших гораздо больший процент мужчин с заниженной самооценкой (21 %), а среди неслуживших — с завышенной (12 %). Возможно, если бы выборка была больше, эти различия были бы показательнее.

Среди мужчин, служивших в армии, больше людей с заниженной самооценкой. Человек начинает командовать и использовать других в личных целях, когда ему не хватает собственных ресурсов для решения проблем. Он пытается скрыть свою несостоятельность и заниженную самооценку через реализацию себя за счет других. Доминирование выступает как компенсация негативного образа «Я» и заниженной самооценки.

Достоверных различий в выборе личностных качеств между группами служивших и неслуживших мужчин обнаружено не было ($U = 506,5$, при $U_{кр} = 262$). Однако следует отметить, что служившие гораздо чаще выбирали в качестве значимых такие качества, как гордость, принципиальность, упрямство и эгоизм, тогда как неслужившие чаще останавливались на беспечности, застенчивости, нежности и педантичности. Такие черты, как принципиальность, упрямство и эгоизм, являются сопутствующими доминированию в негативном значении как центральной черте в структуре личности. То, что они оказались более значимыми для служивших, еще раз (косвенно) подтверждает гипотезу исследования: служившие в армии мужчины стремятся к доминированию над другими людьми. Так их научили в армии, такое поведение в прошлом часто приносило положительные результаты. Сейчас они хотят пользоваться теми же простыми, но уже неэффективными методами, а это приводит к нарушению адаптации и ухудшению отношений с окружающими. Однако эта тенденция наблюдается не у всех бывших военнослужащих, а лишь у некоторой части. Среди группы служивших примерно 1/3 имеют критические значения по всем методикам, а у 2/3 показатели оптимальные. Большинство

мужчин адаптировались в обществе после службы, а у кого-то этот процесс идет до сих пор. Одна треть служивших и плохо адаптированных имеют по всем методикам высокие показатели.

По методике «Диагностика направленности личности» Б. Басса обнаружено следующее: достоверных различий по направленности личности в группах служивших и неслуживших нет. Предполагалось, что служившие больше ориентируются на себя, чем на дело или общение с другими; такие люди самодовольны, критичны по отношению к окружающим, мнение и интересы других они чаще не учитывают (на основе взглядов А. Маслоу о доминирующей дефицитарной личности). Однако и служившие, и неслужившие больше всего направлены на дело — 68 и 72 % соответственно. Направленность на дело — заинтересованность в решении деловых проблем, выполнение работы как можно лучше, ориентация на деловое сотрудничество, способность отстаивать в интересах дела собственное мнение, которое полезно для достижения общей цели. Возможно, такой результат связан с феноменом «социальной желательности», или со спецификой производственного коллектива, рассмотрение которой не входило в задачи исследования. Оказались направлены на себя 9 % неслуживших и 18 % служивших.

Направленность на себя — ориентация на прямое вознаграждение и удовлетворение потребностей вне работы, агрессивность в достижении статуса, склонность к соперничеству, раздражительность, тревожность, интравертированность. Как видно, служившие больше, чем неслужившие, направлены на себя и меньше на общение, однако различия между группами недостоверны. Большинство из тех служивших, которые по ДМО Л. Н. Собчик имеют высокие показатели, свидетельствующие о плохой адаптации, а по методике С. А. Будасси — о заниженной самооценке, по методике Б. Басса — направлены на дело, что противоречит выдвинутой гипотезе. Однако по методике самооценки личности для служивших мужчин значимым оказалось такое качество, как эгоизм, а это и есть направленность на себя. Различие результатов по методикам С. А. Будасси и Б. Басса можно объяснить небольшой по количеству выборкой и феноменом социальной желательности.

Таким образом, в ходе проведенного исследования гипотезы подтвердилось частично следующее:

— среди мужчин, прошедших воинскую службу, в сравнении с группой неслуживших, больше таких, у которых преобладающим является независимый-доминирующий стиль поведения. Этот стиль поведения обуславливает такая черта в структуре личности, как доминирование в негативном значении;

— у мужчин, служивших в армии, в отличие от неслуживших, в структуре личности более выражена такая черта, как подозрительность, которая соответствует недоверчивому-скептическому стилю. По параметру «прямолинейно-агрессивный» более высокие показатели агрессивности выявлены у служивших в армии;

— среди мужчин, служивших в армии, больше мужчин с заниженной самооценкой, которая является логическим продолжением центральной личностной черты — доминирование в негативном значении. Доминирование в дан-

ном случае выступает как компенсация негативного образа Я и заниженной самооценки;

— по методике направленности личности Б. Басса достоверных различий между группами не обнаружено. Представители обеих групп больше ориентированы на дело, чем на себя и на общение.

Подведем итог, выделив личностные черты человека, прошедшего службу в армии, и на основе этого представим предварительную психологическую модель его личности.

Доминирование в негативном значении является центральной чертой в структуре личности мужчины, прошедшего службу в армии. Эта черта выступает в качестве компенсации заниженной самооценки. При заниженной самооценке конфликты в отношениях с окружающими чаще всего возникают из-за чрезмерной критичности к другим людям. Доминированию сопутствуют подозрительность и агрессивность. Значимыми для этих людей являются такие качества, как гордость, принципиальность, упрямство и эгоизм. Высокие показатели, полученные по методике ДМО Л. Н. Собчик и методике самооценки С. А. Будасси, констатируют заострение перечисленных выше личностных черт у мужчин, прошедших службу в армии. Это указывает на трудности адаптации служивших в рабочем коллективе и в семье. Однако эти трудности испытывают не все бывшие военнослужащие, а лишь их часть (29 %). Процент небольшой, однако показательно то, что в группе неслуживших практически нет людей с проблемами адаптации.

Гипотетическая теоретическая модель личности служившего мужчины намного шире, чем та, которая получилась в результате исследования. Модель можно существенно дополнить, проверив наличие других черт на основе различных методик исследования личности и межличностных отношений.

Служба в армии не проходит для человека бесследно. Стихийная ресоциализация может длиться годами, существенно истощая ресурсы самореализации. Система психологической помощи людям, прошедшим службу в армии, должна учитывать их специфические психологические проблемы.

-
1. Банников К. Л. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения военнослужащих срочной службы Российской армии. М., 2002
 2. Военная психология / под ред. А. Г. Маклакова. СПб., 2007.
 3. Евенко С. Л. Психология отклоняющегося поведения военнослужащих. М., 2008.
 4. Еремича Т. И., Крюков Н. П., Логинова Ю. Ю. Социально-психологическая адаптация граждан, принимавших участие в боевых действиях : метод. пособие. Саратов, 2002.
 5. Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. М., 1983.
 6. Маклаков А. Г., Черемянин С. В., Шустов Е. Б. Проблема прогнозирования психологических последствий локальных военных конфликтов // Психол. журн. 2001. Т. 22, № 1.
 7. Маслоу А. Г. Мотивация и личность. 3-е изд. СПб., 2003.
 8. Мулява О. Д. Из вуза — на офицерскую службу: вопросы социально-профессиональной адаптации // Социол. исслед. 2003. № 3. С. 64.
 9. Озерова Е. Ю. Жизненные стратегии бывших военнослужащих // Вестн. РГГУ. 2009. № 2. С. 268–275.

10. Пожидаев Д. Д. От боевых действий — к гражданской жизни // Социол. исслед. 1999. № 2. С. 70–75.

11. Сафонова Е. В. Ценностные ориентации военнослужащих, склонных к девиантному поведению // Гуманитар. вектор. 2010. № 1. С. 100–106.

12. Собчик Л. Н. Диагностика индивидуально-типологических свойств и межличностных отношений. СПб., 2002.

13. Солнышков А. Ю. Децовщина: тип отношений к «значимому другому» // Социол. исслед. 2004. № 6. С. 45–53.

Рукопись поступила в редакцию 7 июня 2013 г.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 821.161.1 Толстой + 351.751 + 070.13 + 27-18

Б. В. Емельянов
О. Б. Ионайтис

ПРОТИВОСТОЯНИЕ: ЦЕРКОВЬ ПРОТИВ ИДЕЙ И СОЧИНЕНИЙ Л. Н. ТОЛСТОГО К 185-летию со дня рождения писателя*

В статье на основании цензурных документов по-новому освещается борьба церкви с мировоззрением Л. Н. Толстого, приведены факты запрещения его произведений, их распространения в бесцензурной печати.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, К. П. Победоносцев, цензура, Синод, «Посредник», запрещение, свободная печать.

Факты — упрямая и весьма доказательная вещь, а они говорят, что для Русской православной церкви, начиная с последней четверти XIX в., самыми серьезными противниками был граф Лев Николаевич Толстой и его произведения о религии, которые хотя постоянно и запрещались, распространялись в России и за рубежом. Этот вывод покоится на сотнях дел церковных ведомств — от Синода до епархий, цензурных комитетов — как центральных, так и местных. При этом обращают на себя внимание два обстоятельства. Первое: светская власть в лице Александра III и Николая II и их министров от борьбы с Л. Н. Толстым и его взглядами пыталась дистанцироваться, полагая, что преследование писателя, пользующегося огромной популярностью и в России, и за рубежом, будет поставлено им в вину, а Толстому — в заслугу, усилив его авторитет как преследуемого властями писателя. Это обстоятельство хорошо выразил в своем письме Александру III московский генерал-губернатор князь В. А. Долгоруков: «...всякая репрессивная мера, принятая относительно

* Статья написана по материалам исследования, поддержанного грантом РГНФ № 13-03-00118а.

графа Л. Толстого, окружит его ореолом страдания и тем будет наиболее воздействовать распространению его мыслей и учения» [1, 97]. Второе: борьбу русской церкви с Толстым и его произведениями можно расценивать как постоянные, не прекращающиеся боевые действия со своей стратегией и тактикой с обеих сторон.

Борьба Л. Н. Толстого против религии и церкви, а церкви против Толстого — большая, многоплановая исследовательская проблема, на сегодняшний день почти не имеющая лакун. Написаны книги и статьи, опубликованы произведения Толстого, церковные и цензурные документы, защищены диссертации. Наша задача локальная: в рамках изучения цензурной практики духовной цензуры показать объем, приемы и методы ее борьбы с антирелигиозными и антицерковными произведениями русского писателя.

У светской цензуры претензии к Толстому-писателю появились уже после первых литературных опытов Л. Н. Толстого: цензурой были изуродованы «История моего детства», «Набег», «Севастопольские рассказы» с их нелицеприятной для правящих кругов правдой о Крымской войне. А когда писатель стал заниматься педагогической деятельностью и выпускать небольшой по объему журнал «Ясная Поляна», эта его деятельность стала расцениваться цензурой как подрывающая корни российской государственности. Министр внутренних дел статс-секретарь Валуев, например, заявил, что Толстой излагает «вредные идеи», а «направление и дух этого журнала, нередко низвергающие самые основные правила религии и нравственности», должны быть признаны «вредными» [Там же, 50]. А первое зафиксированное недовольство церкви в лице ее обер-прокурора К. П. Победоносцева относится к 1881 г., когда Л. Н. Толстой обратился к Александру III с просьбой помиловать тех, кто убил его отца, поскольку, по его мнению, «только одно слово прощения и любви христианской, сказанное и исполненное с высоты престола, и путь христианского царствования, на который предстоит вступить Вам, может уничтожить то зло, которое точит Россию» [5, 11]. Письмо это было послано через обер-прокурора в середине марта, когда казнь уже состоялась. Толстому ответил Победоносцев, подчеркнув в своем ответе, что вера писателя отличается от истинно православной веры [9, 28, 319].

Начало 80-х гг. для Толстого — время пристального внимания поискам смысла жизни, изучения основных постулатов мировых религий — христианства, буддизма, магометанства, а также основ научного знания. Одновременно он знакомится с жизненными принципами сектантов и старцев Оптиной пустыни, Киево-Печерской и Троице-Сергиевой лавр. Результаты этих поисков Толстой излагает в своей знаменитой «Исповеди», основной вывод которой был прост: «Я отрекся от жизни нашего круга, признав, что это не есть жизнь, а только подобие жизни, что условия избытка, в которых мы живем, лишают нас возможности понимать жизнь и что для того, чтобы понимать жизнь, я должен понять жизнь не исключений, не нас, паразитов жизни, а жизнь про-

стого трудового народа, того, который делает жизнь, и тот смысл, который он придает ей» [2, 28, 46–47].

«Исповедь» предполагалось издать в майском номере журнала «Русская мысль» 1882 г. Опасаясь ее запрещения духовной цензурой, редакция журнала предпослала ее тексту введение и несколько примечаний. Это не помогло. Московский комитет духовной цензуры вначале предложил смягчить некоторые места текста «Исповеди», а затем по представлению цензора ректора Вифанской семинарии Н. А. Сергиевского ее публикация была запрещена. Напечатанный текст был вырезан из журнала и отправлен в Главное управление по делам печати.

Спустя три года С. А. Толстая предприняла попытку включить «Исповедь» и еще одно сочинение Льва Николаевича, «Как я понял учение Христа», в собрание сочинений писателя. Более чем полгода духовная цензура решала вопрос о возможности их издания, однако только 14 мая 1886 г. Синод своим решением не разрешил их печатание, поскольку в этих сочинениях «по местам излагаются мысли и суждения несогласные с учением Православной церкви» [9, 28, 522]. Несмотря на этот двойной запрет, «Исповедь» Толстого имела широкое хождение в России и за рубежом под разными названиями в виде литографированных изданий, брошюр, вырезанной из текста «Русской мысли» корректуры, европейских газетных и журнальных изданий на русском языке. Известно, например, что ее издало нелегальное «Общество переводчиков и издателей» и «Общестуденческий союз» в московской литографии Н. А. Янковской, а в конце 1885 — начале 1886 г. казанский революционный кружок И. Н. Смирнова и В. А. Муратова печатал «Исповедь» литографированным способом в типографии уездного воинского начальника. При обыске у членов кружка жандармами 1 марта 1886 г. было обнаружено 100 экземпляров книги [3, 65]. Как видим, запретительные меры духовной цензуры по отношению к толстовской «Исповеди» не достигли цели и она стала «одним из самых читаемых его публицистических произведений» [2, 52].

В сентябре 1886 г. большой труд Толстого «О жизни» должен был быть помещен в XIII части собрания его сочинений и был уже набран. Московский цензурный комитет в конце 1887 г. рассмотрел это сочинение писателя и нашел, что Толстой в нем посчитал наиважнейшим «не слово божие, а единственно и исключительно человеческий разум». Посему эта книга внушает недоверие к догматам церкви и «подлежит безусловному запрещению». Это решение 5 апреля 1888 г. продублировал Синод и приказал все 600 экземпляров книги сдать в архив комитета цензуры [1, 87–88].

Аналогична судьба другого сочинения писателя — «В чем моя вера?». Книга была набрана в типографии И. П. Кушнерева, после чего была просмотрена председателем Московского цензурного комитета В. Федоровым, который посчитал ее «крайне вредной», поскольку она «подрывает основы государственных и общественных традиций и вконец рушит учение церкви» [9, 28, 551], и передал корректуру книги в духовную цензуру. Там ее оценка была поручена протоиерею М. Боголюбскому, который отнес ее к тем книгам, которые не могут быть напечатаны, ибо в своем трактате «В чем моя вера?» Толстой

«порицает все церковные и государственные установления. Все самые вредные установления мысли, как-то: социализм, коммунизм и проч., по мнению Толстого, суть части учения Христова, проносимые церковью» [9, 28, 551]. На основании этого отзыва книга духовной цензурой была запрещена, 39 ее экземпляров из 50 напечатанных были арестованы, переправлены в Петербург и разошлись по библиотекам высокопоставленных лиц, включая императора и его министров. Она не осталась неизвестной и для русского общества, повторив судьбу «Исповеди»: ее переписывали, литографировали, печатали за рубежом на русском (этим занимался М. К. Элпидин в Женеве) и европейских языках. В России это произведение Толстого дважды напечатали лишь в 1906 г. — вначале в журнале «Всемирный вестник», а затем отдельным изданием в «Посреднике». Позже писатель, следивший за перипетиями издания его книги «В чем моя вера?», вспоминал: «Книга по выходе ее, как я и ожидал, была запрещена и по закону должна была быть сожжена. Но книга вместо сожжения была разобрана чиновниками и распространялась в большом количестве списков и литографных оттисков и в переводах, напечатанных за границей. И очень скоро на книгу появились критики, не только духовные, но и светские, которые правительство допускало, но и поощряло. Так что даже опровержение книги, которая считалась никому не известной, назначено было темой богословских сочинений в академиях» [2, 25]. А светская и духовная цензура с начала 90-х гг. стала все более внимательно отслеживать все издания Л. Н. Толстого, запрещая неудобные правительству и церкви. Свидетельством этому является публикация Главным управлением по делам печати в 1893 г. списка запрещенных произведений писателя, насчитывающего 19 его работ.

Писатель не оставлял желая еще и еще раз высказаться по вопросам веры, деятельности церкви, своего понимания сути и задач христианства. Итожа свои взгляды по этим вопросам, он в 1890–1893 гг. работал над книгой «Царство божие внутри вас». Особенностью этой работы было значительно большее, чем в прежних религиозно-философских трудах, внимание к социальным процессам российской действительности, предложение своих ответов на вопросы «кто виноват?» и «что делать?» для решения проблем улучшения жизни трудового народа. Вполне естественно, что и светская, и духовная цензура такое произведение писателя пропустить в печать не могла. Сразу же после его написания, уже в 1893 г., «Царство божие внутри вас» стало печататься за границей на русском и иностранных языках: в Берлине, Париже, Лондоне, Женеве, Риме и других городах Европы. После издания книги в конце 1893 г. в Париже Н. Н. Страхов, оценивая это издание, писал Льву Николаевичу: «Ваша книга “Царство божие” встречена тихо, но очень враждебно, как и следовало ожидать. Цензура объявила, что это самая вредная книга из всех, которые когда-нибудь пришлось запрещать» [9, 28, 366]. Через три года в Женеве на русском языке ее издал М. К. Элпидин, а в 1898–1902 гг. в Англии в издательстве «Свободное слово» — В. Г. Чертков.

Текст книги интенсивно стал распространяться в России, что немедленно было зафиксировано в Министерстве внутренних дел и Главном управлении по делам печати. Его начальник Е. М. Феоктистов 18 мая 1894 г. издал специ-

альный секретный циркуляр, в котором говорилось: «До Министерства внутренних дел дошли сведения, что сочинение графа Л. Толстого “Царство божие внутри вас есть”, напечатанное за границей и безусловно запрещенное к обращению, в настоящее время в значительном количестве тайно проникло в пределы империи и распространяется, между прочим, путем перепечатывания на пишущих машинах, в особенности в южных губерниях» [9, 28, 370]. Запретительные меры для распространения этого произведения Л. Н. Толстого и в этот раз оказались неэффективны. Первая русская революция прорвала цензурный запрет, и в 1906 г. «Царство божие внутри вас» начинает издаваться издательством «Русское свободное слово» как первые два тома «Полного собрания сочинений, запрещенных русской цензурой», а также как пятый том «Полного собрания сочинений, вышедших за границей», предпринятого Б. В. Герцегом. И хотя эти издания были также запрещены и изъяты из продажи, свою роль в распространении антицерковных и антирелигиозных идей Л. Н. Толстого они сыграли.

Цензурную судьбу «Царства божия» повторила еще одна большая работа Л. Н. Толстого — «Соединение и перевод четырех евангелий». Поскольку цензура книгу запретила, ее в трех томах в Женеве издал Элпидин, и она стала распространяться в России. Синод 11 ноября 1894 г. специально обсудил возможность запрещения ее проникновения в Россию. В его решении было записано: «Принимая во внимание, что изданная за границей книга графа Льва Толстого “Соединение и перевод четырех евангелий” исполнена мыслей и выражений, противных догматам христианской веры и учению православной церкви... означенная книга не может быть допущена к обращению в публике». Опираясь на это решение, министр внутренних дел распорядился никоим образом в Россию эту книгу не допускать [1, 120]. А когда, несмотря на запрещение, издательство «Посредник» в 1907–1908 гг. издало эту книгу в двух томах, Московский комитет цензуры признал ее «кошунственной» и запретил распространение, передав дело о ее издании в суд. А в 1912 г. московская судебная палата постановила 6 тысяч экземпляров книги сжечь.

Из литературных произведений Л. Н. Толстого цензура ополчилась прежде всего на «Крейцерову сонату» за стремление «дискредитировать церковный брак». Предполагалось издать ее в 1890 г. в книге «В память С. А. Юрьева», но цензура запретила это сделать. И тогда «Крейцера соната» начала распространяться, как и другие произведения писателя, в виде рукописных и гектографированных списков, печататься за границей — в Берлине и Женеве. С. А. Толстая предприняла попытку издать «Крейцерову сонату» в одном из томов сочинений писателя, но цензура наложила на издание арест. Тогда она добилась аудиенции у Александра III и 3 мая 1891 г. получила разрешение на издание «Крейцеровой сонаты». «Министр православия» Победоносцев в письме к императору выразил сожаление, что не успел предупредить его, чтобы он не принимал жену Толстого. По его мнению, «Толстой — фанатик своего безумия и, к несчастью, увлекает и приводит к безумию тысячи легкомысленных людей. Сколько вреда и пагубы от него произошло — трудно и исчислить... нельзя скрывать от себя, что в последние годы крайне усилилось

умственное возбуждение под влиянием сочинений графа Толстого и угрожает распространением странных, извращенных понятий о вере, о церкви, о правительстве и обществе; направление вполне отрицательное, отчужденное не только от церкви, но и от национальности. Точно какое-то эпидемическое сумасшествие охватило умы» [6, 251–253]. А спустя пять дней после разрешения Александра III Главное управление по делам печати еще раз подчеркнуло в своем решении, что печатание «Крейцеровой сонаты» отдельным изданием не разрешается. Несмотря на это запрещение, она продолжала издаваться нелегально. К примеру, в 1899 г. была издана тиражом 2400 экземпляров.

Такая же судьба ожидала полное издание романа «Воскресение». В России его печатание было запрещено, роман был издан за границей на многих языках, на русском же его шесть раз издал В. Г. Чертков тиражом 40 тысяч экземпляров.

Вопросы религии и деятельности церкви затрагивали не только публицистические статьи, религиозно-философские трактаты, художественные произведения Толстого, но и книги для народа, большинство из которых печатались в издательстве «Посредник», инициаторами создания которого были ближайшие сподвижники Льва Николаевича В. Г. Черткова и П. И. Бирюков. Эти книжки издавались под девизом «Не в силе Бог, а в правде», а на обложке помещался белый крест как символ христианского направления издательства.

И светская, и духовная цензура сразу же обратили внимание на издания «Посредника», поскольку они, как считал обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, «пагубно действуют на народ», распространяя среди него противоправославие и социальные лжеучения, и делали все, чтобы эти издания прекратить. В этом отношении показательна цензурная судьба «Народных рассказов Льва Толстого». Когда в 1887 г. «Посредник» выпустил эту книгу тиражом в 10 тысяч экземпляров согласно уставу без предварительной цензуры, цензор Санкт-Петербургского цензурного комитета Лебедев обратился с докладом к начальству, в котором писал: «Принимая в соображение, что в настоящем издании “Посредника” собраны исключительно рассказы мистического и религиозного содержания, цензор полагал, что это издание может составить своего рода Евангелие, не согласное во многом с учением православной церкви. Отдельные брошюры, дозволенные цензурой, не могли производить того впечатления на читающую публику, как целый подбор рассказов, в которых проповедуется ненужность молитв (в рассказе “Три старца”), пренебрежение к приобретению состояния (в рассказах “Ильяс”, “Два брата и золото”, “Сказка об Иване-дураке и его двух братьях”), всеобъемлющая любовь — любимая тема религиозных убеждений автора (в рассказе “Кающийся грешник”)» [10, 353].

Рассмотрев этот доклад, цензурный комитет отметил:

«а) действительно религиозно-мистический характер статей, помещенных в сборнике;

б) выписку, при большей части их, в виде эпитафий, текстов из св. Евангелия, часто весьма обширных, как бы указывающих на то, что истинный смысл текстов этих именно и пояснен в изложенном под ним рассказе;

в) прямое и громкое заявление издателей в предисловии, что в книге собраны такие рассказы, легенды, сказания, которые считаются “согласные с учением Христа”;

г) и особенно, что такое заявление, в связи с текстами-эпиграфами, явно указывает, что вся тенденция сборника повестей Толстого именно и заключается в пояснении и толковании божественных истин Св. Откровения — учения Христа-Спасителя» [10, 354], и решил, что окончательная судьба книги Л. Н. Толстого относится к компетенции духовной цензуры как ведомства, «ведующего и охраняющего в печати истины православного учения». Комитет духовной цензуры, подробно разобрав антирелигиозное и антицерковное содержание каждого из рассказов, констатировал: «Во всех рассказах Льва Толстого, составляющих содержание рассмотренной книги, слышится один господствующий тон, который далеко не гармонирует с требованиями правильного религиозно-нравственного воспитания и образования народа. А потому книга эта, непригодная для чтения народа и по содержанию некоторых помещенных в ней рассказов вредная своим направлением, не может быть одобрена и разрешена к выпуску в свет» [Там же, 355–356]. Соответственно отреагировало и Главное управление по делам печати, опубликовав 20 августа 1887 г. циркуляр, требующий «не допускать более печатания и выпуска в свет никаких рассказов графа Л. Н. Толстого, как появившихся, так и могущих быть им вновь написанных, без представления заключения о них на окончательное решение Главного управления по делам печати» [Там же, 357]. Книга была арестована и свет не увидела.

Раздражение Синода антицерковной деятельностью Толстого было столь велико, что он постоянно инициировал не только церковные, но и правительственные меры против влияния Толстого как в России, так и за рубежом. Например, власти приняли запретительные меры против празднования 70-летнего юбилея писателя: Министерство внутренних дел 11 мая 1898 г. приказало губернаторам «не допускать в повременных изданиях печатать статьи и известия о юбилее графа Толстого» [1, 128]. А спустя два года, 31 марта 1900 г., Синод издал «секретный указ» по духовным консисториям и епархиям, в котором, показывая Толстого «врагом православной христианской веры», приказывал «воспретить совершение поминовения, панихид, заупокойных литургий по графе Толстом в случае его смерти без покаяния» [Там же, 140]. Наконец, церковники решились на отлучение писателя от церкви. 25 февраля 1901 г. в «Церковных ведомостях» Синод опубликовал свое «Определение Святейшего Синода от 20–22 февраля 1901 г., № 557, с посланием верным чадам православные грекороссийские церкви о графе Льве Толстом», в котором утверждалось «отпадение» Толстого от церкви, поскольку «церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею». Первой на «определение» Синода об отлучении Толстого от церкви откликнулась его жена Софья Андреевна, пославшая митрополитам и Победоносцеву письмо, в котором констатировала, что церковь в этом решении поступила вопреки собственному «закону любви и всепрощения», и высказала уверенность, что постановление Синода вызовет «негодование в людях и большую любовь и

сочувствие Льву Николаевичу». Так и произошло. Во-первых, уже это письмо моментально было растиражировано и распространено в России и за рубежом. Софья Андреевна об этом записала в дневнике: «Никакая рукопись Л. Н. не имела такого быстрого и обширного распространения, как это мое письмо. Оно переведено на все иностранные языки» [4, 41]. Во-вторых, в российской и зарубежной печати были опубликованы сотни писем в поддержку Толстого, которые, несмотря на запрещение их печатать, публиковались в центральных и провинциальных изданиях [Там же, 7]. Правительство и церковь, в свою очередь, развернули мощную кампанию против Толстого, используя подчиненные им периодические издания, процерковные союзы и организации.

Лев Николаевич Толстой написал «Ответ на определение Синода от 20–22 февраля и на полученные мною по этому случаю письма», в котором проанализировал сложившуюся ситуацию и еще раз объяснил свое понимание основ христианства. Его текст был с купюрами опубликован в церковной печати, а без цензурных изъятий его опубликовали за рубежом, в России же — только в 1905–1906 гг. В 1911 г. по решению Московской судебной палаты его вырезали из собрания сочинений Толстого. Несмотря на это, «Ответ» разошелся по всему миру.

Преследование произведений Л. Н. Толстого продолжалось вплоть до 1917 г.: они конфисковывались, их вырезали из уже напечатанных книг и журналов, по приговору суда их сжигали и разрывали на части. И, несмотря на это, они продолжали выходить. На сегодняшний день выявлено около 300 произведений писателя, вышедших вопреки цензурным запретам. И это значительно больше, чем нелегальных изданий любого другого русского автора [3, 59]. Около 100 произведений Толстого было издано за рубежом, 40 из них М. К. Элпидиным в Женеве в 1884–1900 гг. Все они учтены [8] и хранятся в центральных и местных архивах и библиотеках страны.

Резюмируя, можно с уверенностью сказать, что Толстой со своей уничтожающей критикой правительства и поддерживающей его церкви битву с ними выиграл, защитив честь и достоинство передовой русской мысли.

-
1. *Апостолов Н. Н.* Лев Толстой и русское самодержавие. М.; Л., 1930.
 2. *Жирков Г. В.* Л. Н. Толстой и цензура. СПб., 2009.
 3. *Левина С. С.* Нелегальный Толстой // Книга : сб. XXXVII. М., 1978.
 4. *Петров Г. И.* Отлучение Льва Толстого от церкви. М., 1978.
 5. Письма к царям : сб. М., 1995.
 6. Письма Победоносцева к Александру III. М., 1926. Т. 2.
 7. *Позойский С. И.* К истории отлучения Льва Толстого от церкви. М., 1979.
 8. Свободный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века: Книги и периодические издания. М., 1971. Ч. 5.
 9. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. Юбилейное : в 90 т. М.; Л., 1928–1958.
 10. Цензурные преследования сочинений Л. Н. Толстого // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1960. Сб. 8.

Рукопись поступила в редакцию 11 сентября 2013 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 323.1:341 + 327(5-012) + 327(470)

Г. Н. Валиахметова

ПАРАДОКСЫ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»: ВЗГЛЯД РОССИЙСКИХ ВОСТОКОВЕДОВ

Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? : сб. ст. / отв. ред. В. В. Наумкин, В. В. Попов, В. А. Кузнецов. — М. : ИВ РАН, Факт мировой политики и ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. — 593 с.

С конца 2010 г. арабский мир вступил в состояние нарастающей турбулентности и кардинальных политических перемен. Направления, динамика и конечные итоги развития этого процесса, в том числе в контексте эволюции мировой системы международных отношений и дальнейших сдвигов в раскладе сил между ключевыми игроками мировой и региональной политики, зачастую с трудом поддаются прогнозированию даже в краткосрочной перспективе. Для описания и анализа событий «арабской весны» используются различные термины: «революции» (толпы, майданные, твиттерные, молодежные, цветные, бесцветные), «бунт», «мятеж», «политическое цунами», «переворот», «движение “фейсбукерской” молодежи», «гражданская война» и т. д. Разнобой в терминологии свидетельствует не только о смятении в умах, но и о сложности и противоречивости процесса глубоких внутренних трансформаций в арабских обществах, каждое из которых, при наличии определенных схожих черт, имеет собственную историческую, экономическую, политическую и социокультурную специфику и соответственно свои собственные пути дальнейшего развития.

В этих условиях исключительную значимость для понимания происходящих в арабском мире процессов приобретает взгляд востоковедов, чья профессиональная академическая и практическая деятельность непосредственно связана с Ближним Востоком и Северной Африкой. Именно поэтому рецензируемый

коллективный труд выступает резким и ярким контрастом по отношению к обрушившейся за последние два с лишним года волне комментариев и обзоров, авторы которых зачастую скорее отдают дань «модной» теме, нежели реально пытаются проникнуть в глубинные причины происходящих на Арабском Востоке событий и явлений.

О высоком уровне экспертных оценок, изложенных в указанном научном издании, в первую очередь свидетельствуют имена его авторитетных авторов и представляемых ими российских центров академического, образовательного и прикладного востоковедения: выдающийся знаток Ближнего Востока и крупнейший отечественный политический и общественный деятель академик Е. М. Примаков; ведущий российский ученый-востоковед, член-корреспондент РАН, директор Института востоковедения РАН В. В. Наумкин; послы В. В. Попов, А. Г. Бакланов, А. Г. Аксененок, О. Б. Павлов, В. В. Шуваев, В. В. Чамов; известные российские востоковеды И. Д. Звягельская, А. О. Филоник, Е. С. Мелкумян, Б. В. Долгов, А. З. Егорин, А. В. Демченко, Т. А. Карасова, А. В. Сарабьев, В. М. Ахмедов и др. (ИВ РАН), Г. И. Мирский (ИМЭМО РАН), Г. Г. Косач (РГГУ), Ю. Н. Зинин (МГИМО (У) МИД РФ), М. Ф. Видясова (ИСАА МГУ) и др. Российские интеллектуалы-«тяжеловесы» востоковедческого профиля с позиций глубоких теоретических знаний и внушительного практического опыта раскрывают суть происходящих в арабском мире процессов, которые для многих обозревателей еще остаются парадоксами «арабской весны».

Отсутствие в заглавии книги широко растиражированного и прочно вошедшего в мировой политической лексикон термина «арабская весна» видится отнюдь не случайным. На начальном этапе массовые протестные движения в арабских странах выглядели как порыв широких масс к свободе и демократии, что давало немало числу западных и отечественных аналитиков определенные основания трактовать происходившие события в духе Пражской весны 1968 г., ставшей символом демократизации в международных делах. Однако уже тогда многих экспертов настораживал тот факт, что ни в одном случае бунтующие не выдвигали единых политических и идеологически обоснованных лозунгов (например, не призывали обогатить бедных за счет богатых, не пытались поговорить о равенстве мужчин и женщин или мусульман, христиан, иудеев и атеистов); они требовали только одного — смены засидевшихся во власти геронтократических кланов. «Люди сказали: “Надоело! Не верим! Не боимся!” — вот и все. Не было — по крайней мере в тот момент... — никаких классовых, националистических, антиамериканских или антиизраильских лозунгов, — отмечает в этой связи один из авторов рецензируемого труда Г. Мирский, подчеркивая бесплодность попыток уложить феномен “арабского пробуждения” в прокрустово ложе привычных и понятных Западу схем протестных движений. — Это была революция не классовая, антиимпериалистическая или религиозная, а транссоциальная, транснациональная, трансконфессиональная» (с. 124).

Драматические события в Ливии, приход исламистов к власти путем демократических выборов в Тунисе и Египте, а также усиление исламских по-

литических сил во властных структурах целого ряда других арабских стран свидетельствуют о том, что вопреки логике и ожиданиям «арабская весна» сменяется не пышным расцветом демократии, а суровой «исламской зимой». В отличие от многих других аналитиков востоковеды усматривают в этом феномене не парадокс, а вполне естественный для арабо-мусульманского социума промежуточный результат еще не завершенных революционных потрясений. Процессы глубоких перемен, начавшиеся в арабском мире, очевидно, еще далеки от своего завершения, на многие вопросы ответов пока нет, еще не время для обобщающих и окончательных выводов. Поэтому авторы рецензируемого исследования наряду с уже устоявшимся, но во многом уязвимым термином «арабская весна» используют термин «арабское пробуждение», подчеркивая тем самым, что протестные движения на Арабском Востоке вполне могут стать «вехой на пути установления демократии — разумеется, демократии с арабским и исламским лицом» (Мирский, с. 130).

Востоковеды задаются вопросом, укоренится ли на Арабском Востоке — в сердце мусульманского мира — «мягкий», умеренный ислам или к власти все же прорвутся радикалы; смогут ли исламисты в отсутствие опыта государственного управления справиться с проблемами модернизации, преодоления экономической отсталости, ликвидации бедности. Исламские экстремисты явно не способны осуществить модернизацию, привлечь иностранные инвестиции и обеспечить стабильное и поступательное развитие общества. В этом отношении у умеренных исламистов несравнимо больше шансов. Мусульманские страны более внимательно стали присматриваться к опыту Турции по совмещению исламских ценностей с принципами западной демократии. На сегодняшний день остается открытым вопрос о том, смогут ли те, кто пришел к власти в результате «весенних» революций, примирить демократические ценности с нормами традиционной консервативной, а в некоторых случаях и стоящей на грани экстремизма идеологией исламских движений. Однако, несмотря на сохраняющиеся между исламистами и светскими силами принципиальные расхождения по вопросам о значимости толерантности, универсальности науки и знания, о свободе личности и правах человека, на данном этапе они выражают готовность договариваться друг с другом по широкому кругу проблем, касающихся политической архитектуры и сценариев демократического развития, что в целом, по мнению В. В. Наумкина, Г. И. Мирского и ряда других авторов рецензируемого труда, внушает определенный оптимизм по поводу перспектив арабского мира на будущее.

Ретроспективный подход к анализу арабских протестных движений является существенной отличительной чертой практически всех материалов сборника. При подобном взгляде фактически не остается дискуссионного поля для тех, кто предпочитает трактовать события «арабской весны» как «абсолютно новые и неожиданные», «как снег на голову», или в духе конспирологических теорий. История XX в. предоставляет убедительные свидетельства того, что в рамках борьбы с колониальной зависимостью, прогнившими монархическими и компрадорскими режимами за идеалы арабского национализма или социализма, в ходе внутренних конфликтов или войн с соседями и с Израилем

столь же массовые уличные выступления неоднократно вызывали глубокие перемены в арабских обществах. «Даже мобилизация участников массовых протестов с помощью коммуникационных, информационных технологий не является абсолютно новой», — отмечает В. В. Наумкин, указывая на значимость традиционных и слабо поддающихся влиянию Запада средств мобилизации в арабо-мусульманском мире — пятничных проповедей в мечетях, хотя роль последних на начальном этапе массовых волнений не была очевидной (с. 4–5). Вместе с тем появление новых для Арабского Востока средств мобилизации — протестной журналистики, спутниковых каналов, мобильной связи, Интернета и социальных сетей — сигнализирует о формировании нового медийного пространства в арабском мире и возрастании риска дезинформации и манипуляции общественным мнением в интересах тех или иных влиятельных политических игроков. Указанная проблематика также стала предметом исследования в статьях рецензируемого труда.

Серьезной критике авторы издания подвергают версии о причастности внешних сил к событиям «арабской весны» через тайные каналы влияния. В условиях сработавшего принципа «домино» и использования новых средств мобилизации участников протестов для многих обозревателей оказался велик соблазн вписать происходящие события в ставшие уже привычными и понятными сценарии «цветных революций», произошедших на постсоветском пространстве (Украина, Грузия, Киргизия), интерпретировать их в духе конспирологических версий как происки Запада, поддерживающего антиправительственные выступления с целью сузить сферу российского влияния в геополитически важном регионе мира. Склонность некоторых представителей российской политической элиты и экспертного сообщества видеть в глобальных процессах «арабского пробуждения» срежиссированные в Вашингтоне геополитические сценарии исходит, по мнению большинства востоковедов, от непонимания подлинных причин этих процессов и некорректной оценки их потенциального влияния на Россию и ее союзников (Примаков, с. 28; Наумкин, с. 8; Мирский, с. 122–124; Звягельская, с. 530–533; и др.). Однако, как отмечают авторы сборника, несмотря на данный фактор, российское руководство все же осталось в рамках прагматического и конструктивного подхода к решению порожденных «арабской весной» проблем, о чем свидетельствует позиция Москвы в сирийском вопросе.

Примечательно, что взгляд на социальные сетевые сервисы как основную движущую силу арабских революций и версии о наличии в «арабской весне» элемента управления и координации ее событий из Вашингтона не выдерживают серьезной критики не только с позиций современного востоковедного знания. Ведущие эксперты «айтишного» сообщества России и Запада также сходятся во мнении, что информационно-коммуникационные технологии сами по себе не являлись причиной и источником социальных волнений на Арабском Востоке, не были доминирующим каналом коммуникации оппозиционных сил и участников протестов. Вместе с тем они частично придали событиям в арабских странах ту скорость и динамику, которая застала врасплох их оппонентов — правительства и поддерживающие их силы. Эксперты также

признают, что кибертехнологии, не представляя угрозу безопасности на международном уровне и на уровне отдельных государств, тем не менее могут оказывать деструктивное влияние на международную безопасность в случае их ориентации на подрыв режимов в авторитарных странах, шпионаж и разведку в рамках соответствующего политического курса заинтересованных региональных и внерегиональных игроков [1, 67–74, 83].

Очевидно, что попытки свести арабские революции к единому знаменателю или найти их самую главную, ключевую причину снижают практическую значимость научных изысканий. В этой связи отметим другую отличительную черту рецензируемого издания — общий для всех авторов акцент на сложном, комплексном характере причин (преимущественно внутренних) и последствий «арабского пробуждения». Авторы сборника пишут, что было бы неправильно обосновывать народное возмущение исключительно социально-экономическими причинами, потому что протестные выступления коснулись в том числе отнюдь не бедных стран (Тунис, Ливия, Бахрейн, Саудовская Аравия); кроме того, экономическая направленность протестного движения не отрицает того факта, что жизнь в большинстве арабских стран в последние десятилетия все-таки улучшилась. Объясняя подобные «парадоксы», А. Филоник обращает внимание на значимость психологических причин «весны гнева» и осмысления в данном контексте исторического опыта и специфики общественного сознания каждой из арабских стран (с. 68).

Авторы сборника ориентированы на детальное изучение каждого конкретного случая «арабского пробуждения» в рамках комплексного подхода, сопряженного с экономическими, социологическими, политологическими, международно-правовыми, культурологическими, историческими и исламоведческими исследованиями. Об этом свидетельствуют структура книги и широкий круг затронутых в ней проблем, в числе которых специфика демократизации и перспективы политического ислама в арабском мире; место и роль армии в меняющихся политических структурах; возможности и пределы альянса Запада с исламистами; допустимость, легитимность и условия вмешательства во внутренние конфликты внерегиональных сил, в том числе под эгидой защиты гражданского населения; пути эволюции ближневосточной системы безопасности на фоне изменения политического ландшафта региона, приобретающего тупиковый и, возможно, уже необратимый характер арабо-израильского конфликта, обострения суннитско-шиитских противоречий, подогреваемых геополитическими амбициями региональных и глобальных игроков, и т. д.

Исключительную практическую ценность представляют экспертные оценки возможных сценариев дальнейшего развития событий в арабских странах, с учетом которых России следует выстраивать свои отношения с региональными и внерегиональными игроками на Ближнем Востоке. По мнению востоковедов, контуры будущей политической конфигурации региона подтверждают обоснованность взвешенной политики России, поставившей во главу угла идею посредничества и понуждения конфликтующих сторон к внутринациональному и междивизиационному диалогу. В условиях высокого уровня неопределенности в этом исключительно важном для России геополитическом

регионе мира наиболее конструктивными остаются чисто прагматический подход, акцент на экономическую выгоду для государств и российских компаний, развитие структур и механизмов региональной безопасности, укрепление духовных уз между мусульманами и православными христианами России и Ближнего Востока. «Жаль, что такие материалы не выходят до начала кризисных ситуаций», — отметил один из участников презентации рецензируемого сборника, состоявшейся в марте 2013 г. в Институте востоковедения РАН с участием представителей российских политических и дипломатических ведомств [2].

В целом можно резюмировать, что представленные в сборнике обширные фактические и аналитические материалы дают новый импульс для общетеоретического дискурса и выработки практических шагов для решения проблем, вставших перед Арабским Востоком и его внешним окружением. Подобные добротные, высококвалифицированные, информационно насыщенные публикации являются бесценным подарком для всех, кто профессионально занимается арабским миром, Ближним Востоком и Северной Африкой, а также проблемами, связанными с текущей трансформацией системы международных отношений в целом.

1. Демидов О. Социальные сетевые сервисы в контексте международной и национальной безопасности // Индекс безопасности. 2013. № 1(104). С. 65–86.

2. Малеев В. Ближний Восток: события, люди // Новое восточное обозрение. 18.03.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ru.journal-neo.com/node/120657> (дата обращения: 20.03.2013).

Рукопись поступила в редакцию 12 сентября 2013 г.

АВТОРЫ НОМЕРА

АНТОНОВА Наталья Леонидовна — профессор кафедры теории и истории социологии департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор социологических наук. E-mail: n-tata@mail.ru

ВАЛИАХМЕТОВА Гульнара Ниловна — профессор кафедры востоковедения департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор исторических наук. E-mail: vgulnara@mail.ru

ГАВРИЛОВА Вера Александровна — старший преподаватель кафедры международных отношений и регионоведения факультета гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета. E-mail: gavrilova.nsk@yandex.ru

ГУТОРОВ Владимир Александрович — заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, профессор, доктор философских наук. E-mail: gut-50@mail.ru

ДОРОЖИНСКАЯ Елена Сергеевна — магистрант 1 года обучения департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: dorozhinskaya-elena@yandex.ru

ДРОНИШИНЕЦ Николай Павлович — заведующий кафедрой философии Новоуральского технологического института Национального исследовательского ядерного университета-МИФИ, профессор, доктор философских наук. E-mail: dronishinets1@yandex.ru

ЕМЕЛЬЯНОВ Борис Владимирович — профессор кафедры истории философии и философии образования департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор философских наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Российской академии естественных наук и Московской академии гуманитарных наук. Область научных интересов — теория и методология источниковедения истории философии, история русской философии. E-mail: philosophy7@mail.ru

ИОНАЙТИС Ольга Борисовна — профессор кафедры истории философии и философии образования департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: Ionaitis@yandex.ru

ЙОНТЕР Томас — директор департамента экономической истории Стокгольмского университета (Швеция), профессор. E-mail: thomas.jonter@ekohist.su.se

КАМУНИН Владимир Дмитриевич — заведующий кафедрой евразийских исследований департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, профессор, доктор исторических наук. E-mail: kamyninv@yandex.ru

КЕМЕРОВ Вячеслав Евгеньевич — профессор кафедры социальной философии департамента философии Института социальных и политических наук, доктор философских наук. E-mail: Kemerov1444@yandex.ru

КЕРИМОВ Тандыг Хафизович — заведующий кафедрой социальной философии департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, профессор, доктор философских наук. E-mail: kerimovt@mail.ru

КОСТОГРЫЗОВ Павел Игоревич — старший преподаватель кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии. E-mail: pkostogryzov@yandex.ru

КУТНАЕВА Нурия Асылбековна — вице-президент по академическому управлению Международного университета в Центральной Азии (Токмок, Кыргызстан), аспирант кафедры политологии Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б. Ельцина (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: kutnaeva@gmail.com

ЛАЗАРЕВА Елена Владимировна — доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: levburo@mail.ru

МАКЕРОВА Вера Владимировна — доцент кафедры социальной психологии и психологии управления департамента психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: makerova.v.vera@mail.ru

МАНОЙЛО Андрей Викторович — заместитель декана факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, профессор, доктор политических наук. E-mail: cyberhurricane@yandex.ru

МЕРЕНКОВ Анатолий Васильевич — директор департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, заведующий кафедрой прикладной социологии, профессор, доктор философских наук. E-mail: anatoly.mer@gmail.com

МИХАЙЛЕНКО Валерий Иванович — директор департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федераль-

ного университета, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений, профессор, доктор исторических наук. E-mail: valermik@gmail.com

МИХАЙЛЕНКО Екатерина Борисовна — доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат исторических наук. E-mail: ekamikhaylenko@gmail.com

МОЧАЛОВА Татьяна Сергеевна — студентка департамента психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: makerova.v.vera@mail.ru

МУРАТШИНА Ксения Геннадьевна — ассистент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: ksenia-kgm@mail.ru

СИНОВЕЦ Полина Андреевна — доцент кафедры международных отношений Института социальных наук Одесского национального университета им. И. И. Мечникова (Украина), кандидат политических наук. E-mail: polia@list.ru

SUMMARY

INTERNATIONAL RELATIONS AND SECURITY IN THE XXTH AND XXIST CENTURIES

- Kamynin V. D., Kostogrysov P. I.* The Czechoslovak Legion Revolt and its Consequences for Military Intervention in Russia in 1918 6

The authors analyze the role the Czechoslovak Legion's uprising played in the internationalization of the Civil war in Russia during the spring and summer of 1918. The new archival sources that expose the role of foreign powers in involving the prisoners of war of the former Austro-Hungarian Empire in Russian civil conflicts are introduced.

Key words: Russian Civil war, Czechoslovak Legion, Entente, Bolshevik government, Ural region.

- Lazareva E. W.* Foreign Capital as Factor in Russia's Military Alliance with the Entente Powers 14

The author discusses the influence of European capital on Russia's foreign policy and allying with the Entente. The forms of investment, scale and character of financial interaction between Russia and Europe are explored. The author demonstrates that Russia's economic relations with France, Britain and the USA had significant impact on the formulation of Russian diplomatic and military strategies before and during the First World War.

Key words: foreign capital, Entente, political interaction, loans, investments, historical science.

- Valiakhmetova G. N.* The Soviet Factor in Britain's Relations with Saudi Arabia in 1939–1940 20

The author analyzes previously neglected aspects of the transformation that occurred in the Middle East at the beginning of the Second World War. The author relies on unpublished archival collections of British diplomatic communications (National Archive of Great Britain, Public Record Office) and explores the role of the Soviet factor in the negotiations on regional security between the British and Saudi officials. While emphasizing the mythical "soviet threat" to the Arab countries, the British, the Saudi, and later the US, diplomats managed to overcome mutual mistrust and consolidated the opposition to the actual German challenge. The initial compromises were built on conflicting interests and the alliance ended, when strong anti-westernist feelings prevailed among Arab countries in the second half of the twentieth century. The article is written in the tradition of Ural school of the History of International Relations that was founded by Professor I. N. Chempalov (1913–2008).

Key words: Great Britain, Saudi Arabia, USA, Soviet threat, Arab world, Ibn Saud.

- Mikhaylenko V. I.* Fascist plans for a “new European order” 30
 Article addresses to the study of the origin and evolution of the Italian Fascist conception of the new European order. After coming to power of Mussolini and to 1932 Fascist Italy distanced itself from the liberal Europe. Its ideologues justify the uniqueness of “fascist civilization.” Since then, the Italian fascism was the claim to “universal fascist civilization” was created by “fascist international” and attempts to justify the “new European order fascist”.
- Key words:** European idea, national idea, civilization fascist, fascist identity, the living space (spazio vitale), the fascist “Europeanism”, the fascist reconstruction of Europe.
- Ionter T.* Why Sweden did not create atomic weapons? 39
 Why did Sweden choose, in the late 1960s, to abandon its long-standing nuclear weapons plans? This article recounts, in broad terms, the history of nuclear weapons plans in Sweden during the period 1945–1968. By the end of this period, Sweden had in place a nuclear program capable of producing nuclear weapons within a few years. But for a combination of reasons – among them a rising public opposition to nuclear weapons, a tension between civilian nuclear power goals and the goal of maintaining freedom of action with respect to nuclear weapons, the US policy to discourage the Swedes from building the bomb, and a strengthening of international non-proliferation norms – the program was abandoned in 1968 when Sweden joined the Non-proliferation Treaty as a non-weapon state.
- Key words:** Swedish nuclear program, nuclear weapons, nuclear non-proliferation regime.
- Gavrilova V. A.* The Nuclear Factor in U. S. – India Relations during Nixon’s Presidency 60
 The author introduces new sources that allow identifying the effect of the Indian nuclear program and of peaceful nuclear tests in 1974 on the relations between India and the US.
- Key words:** nuclear weapons, US foreign policy, India.
- Dronishinets N. P.* North Korea’s Nuclear Missile Program and Its Impact on Public Opinion in the Asia-Pacific Region 65
 The author investigates the new political situation in North Korea that obtains after the ascent of Kim Jong-un to supreme leadership and the nuclear testing in 2013. The controversies around North Korea’s nuclear missile program are analyzed. The history of development of the nuclear power in North Korea and its impact on regional security are discussed
- Key words:** nuclear missile program, security, public opinion, North Korea.
- Kutnaeva N. A.* Nuclear-Weapon-Free Zones in the International Nonproliferation Regime 73
 The article explores the interpretation of notions of international regime and nuclear weapon nonproliferation regime in various approaches to international relations (neo-liberalism, neo-realism and cognitivism). The main elements of nuclear weapon nonproliferation regime are distinguished: international agreements, international institutions, international initiatives, national law. The author focuses on interrelation of geographical location and nonproliferation regime and argues that proximity to the US or former USSR, and remoteness from Europe, determines region’s position in Nuclear-Weapon-Free Zones. The author concludes that military political structure of the world is still largely dependent on the view that Europe is focal point of military strategies.
- Key words:** international regime, nuclear nonproliferation regime, nuclear-weapon-free zone, disarmament, nuclear weapons.
- Mikhaylenko E. B.* The Controversy of the U.S.’s Plans to Upgrade Tactical Nuclear Weapons in Europe: A New Round of “Cold” Conflict? 89
 The article examines the NATO members’ and Russia’s positions concerning the U.S. plans to modernize tactical nuclear weapons (TNW) located in Europe. Tactical nuclear weapons, which were considered to represent NATO’s unity during the 2000s, have now become the contested issue between “new” and “old” members. The TNW upgrade plans are also used to bargain with Russia in bilateral negotiations on disarmament. The author analyzes the importance of tactical nuclear weapons

for European NATO members and explores the United States' home justifications for financing the TNW upgrade. The article also assesses the outcomes of the modernization of tactical nuclear weapons in Europe for Russian Federation.

Key words: tactical nuclear weapons, the United States, NATO, Russia, disarmament.

Sinovec P. A. Prospects of the United States and Russia's Dialogue on the Military Strategic Policies 96

The author discusses the key issues of the military-strategic dialogue between Russian Federation and the United States, as well as negotiations on reduction of strategic nuclear weapons. The analysis focuses on the missile defense problem and examines the question of imbalance between Russia and NATO on a high-precision conventional weapons. The author offers several options to overcome the impasse in current relations between Russian Federation and the United States through mutual compromise and reciprocal control of offensive and defensive weapons.

Key words: international security, missile defense, precision-guided weapons, strategic weapons, non-strategic nuclear weapons.

Muratshina K. G. Partnership of Russia and China in International Arena (1991–2011) 105

The author analyzes Russian-Chinese partnership at the international level on the basis of official diplomatic agreements for the last two decades. The author outlines common views and joint initiatives as well as highlights differences in the approaches to international agenda.

Key words: Russian Federation, People's Republic of China, partnership at the international level.

TRENDS OF THE MODERN POLITICAL PROCESS

Gutorov V. A. Mass-media as Actor in Political Process: Evolution of the Western Approaches since the 1950s (part 2) 117

In the second part of the article, the author focuses on the notion of political actor with respect to the mass media in various trends of the US and European political science. The rise of media corporations and their paramount importance in the presidential and parliamentary election campaigns are explored. The influence of private media corporations and of state funded media corporations on public opinion is assessed. The author surveys the typologies of mass media in political science and political sociology and analyzes theoretical and methodological justifications of these typologies.

Key words: mass political communications, political analysis, mass media, public opinion, political ideologies, media corporations, election campaigns, manipulation.

Manoilo A. V. Revolutions of the "Arab Spring" and the Syrian Question 148

The author analyzes why the technologies employed in the "color revolutions" (the "Arab Spring"), failed in Syria. The author examines the scenarios of "color revolutions" in Libya and Syria in detail. The justifications for military intervention in the Syrian conflict offered by Western politicians are discussed.

Key words: Libya, Syria, color revolution, Arab Spring, conflict management, political modernization, psychological operations, information policy.

ONTOLOGY

Kerimov T. H. Time and Time Consciousness: Limitations of Phenomenological Analysis 158

The article offers the critique of phenomenological interpretation of the internal time of consciousness. The author focuses on four elements of phenomenology of internal time consciousness. The analysis of these elements invalidates the fundamental claims of phenomenology with respect to internal time consciousness and calls into question Husserl's notion of time and the whole project of transcendental phenomenology. The author relies on the concept of arche-trace, as employed by J. Derrida, for

deconstructing traditional understanding of time and for formulating new definition that emancipates theory of internal time consciousness from the notion of extratemporal identity.

Key words: internal time consciousness, phenomenology, time synthesis, infinite regression, absolute flux, arche-trace.

SOCIAL THEORY AND SOCIOLOGY

Kemerov V. E. Social Chronotop and Transformation of Modern Social Knowledge 172

The author focuses on the concept of social chronotop and its role in development of modern social theory and humanities. The article demonstrates how this concept operates in various forms of modern social methodology and in new approaches to social ontology. The author defines social chronotop as an interdependence of four elements: social space and social time, human activity and social dynamics. The author concludes that the concept of social chronotop engenders significant shifts within methodology of modern social theory.

Key words: social space, social time, social chronotop, social ontology, methodology of social sciences.

Merenkov A. V., Antonova N. L., Dorozhinskaya E. S. Social Adaptation of International Students in the Ural Federal University 185

On the basis of sociological research, the authors investigate the main problems of adaptation among international students of the Ural Federal University. The authors highlight the difficulties that organization of learning, everyday accommodation and leisure activities cause among foreign students. The authors offer ways of improving the work with international students in order to facilitate their adaptation.

Key words: adaptation, foreign students, Ural Federal University.

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY AND PSYCHOLOGY

Makerova V. V., Mochalova T. S. Domination as a Personality Trait of Men after Military Service 193

The authors discuss the psychological model of a personality type, characteristic of men who have served in the army and the psychological factors obstructing their resocialization. Two groups of men are compared: those who have the experience of military service and those who lack it. The comparative analysis reveals personality traits of “deficiency-motivated personality”.

Key words: psychological dominance, dominance in the negative sense, deficiency-motivated personality, independent-dominant behavior, distrustful-skeptical behavior, low self-esteem.

HISTORY OF PHILOSOPHY

Emelianov B. V., Ionaitis O. B. Confrontation of Russian Orthodox Church with L. N. Tolstoy's Ideas and Writings. To 185th Anniversary of L. N. Tolstoy 203

The authors use censorship archives to shed new light on the opposition mounted by Russian Orthodox Church to dissemination of ideas and writings of L. N. Tolstoy. The cases of official prohibitions as well as the cases of printing Tolstoy's works in uncensored publications are analyzed.

Key words: L. N. Tolstoy, K. P. Pobedonostsev, censorship, Synod, “Mediator”, prohibition, free press.

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

Valiakhmetova G. N. The West and the Muslim World: Political Context of Promotion of Dialogue Among Civilizations 211

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
2013. № 4 (121)

Серия 3
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Редактор и корректор *Т. А. Федорова*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27.01.12.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 19.12.2013. Формат 70×100^{1/16}.
Уч.-изд. л. 17,5. Усл. печ. л. 18,53. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 2963.

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Отпечатано в ИПЦ УрФУ. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

*Уважаемые авторы и читатели журнала
«Известия Уральского федерального университета»
Серия 3. Общественные науки!»*

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27 января 2012 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 3 июля 2007 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 1817–7174;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с рекомендациями экспертных советов по **философии, социологии, политологии, культурологии, психологии, международным отношениям** Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ;
- включен в Объединенный подписной каталог «Пресса России». Подписной индекс 82415.

Библиографические сведения и информация о статьях в журнале размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской университетской научной электронной библиотеки (РУНЭБ).

Полнотекстовая версия журнала размещается на портале университета (<http://urfu.ru/science/scientific-publications/izvestija-urfu/>) и на платформе РУНЭБ.

О порядке предоставления рукописей

1. В редакцию по электронной почте (izvestia_3@usu.ru), по почте или лично автором предоставляется текст статьи (в двух экземплярах) (см. ниже требования к оригиналу) и анкета статьи (см. ниже).
2. В редакцию по почте или лично автором представляется официально заверенная внешняя рецензия (делается специалистом соответствующей отрасли знаний, не работающим в одном вузе, или на одном факультете, или на одной кафедре с автором статьи).
3. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и, если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.
4. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.
5. Редакция согласует с автором все исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:
 - а) Шрифт – Times New Roman, кегль – 14, интервал – 1,5. Поля – все по 2 см;
 - б) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество – полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в том числе сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес.

Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук — философских, социологических, политологических, культурологических или экономических — они выступают соискателями ученого звания;

в) инициалы и фамилия автора на русском языке;

г) заголовок статьи на русском языке;

д) краткая, 5–7 строк, аннотация (включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций) к статье на русском языке (по ГОСТ 7.9–95).

Рекомендации к составлению аннотаций статей, представляемых для публикации в журнале «Известия УрФУ. Серия 3. Общественные науки».

Аннотация необходима для упрощения поиска в электронных научно-информационных базах, среди миллионов других доступных источников. Именно благодаря аннотации статья может заслужить внимание читателя, поэтому четкая краткая характеристика основного содержания статьи является важнейшим элементом поискового образа документа (ПОД), наряду с самим названием, ключевыми словами и кодами. Объем аннотации — не менее 500 и не более 800 знаков без пробелов.

В аннотации должны быть указаны:

— конкретная научная проблема (предмет), анализу которой посвящена статья, сформулированная таким образом, чтобы выявить ее актуальность;

— научное направление, школа или научный подход, в рамках которого проведено исследование;

— основные этапы анализа или аргументации;

— главные результаты (выводы) проведенного исследования, сформулированные таким образом, чтобы выявить новизну.

Аннотация и ключевые слова должны отражать специфику работы и быть максимально конкретными;

е) ключевые слова по исследуемой проблеме (должны повторяться либо в названии статьи, либо в аннотации);

ж) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке;

з) основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники;

и) затекстовый список цитируемой литературы (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

Автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила оформления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru>

3. *Герцен А. И.* С того берега // Герцен А. И. Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3.

.....

9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27.

10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. СПб. ; Варшава, 1906–1907. Т. 1.

11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbк.ru>

.....

21. *Шаццлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000;

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках. Например:

[1] — означает общее указание на книгу или другой источник по теме исследования;

[1, 23] — первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) — на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются;

в) ссылки на архивные материалы располагаются непосредственно в тексте, в квадратных скобках. Название архива, если оно не является общеизвестным, приводят в сокращенном варианте, а затем расшифровывают в круглых скобках. Например:

[ГАСО (Гос. архив Свердловской обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

[РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

3. **Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды (предоставленные только в наше издание) объемом не более одного учетно-издательского (авторского, 40 000 знаков) листа.**

4. Текст не должен содержать сложных таблиц, графиков и рисунков.

Почтовый адрес редакции: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 319.

Философский факультет.

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 3. Общественные науки».

Главному редактору *Суслову Николаю Владимировичу*.

Рукописи принимаются в редакции: пр. Ленина, 51, к. 319

(член редколлегии *Ковалева Екатерина Сергеевна*. Телефон для справок (343) 350-59-20).

Электронный адрес: izvestia_3@usu.ru

АНКЕТА СТАТЬИ

ФИО автора 1 (полностью)	
Организация	
Страна	
Город	
E-mail:	
Почтовый адрес и телефон	
Код научной специальности	
ФИО автора 2 (полностью)	
Организация	
Страна	
Город	
E-mail:	
Почтовый адрес и телефон	
Код научной специальности	
Наименование статьи	
Код УДК	
Аннотация	
Ключевые слова	
Список библиографических ссылок	
На английском языке:	
Author 1 (полностью)	
Organization	
Country	
City	
Author 2 (полностью)	
Organization	
Country	
City	
Title of article	
Abstract	
Key words	